

Йен Бенкс. Осиная фабрика

1: Жертвенные Столбы

1

В день, когда я услышал, что мой брат сбежал, я обходил Жертвенные Столбы.. К тому времени я уже знал, что-то должно было случиться; мне сказала Фабрика.

На северном конце острова, около поваленных остатков верфи, там, где ручка ржавой лебедки скрипит на восточном ветру, на дальней стороне последней дюны у меня было два Столба. К одному из них была прикреплена голова крысы и две стрекозы, к другому - чайка и две мыши. Я прибывал мышиную голову на место, когда птицы, крича, взлетели в вечерний воздух и стали кружиться над тропинкой через дюны, там, где она проходила около гнезд. Я убедился, что голова хорошо держится, а потом взобрался на верхушку дюны, чтобы посмотреть в бинокль.

Диггс, полицейский из города, с опущенной головой ехал по тропинке на велосипеде, сильно нажимая на педали, а колеса проваливались сквозь песчаную поверхность почвы. Он сошел с велосипеда на мосту, оставив его прислоненным к подвесным канатам, и прошел к середине качающегося моста, к калитке. Я видел, как он нажал на кнопку переговорного устройства. Диггс постоял, оглядывая тихие дюны и успокаивающихся птиц. Меня он не видел, потому что я хорошо спрятался. Потом отец, наверное, ответил на звонок в доме, потому что Диггс слегка наклонился к мембране около кнопки, затем открыл калитку, перешел мост, вступил на остров и прошел к дому. Когда он исчез за дюнами, я немного посидел, почесывая лобок, а ветер играл моими волосами, и птицы возвращались в свои гнезда.

Я снял катапульту с ремня, выбрал полуторасантиметровый кусок железа, тщательно прицелился и отправил его по дуге над рекой, телефонными столбами и маленьким подвесным мостом на Большую Землю. Железо ударило знак "Вход запрещен - частная собственность" со звуком на пределе слышимости, и я улыбнулся. Это был хороший знак. Фабрика не сообщила деталей (она редко это делает), но у меня было ощущение, словно то, о чем она предупреждала, было важным, и я подозревал, что оно будет плохим, но я предусмотрительно понял намек и поверил мои столбы, сейчас я знал, что моя рука по-прежнему тверда; я по-прежнему контролировал ситуацию.

Я решил не идти домой сразу. Отцу не понравилось бы, если бы я там был одновременно с Диггсом, и в любом случае мне нужно было проверить пару Столбов до захода солнца. Я прыгнул и соскользнул по склону дюны в ее тень, потом обернулся посмотреть на эти маленькие головы и тела, охраняющие северный край острова. Они выглядели отлично на высушенной коре искривленных веток. Черные ленты, прикрепленные к ветвям, развевал ветерок, они махали мне. Я решил: завтра на всякий случай попрошу Фабрику о дополнительной информации. Если мне повезет, отец что-нибудь мне расскажет и, может быть, это даже окажется правдой.

2

Когда наступили сумерки, и стали появляться звезды, я оставил мешок с головами и телами в Бункере. Птицы рассказали мне, что Диггс ушел несколько минут назад, поэтому я быстро побежал к дому, все огни которого как обычно горели впереди. Отец встретил меня на кухне:

- Диггс был здесь. Думаю, ты об этом знаешь.

Он подставил конец короткой толстой сигары, которую он докурив, под кран, включил на секунду холодную воду, дождался пока коричневый окурочок зашипел и умер, потом выбросил промокший остаток в мусорное ведро. Я положил мешок на большой стол и сел, пожав плечами. Отец зажег газовую плиту под кастрюлей с супом, посмотрел под крышку в нагревающуюся смесь и повернулся посмотреть на меня.

В комнате на высоте плеча плавал слой серо-голубого дыма, и в нем была

большая волна, вероятно, это я поднял ее, когда прошел через двойные двери веранды. Волна медленно поднималась между нами, а отец пристально смотрел на меня. Я занервничал, посмотрел вниз, играя с рукояткой катапульты. Я подумал, что отец выглядит озабоченным, но он был хорошим актером и возможно это было как раз то, в чем он хотел меня убедить, поэтому в глубине души я ему не поверил.

- Думаю, мне лучше тебе рассказать, - сказал он, но опять отвернулся, взял деревянную ложку и стал помешивать суп. Я ждал. - Это Эрик.

И тогда я понял, что случилось. Он мог бы ничего больше не говорить. Из сказанного им, можно было бы сделать вывод, будто мой сводный брат умер или заболел, или что-то случилось с ним, но я знал - это было нечто, что сделал Эрик, и только одно действие Эрика могло заставить моего отца выглядеть озабоченным. Мой брат сбежал. Но вслух я ничего не сказал.

- Эрик убежал из госпиталя. Вот зачем Диггс приезжал. Они думают, он направится сюда. Сними эти штуки со стола, я же тебе уже сто раз говорил, - он попробовал суп, стоя спиной ко мне. Я подождал, пока он стал поворачиваться и тогда снял катапульту, бинокль и лопатку со стола. Тем же ровным тоном отец продолжил. - Ну, я не думаю, что ему удастся забраться так далеко. Скорее всего, они поймут его через день-другой. Я просто поставлю тебя в известность. На случай, если кто-то узнает об этом и станет трепаться. Достань тарелку.

Я подошел к шкафу и достал тарелку, потом опять сел, подогнув одну ногу под себя. Отец продолжал мешать суп, запах которого я чувствовал через дым от сигары. Я чувствовал радость - поднимающуюся, пузырящуюся волну. Эрик возвращается домой, это хорошо-плохо. Я знал, он сможет это сделать. Я даже не собирался спрашивать об этом Фабрику, он доберется. Интересно, сколько времени ему понадобится, и придется ли Диггсу ходить по городу, крича: сумасшедший парень, который поджигал собак, снова на свободе, запирайте ваших псов!

Отец налил суп в мою тарелку. Я подул на нее. Я подумал о Жертвенных Столбах. Они были системой раннего предупреждения и отпугивания - два в одном, наполненные силой вещи, обращенные наружу, охраняющие. Эти тотемы были моим предупредительным выстрелом, любой, попавший на остров после того, как он их видел, должен знать что ожидать. Но оказалось, что вместо сжатого угрожающего кулака они будут приветливой открытой ладонью. Для Эрика.

- Я вижу, ты опять помыл руки, - с иронией сказал отец, когда я начал есть горячий суп. Он достал бутылку виски из бара и налил себе в стакан. Второй стакан, предположительно констебля, он поставил в раковину. Он сел около дальнего конца стола.

Мой отец высокий и стройный, хотя слегка сутулится. У него тонкое, как у женщины, лицо и темные глаза. Он хромотает с тех пор, как я его помню. Его левая нога почти не сгибается; выходя из дома, он обычно берет с собой палку. Иногда, во влажные дни он вынужден использовать палку и в доме, и тогда я слышу как он стучит в не застеленных коврами комнатах и коридорах дома; монотонный звук, перемещающийся с место на место. Только на кухне палка затихает, каменный пол заставляет ее замолчать.

Палка - это символ безопасности Фабрики. Замкнутая в неподвижности, нога моего отца предоставила мне убежище в теплом пространстве чердака, среди ненужных вещей и мусора наверху дома, там, где движется пыль, солнечный свет падает косыми лучами и там, где затаилась Фабрика - молчаливая, живая и неподвижная.

Отец не может вскарабкаться по узкой лестнице с верхнего этажа дома, да даже если бы и мог, то он был бы неспособен перейти с лестницы на чердак, для этого нужно изогнуться из-за трубы камина.

Поэтому чердак принадлежит мне.

Я полагаю, моему отцу около сорока пяти, хотя иногда он выглядит гораздо старше, а иногда я думаю, он может быть немного младше. Он не скажет мне свой настоящий возраст, поэтому по моей оценке ему сорок пять, если судить по его внешнему виду.

- Какая высота стола? - внезапно спросил он, только я собрался пойти к хлебнице за куском хлеба вытереть мою тарелку. Я обернулся и посмотрел на него, не понимая, почему он задал такой простой вопрос:

- Тридцать дюймов, - сказал я и взял корку из хлебницы.

- Не правильно, - сказал он с довольной улыбкой. - Два фута и шесть дюймов <В футах двенадцать дюймов. - Здесь и далее прим. переводчика>.

Я нахмурился и потряс головой, вытер коричневый ободок супа с тарелки. Было время, когда я по-настоящему боялся таких idiotских вопросов, но теперь я знал высоту, ширину, длину, площадь и объем почти любой части дома и всего, что в нем находится и научился не обращать внимание на одержимость отца. Иногда становится стыдно, например, когда у нас гости, даже если они наши родственники и должны знать, чего можно ожидать. Представляю их, сидящих скорее всего в столовой и думающих о том, собирается ли отец дать им хоть чего-нибудь поесть или он ограничится импровизированной лекцией о раке прямой кишки или глистах, а тут отец подсаживается к кому-нибудь, отглядывается по сторонам, чтобы убедиться во всеобщем внимании, а потом заговорщическим театральным шепотом говорит:

- Видите эту дверь? Она восемьдесят пять дюймов по диагонали, - потом он подмигивает и уходит или отодвигается на свое место с невозмутимым видом.

С тех пор как я себя помню, в доме всегда было полно самоклеющихся кусочков белой бумаги, покрытых аккуратными надписями черной шариковой ручкой. Прикрепленные к ножкам стульев, краям ковриков, дну кувшинов, антеннам радио, дверям шкафов, изголовьям кроватей, экранам телевизоров, ручкам кастрюль и сковородок, они сообщают цифру, соответствующую части объекта, к которому прикреплены. Даже к листьям растений прикреплены бумажки, подписанные карандашом. Однажды, когда я был еще маленьким, я обошел весь дом, обрывая стикеры; я получил ремнем и два дня был под арестом в своей комнате. Позже отец решил, что мне для формирования характера было бы полезным знать все эти цифры и потому мне пришлось часами сидеть над Книгой Измерений (огромной штукой с отдельными листами, на которых информация с маленьких стикеров была аккуратно сгруппирована соответственно комнате и категории объекта) или ходить по дому с блокнотом и делать собственные записи. Все это было дополнительно к обычным урокам по математике, истории и так далее, которые поводил со мной отец. Это не оставляло времени на игры, и я сильно не любил учить все эти цифры. В то время была Война, кажется, между Мидиями и Мертвыми Мухами, и пока я сидел в библиотеке, уставясь в книгу и пытаюсь держать глаза открытыми, запоминая чертовски глупую Имперскую систему измерений, холодный ветер нес мои армии мух над половиной острова, а море сначала затапливало раковины мидий, а затем покрывало их песком. К счастью, отец утомился от своего грандиозного плана и удовлетворился внезапными вопросами относительно вместимости в пинтах подставки для зонтов или общей площади в краях всех висящих в доме занавесок.

- Я больше не буду отвечать на твои вопросы, - сказал ему я, относя тарелку в раковину. - Нам давно нужно было перейти на Метрическую систему.

Отец хмыкнул и осушил свой стакан:

- Гектары и тому подобная чушь. Ни в коем случае. Основано на величине земного шара. Ты и сам знаешь, какой это все нонсенс.

Я вздохнул и взял яблоко из миски на подоконнике. Отец однажды убедил меня в том, что земля имеет форму ленты Мебиуса, а не шара. Он по-прежнему настаивает на своей убежденности и с большой помпой отправляет рукопись в лондонское издательство, пытаюсь заставить их опубликовать книгу с подробным изложением своих взглядов, но я знаю, что он опять развлекается и получает удовольствие от своего ошеломленного неверия и справедливого гнева, когда рукопись возвращают. Это происходит в среднем раз в три месяца, и сомневаюсь, что жизнь доставляла бы ему столько удовольствия без такого рода ритуала. В любом случае, это одни из его аргументов против перевода его глупых измерений в метрическую систему, хотя на самом деле он просто ленится.

- Что ты делал сегодня? - он уставился на меня, перекатывая стакан по деревянной крышке стола.

Я пожал плечами:

- Гулял по острову и все такое.

- Опять строил дамбы? - Он презрительно улыбнулся.

- Нет, - уверенно сказал я. - Не сегодня.

- Надеюсь, ты не убил никаких божьих тварей.

Я снова пожал плечами. Конечно, я убил кое-что. Черт возьми, а как

иначе я добуду тела и головы для Столбов и Бункера, если я не буду убивать? Естественных смертей явно недостаточно. Хотя объяснить это другим людям довольно сложно.

- Иногда я думаю, ты, а не Эрик, должен быть заперт в госпитале, - он смотрел на меня из-под своих темных бровей. Когда-то подобный разговор мог бы испугать меня, но не сейчас. Мне почти семнадцать, я уже не ребенок. Здесь, в Шотландии, я достаточно взрослый, чтобы жениться без согласия моих родителей, я уже целый год как могу это сделать. В женитьбе не было бы никакого смысла, признаю, но главное - принцип.

Кроме того, я не Эрик; я - это я и я здесь и все тут. Я не беспокою людей и им лучше не беспокоить меня, если они понимают свою выгоду. Я не дарю людям горящих собак и не пугаю местных детишек пригоршнями опарышей и ртом, полным червей. Люди в городе могут сказать:

- О, у него слегка не все дома, - но это просто шутка (и иногда они даже не крутят пальцем у виска); я не против. Я приспособился жить со своей травмой и научился жить без других людей, меня их треп не колышет.

Но, кажется, отец хотел меня задеть, обычно он не говорит ничего подобного. Должно быть, новости об Эрике потрясли его. Думаю, он так же как и я знал, что Эрик доберется до острова и волновался о том, что могло случиться. Я его не виню и не сомневаюсь, что он волновался и обо мне. Я символизировать преступление, и если Эрик вернется и взбаламутит округу, Правда О Франке может выплыть наружу.

Я не зарегистрирован. У меня нет Свидетельства о Рождении, номера Национальной Медицинской Страховки, ничего, подтверждающего что я жив или когда-нибудь существовал. Я знаю - это преступление, и отец тоже это знает и я думаю, иногда он жалеет о решении, принятом около семнадцати лет назад, в дни увлечения хиппи и анархизмом или чем там еще.

Не то, чтобы я от этого пострадал. Мне это нравилось и никто не может сказать, что я необразован. Вероятно, я знаю об обычных школьных предметах больше, чем большинство людей моего возраста. Я могу жаловаться на некоторую часть информации, которую сообщил мне отец. С тех пор, как я могу сходить в Портнейл и проверить все в библиотеке, отец вынужден говорить со мной начистоту, но когда я был младше, он обманывал меня раз за разом, отвечая на мои честные, хотя и наивные вопросы всякую ерунду. Несколько лет я верил, словно Портал - один из трех мушкетеров, Миньет - персонаж в "Гамлете", Чихуахуа - город в Китае и ирландцы для производства Гиннеса утаптывают торф.

Сейчас я могу достать до самых высоких полок домашней библиотеке или сходить в Портнейл и проверить сказанное моим отцом, поэтому он вынужден говорить мне правду. Думаю, его это страшно раздражает, но ничего не поделаешь. Можете считать это прогрессом.

Но я образованный человек. И хотя он не мог не тренировать свое незрелое чувство юмора, выставляя меня дураком, отец не мог бы терпеть сына, которым он не мог бы гордиться; мое тело невозможно улучшить, оставался только разум. Отсюда все уроки для меня. Мой отец образован и он передал мне многое из того, что знал, плюс он изучил предметы, которые не знал досконально, чтобы учить меня. Мой отец - кандидат химических наук. Или биохимических, я не уверен. Он знает достаточно о медицине - и вероятно у него до сих пор есть знакомые доктора - поэтому я смог получить все необходимые прививки в нужное время, не смотря на мое не-существование с точки зрения Национальной Медицинской Службы.

Я думаю, отец работал в университете после получения диплома, и он наверное что-то изобрел; он иногда намекает, что получает какие-то деньги за патент или нечто в этом роде, но я подозреваю, старый хиппи живет на сохранившиеся деньги семьи Колдхейм.

Как я выяснил, наша семья жила в этой части Шотландии по меньшей мере двести лет, и когда-то нам принадлежало здесь много земли. Все, что теперь осталось - остров, это совсем мало и даже не совсем остров во время низкого прилива. Единственный другой остаток нашего прошлого - название популярного в Портнейле места, грязного паба "Под Гербом Колдхеймов", куда я иногда хожу, хотя еще и не имею права, послушать местных парней, пытающихся быть панк-группами. Там я встретил единственного человека, которого могу назвать своим другом - Джими-карлика, которому я разрешаю сидеть у себя на плечах,

чтобы он мог увидеть музыкантов.

- Ну, я не думаю, что ему удастся забраться так далеко. Они поймают его через день-другой, - сказал опять отец после продолжительного озабоченного молчания. Он поднялся сполоснуть стакан. Я напевал про себя, я всегда так делаю, когда хочу улыбнуться или засмеяться, но думаю, что лучше этого не делать. Отец посмотрел на меня:

- Я иду в кабинет. Не забудь замкнуть дверь, а?

- О'кей, - кивнул я.

- Спокойной ночи.

Отец ушел с кухни. Я сидел и смотрел на мою лопатку, Стальной Удар. Маленькие кусочки земли приклеились к ней и я их счистил. Кабинет. Одно из моих немногих неосуществленных желаний - попасть в кабинет старика. Винный погреб я по крайней мере видел и изредка там бывал, я знаю все комнаты первого и второго этажа; чердак - мои владения и дом Осиной Фабрики; но кабинет - единственная комната второго этажа, которую я не знаю, я даже не видел, что там внутри.

Он хранит там химреактивы, и я думаю, он занимается там какими-то экспериментами, но как выглядит комната, и чем конкретно он там занимается, я БМП. Все, что просочилось оттуда - странные запахи и тап-тап палки моего отца.

Я погладил длинную ручку лопатки, размышляя, есть ли у палки отца имя. Я сомневаюсь. Он не придает им такого значения, как я. Я знаю, они важны.

Думаю, в кабинете есть какая-то тайна. Он намекал на нее несколько раз, очень неопределенно, но достаточно для привлечения моего внимания, чтобы заставить меня спросить, чтобы знать - я хочу спросить. Естественно, я не спрашиваю, потому как я никакого стоящего ответа не получу. Если он и ответит, сказанное будет полной не правдой, ведь секрет не будет больше секретом, если он скажет правду, а он, как и я знает, что по мере того, как я взрослею, он нуждается в любых зацепках; я больше не ребенок. Только подобные кусочки фальшивой силы позволяют ему думать, словно он до сих пор полностью контролирует кажущееся ему правильными взаимоотношения между отцом и сыном. На самом деле это просто жалкие потуги, но с помощью его игр и секретов, и обидных замечаний он пытается сохранить свою безопасность.

Я откинулся на спинку стула и потянулся. Я люблю запах кухни. Еда и грязь на наших ботинках и иногда небольшая примесь запаха карбида, доносящийся из винного погреба, вызывают у меня хорошее, теплое, восхитительное чувство, когда я думаю о них. Когда идет дождь, и наша одежда пропитана, пахнет по-другому. Зимой большая черная плита излучает тепло, насыщенное запахом плавника и торфа, и все парит, и дождь стучит в стекло. Тогда есть приятное чувство замкнутого пространства, уюта, подобное большому коту с завернутым вокруг себя хвостом. Иногда мне хочется, чтобы у нас был кот. У меня была только голова, и ту унесли чайки.

Я пошел в туалет, поспать. Я не хотел писать, днем я писал на Столбы, насыщая их своим запахом и силой.

Я сидел там и думал об Эрике, с которым случилась такая неприятная штука. Бедный искалеченный кретин. Я думал, я часто думал, как бы я справился. Но это не случилось со мной. Я остался здесь, а Эрик уехал и это случилось где-то в другом месте и это все. Я - это я, и здесь - это здесь.

Я был настороже и пытался услышать моего отца. Возможно, он уже спит. Он часто спит в кабинете, а не в большой комнате на втором этаже, где находится и моя спальня. Может быть, его комната вызывает у него слишком много неприятных (или приятных) воспоминаний. В любом случае, я не слышал храпа.

Ненавижу то, что я вынужден все время сидеть на унитазе. С моей неудачной травмой я должен это делать, как будто я чертова женщина и я ненавижу это. Иногда я становлюсь к писсуару в "Под Гербом Колджеймов", но большая часть сделанного стекает по моим рукам и ногам.

Я напрягся. Плюх. Вода плеснулась и задела задницу, и именно в это время зазвонил телефон.

- Вот дерьмо, - сказал я и засмеялся. Я быстро вытер задницу, дернул штаны вверх, дернул цепочку вниз и заковылял по коридору, застегиваясь. Я вбежал по широкой лестнице на площадку между первым и вторым этажом, к телефону. Я постоянно тереблю отца, требуя поставить еще аппараты, но он

говорит, будто нам для этого недостаточно часто звонят. Я добежал до телефона до того, как звонивший положил трубку. Отец не пришел.

- Алло, - сказал я. Звонили из автомата.

- Скрав-аак! - вскрикнул голос на другом конце провода. Я отодвинул трубку от уха и посмотрел на нее, нахмурившись. Еле слышные крики прорывались из нее. Когда они прекратились, я опять приложил трубку к уху:

- Портнейл, 531, - холодно сказал я.

- Франк! Франк! Это я. Я! Алло! Алло!

- Это эхо на линии или ты все повторяешь дважды? - сказал я. Я узнал голос Эрика.

- И то, и другое! Хи-хи-хи-хи!

- Алло, Эрик. Ты где?

- Здесь! Ты где?

- Здесь.

- Если мы оба здесь, зачем мы возимся с телефоном?

- Скажи мне, где ты, пока у тебя деньги не кончились.

- Но если ты здесь, ты должен знать. Разве ты не знаешь, где находишься? - Он начал хихикать.

Я спокойно сказал:

- Прекрати дурачком прикидываться.

- Я не прикидываюсь дурачком. Я не говорю тебе, где я, ты скажешь Энгусу, он передаст полиции, и они вернут меня в чертов госпиталь.

- Не вспоминай черта к ночи. Ты же знаешь, я это не люблю. И конечно же я ничего не скажу Энгусу. Скажи мне, где ты. Я хочу знать.

- Что тебе черти, у тебя же полно талисманов. Я тебе скажу, где я, если ты скажешь свое счастливое число.

- Мое счастливое число - е.

- Это - не число. Это буква.

- Это - число. Трансцендентное число: 2, 718...

- Ты мухлюешь. Я имел в виду натуральное число.

- Нужно было быть более точным, - сказал я и вздохнул, услышав как зазвучал предупредительный гудок и Эрик наконец бросил еще денег. - Хочешь, я тебе перезвоню?

- Хе-хе. Ты видно от меня так просто не отстанешь. Как ты?

- Хорошо. А ты как?

- Как дурачок, - сказал он сердито. Я улыбнулся:

- Слушай, я думаю, ты собираешься вернуться сюда. Если да, пожалуйста, не надо поджигать собак или делать что-нибудь подобное, хорошо?

- О чем это ты? Это я. Эрик! Я не поджигаю собак, - он начал кричать. - Я не поджигаю ваших дерьмовых собак. Ты что обо мне думаешь? Не смей обвинять меня в поджоге чертовых собак, ты, маленький ублюдок! Ублюдок!

- Хорошо, Эрик, извини, извини! - сказал я так быстро как мог. - Я просто хочу, чтобы ты был в порядке, будь осторожен. Не делай ничего, что может отпугнуть людей...Люди бывают страшно чувствительными...

- Ну... - услышал я. Я слушал его дыхание, потом его голос изменился. - Да, я возвращаюсь домой. Ненадолго, узнать как вы там. Вы же там только вдвоем, ты и старик?

- Да, только я и старик. Я тебя жду.

- Хорошо, - потом была пауза. - Почему вы никогда меня не навещаете?

- Я...Мне казалось, отец был у тебя на Рождество.

- Разве? Ну...а почему ты никогда не приезжаешь? - его голос звучал жалобно. Я перенес вес тела на другую ногу, посмотрел вокруг и вверх по лестнице, ожидая увидеть моего отца, перегнувшегося через перила или его тень на площадке сверху, если он спрятался и подслушивает мои телефонные разговоры.

- Я не люблю надолго уезжать с острова, Эрик. Извини, но у меня в желудке появляется ужасное чувство, как будто там очень большой узел. Я просто не могу уехать так далеко, придется где-то ночевать или... Я просто не могу. Я хочу видеть тебя, но ты так далеко.

- Я приближаюсь, - его голос снова звучал уверенно.

- Отлично. Как далеко ты сейчас?

- Я не скажу.

- Я же сказал тебе свое счастливое число.

- Я тебя обманул, я не собираюсь тебе говорить, где я.
- Это не...
- Собираюсь положить трубку.
- Ты не хочешь поговорить с папой?
- Пока нет. Я поговорю с ним позже, когда буду намного ближе. Все, уйду. До свидания.
- До свидания. Ты там...поаккуратней.
- О чем мне волноваться? Все будет в порядке. Что со мной может случиться?
- Просто не делай ничего, что раздражает людей. Ты знаешь...то есть они могут рассердиться. Особенно из-за домашних животных. То есть я не...
- Что? Что? Что там о домашних животных? - крикнул он.
- Ничего! Я просто сказал...
- Ты, дерьмо! - заорал он. - Ты опять обвиняешь меня в поджоге собак! И наверное я засовываю червей и опарышей детям в рот и писаю на них? - взвизгнул он.
- Ну, - осторожно начал я, сгибая и разгибая телефонный провод, - если ты об этом упомянул...
- Ублюдок! Ублюдок! Ты - дерьмо! Я тебя убью! Ты..., - его голос затих, и я опять должен был отодвинуть трубку от уха - он начал бить трубкой автомата по стенам телефонной будки. Звуки громких ударов наложились на спокойные гудки: у него закончились деньги. Я положил трубку на аппарат.
Я посмотрел вверх, но отца по-прежнему не было. Прокравшись по лестнице, я всунул голову между прутьями и посмотрел вниз, но площадка была пуста. Я вздохнул и присел на лестнице. У меня было чувство, что я не очень хорошо смог пообщаться с Эриком по телефону. Я не очень легко общаюсь с людьми и хотя Эрик - мой брат, я не видел его больше двух лет, с тех пор как он сошел с ума.
Я поднялся и пошел на кухню, закрыть входную дверь и забрать мои инструменты. Потом я пошел в ванную. Я решил посмотреть телевизор в моей комнате или послушать радио и пойти рано спать, чтобы подняться сразу после рассвета и поймать осу для Фабрики.

3

Я лежал на кровати, слушал Джона Пила по радио и шум ветра около дома и шуршание моря, накатывающегося на пляж. Под моей кроватью самодельное пиво пахло дрожжами.

Я опять подумал о жертвенных столбах; на этот раз более подробно, представляя каждый по очереди, вспоминая их расположение и компоненты, мысленно видя места, на которые они смотрят своими слепыми глазами, перелистывая картинки, как охранник, меняющий изображения с камер на экране монитора. Я ничего не пропустил, все было в порядке. Мои мертвые часовые, продолжения меня, которые подчинились мне после простой, но окончательной капитуляции смерти, не чувствовали ничего угрожающего мне или острову.

Я открыл глаза и опять включил лампу около кровати. Посмотрел на себя в зеркале над туалетным столиком на другом конце комнаты. Я лежал на покрывале голый, не считая трусов.

Я слишком толстый. Это не очень страшно и не моя вина, но в любом случае я не выгляжу так, как хотелось бы. Кругленький - это я. Сильный и ловкий, но все равно слишком полный. Я хочу выглядеть темным и угрожающим, я должен так выглядеть, я мог бы так выглядеть, если бы со мной не случилось маленькое происшествие. Если вы посмотрите на меня, вы никогда не подумаете, что я убил трех человека. Это не честно.

Я опять выключил свет. Комната была абсолютно темной, даже свет звезд не был виден, пока мои глаза приспособивались. Может быть, я попрошу радио со светящимся электронным табло, показывающим время, хотя я очень люблю мой старый бронзовый будильник. Однажды я привязал по осе на ударную поверхность каждого колокольчика цвета меди там, где молоточек ударяет их утром.

Я всегда просыпаюсь до сигнала будильника, чтобы увидеть.

2: Парк змеи

чем у большей части других (когда я пришел вечером домой, отец даже спросил для чего были взрывы и огонь), но она была слишком давно.

Однако с Эриком поблизости я не думаю, что было бы хорошей идеей начать очередную войну только для того, чтобы бросить ее в середине и разбираться с реальным миром. Я решил отложить войну на некоторое время. Вместо этого, после того как я помазал несколько самых важных Столбов драгоценными веществами, я построил систему дамб.

Когда я был младше, я мечтал о том, как спасу наш дом, построив дамбу. Например, трава, растущая на дюнах, загорится или самолет разобьется, и только я, отведя воду из дамб по каналу к дому, предотвращу возгорание кордита в винном погребе. Было время, когда моим главным моим желанием было заставить отца купить мне экскаватор, тогда бы я смог строить по-настоящему большие дамбы. Но сейчас мой подход к их строительству более изощренный, даже метафизический. Я понял: вы никогда не можете окончательно победить воду, в конце концов всегда победит она, просачиваясь и намачивая, и подтачивая, и переливаясь. Все, что вы можете сделать - построить нечто, что изменит ее направление или задержит ее ненадолго, убедить ее сделать нечто, чего она на самом деле не хочет. Удовольствие состоит в элегантности компромисса между тем, куда вода хочет двигаться (направляемая гравитацией и средой, над которой она движется) и тем, что вы хотите сделать с ней.

На самом деле, я считаю, в жизни мало удовольствий сравнимых со строительством дамб. Дайте мне хороший широкий пляж с умеренным уклоном, не слишком заброшенный водорослями и среднего размера ручей, и я буду счастлив целый день.

Когда солнце поднялось высоко, я снял жакети положил его вместе с моими мешками и биноклем. Стальной Удар надкусывал и резал, и копал, строя огромную трехуровневую дамбу, главная секция которой сдерживала воду Северного моря на протяжении восьмидесяти шагов, немного не дотягивая до рекорда для выбранного мною места. Я использовал свой обычный кусок металла для отвода лишней воды, я прятал его в дюнах недалеко от лучшего места для строительства дамб; piece de resistance был акведук, выложенный старым черным пластиковым мешком для мусора, найденным в плавнике. Акведук отвел лишнюю воду над тремя секциями канала, который я прорезал в дамбе неподалеку. За дамбой я построил маленькую деревню с дорогами, мостом над остатками ручейка и церковью.

Взорвать хорошую большую дамбу или просто допустить, чтобы вода перелилась через нее, удовлетворяет почти также как планирование и строительство. Как обычно, я использовал маленькие ракушки для обозначения людей в городке. И как обычно ни одна из ракушек не перенесла потоп после прорыва дамбы, они все утонули, что означает - все умерли.

К тому времени я очень проголодался, мои руки устали и мои ладони покраснели от ручки лопаты и от копания в песке. Я посмотрел на первый поток бегущей к морю воды, грязной и замусоренной, потом повернулся и пошел домой.

3

- Ты вчера разговаривал вечером по телефону? - спросил отец.

Я покачал головой:

- Нет.

Мы сидели на кухне и заканчивали ленч, я ел тушеное мясо, отец - коричневый рис и салат из морской капусты. Он был одет в свой Городской Костюм: коричневые туфли, коричневый твидовый костюм-тройка, и на столе лежала его коричневая шляпа. Я проверил свои часы и увидел, это был четверг. Для отца было очень необычным пойти куда-нибудь в четверг, в Портнейл или уехать дальше. Я не собирался спрашивать его, куда он собрался, он бы только соврал. Когда раньше я спрашивал его, куда он едет, он отвечал: "В Фук", который по его словам был небольшим городком к северу от Инвернесса <Город в Шотландии>. Чтобы узнать правду потребовались годы и множество странных взглядов на меня в Портнейле.

- Сегодня я еду в город, - сказал он мне между салатом и рисом. Я кивнул, и он продолжил. - Буду обратно поздно.

Возможно, он шел в Портнейл выпить в гостиницу или в Инвернесс, где он часто бывает по делам, относительно которых он напускает туману, но я

подозреваю, они как-то связаны с Эриком.

- Хорошо, - сказал я.

- Я возьму ключ, ты можешь замкнуться, когда захочешь. - Он со звоном положил нож и вилку на пустую тарелку и вытер рот коричневой салфеткой, сделанной из переработанной макулатуры. - Только не запирай засовы, хорошо?

- Хорошо, - сказал я.

- Ты приготовишь себе чего-нибудь поесть?

Я кивнул опять, не поднимая головы от еды.

- И ты помоешь посуду? - я кивнул опять. - Я не думаю, что Диггс приедет опять, но если да, я хочу, чтобы ты ему не попадался.

- Не беспокойся, - сказал я ему и вздохнул.

- Тогда я поехал.

Я посмотрел вверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как он надел свою шляпу на голову и посмотрел вокруг кухни, хлопая по карманам. Он опять посмотрел на меня и кивнул. Я сказал:

- Пока.

- Да, - сказал он. - Пока.

- До свидания.

- Да. - Он повернулся, потом снова повернулся, опять посмотрел вокруг комнаты и пошел к двери, по пути взяв свою палку из угла около стиральной машины. Я слышал, как хлопнула наружная дверь, потом была тишина. Я вздохнул.

Я подождал минуту и потом поднялся, оставив почти чистую тарелку, и прошел через дом на веранду, где я мог видеть тропинку, ведущую через дюны к мосту. Отец шел по ней с опущенной головой, нетерпеливо переставляя палку, быстро двигаясь в стиле чего-то вроде озабоченного марша. Я видел, как он ударил палкой полевые цветы на обочине тропки.

Я взбежал по лестнице, задержавшись у окна на площадке посмотреть, как отец исчезает за дюной перед мостом, дошел до двери кабинета и быстро повернул ручку. Дверь не поддавалась, она не сдвинулась и на миллиметр. Однажды он забудет, я уверен, но не сегодня.

После того, как я закончил есть и помыл посуду, я пошел в мою комнату, проверил пиво и взял мое духовое ружье. Я убедился, что у меня достаточно пулек в карманах жакета, потом направился на Кроличью Землю - участок на большой земле между рукавом залива и городской помойкой.

Я не люблю применять ружье, оно для меня слишком аккуратно действует. Катапульта - это Внутренняя вещь, требующая слияния тебя и ее в единое целое. Если ты плохо себя чувствуешь, ты промахнешься, если ты знаешь, что делаешь что-то не то, ты тоже промахнешься. Если ты стреляешь не с бедра, стрельба - Внешнее действие, ты направляешь ружье, целишься и все, если конечно видимость нормальная и не дует сильный ветер. Как только ты взвел курок, вся сила уже здесь, ждет освобождения нажатием пальца. Катапульта живет с тобой до последнего мгновения, она напряжена в твоих руках, дышит с тобой, движется с тобой, готова прыгнуть, готова запеть и дернуться и оставить тебя в драматической позе, а ты ждешь, пока темная дуга мяча с сочным ударом найдет в своем полете цель.

Но охотясь на кроликов, особенно на маленьких ублюдков с Земли, тебе понадобится все, что ты можешь достать. Один выстрел и они разбегаются по своим норам. Ружье тоже достаточно громкое, чтобы распугать их, но этот спокойный хирургический инструмент увеличивает шанс убить с первого раза.

Насколько я знаю, ни один из моих несчастных родственников не умер от ружья. Колдхеймы и их спутники жизни ушли в мир иной множеством странных способов, но мне ничего не известно о ружье, которое пресекло бы земной путь одного из них.

Я подошел к концу моста, где официально моя территория кончается и постоял там несколько минут, думая, чувствуя, и слушая и нюхая. Кажется, все было в порядке.

Кроме тех, кого убил я (они были все приблизительно одного возраста, когда я их прикончил), я знаю по крайней мере трех из нашей семьи, ушедших к тому, что они воображали своим Создателем, необычными путями. Левитикус Колдхейм, старший брат моего отца эмигрировал в Южную Африку и купил там в 1954 ферму. Левитикус, человек, умственные способности которого были такой крупнокалиберной глупости, что она вероятно была бы улучшена наступлением

старческого маразма, уехал из Шотландии поскольку консерваторы не отменили социалистические реформы предшествующего лейбористского правительства: железные дороги национализированы, рабочий класс размножается как мухи, государственное здравоохранение препятствует естественной смерти от болезней, государственные шахты... невозможно терпеть. Я читал письма, которые он писал моему отцу. Левитикус был счастлив в другой стране, хотя вокруг было много черных.

Однажды Левитикус проходил мимо полицейского управления в Йоханнесбурге, и шел по тротуару после похода за покупками, когда сумасшедший черный прыгнул с крыши и сорвал все свои ногти по пути вниз. Он упал и смертельно ударил моего невинного и несчастного дядю, последними словами которого были: "Боже, эти сволочи научились летать...".

Неясная струйка дыма поднялась впереди меня с городской свалки. Я не собирался забираться сегодня так далеко, но я слышал бульдозер, который разравнивал, крутясь и толкая, мусор.

Я давно не был на свалке, и было как раз время посмотреть, что выбросили хорошие люди Портнейла. Я достал там старые аэрозоли для последней Войны, не говоря уже о нескольких важных частях Осинной фабрики, включая само Лицо.

Мой дядя по материнской линии Асвольд Трэплей эмигрировал в Америку в конце Второй Мировой войны. Он бросил хорошую работу в страховой компании из-за женщины и оказался, в конце концов, сломанный и брошенный, на стоянке караванов на окраине Форты Ворс, где решил покончить с собой.

Он открыл краны на газовой плите и обогревателе, но не зажег их, а сел ждать конца. Нервничая по понятной причине и без сомнения будучи отвлечен безвременным отбытием своей любимой и тем, которое он планировал для себя, он без задней мысли решил успокоиться привычным способом и зажег "Мальборо".

Крича, он выскочил из пылающих остатков фургона, с головы до ног объятый пламенем. Он хотел умереть без боли, а не стореть заживо. Поэтому он прыгнул головой вперед в сорокагалонную <Приблизительно 180 литров> бочку из-под нефти, полную дождевой воды, которая стояла в конце площадки. Втиснувшись внутрь бочки, он утонул, жалко болтая своими маленькими ножками и глотая, и изгибаясь, и пытаясь ухватиться руками, чтобы достать себя оттуда.

За двадцать метров от поросших травой холмов, смотрящих на Кроличью Землю, я переключился на Молчаливый Бег, скрытно передвигаясь через траву и камыш, заботясь, чтобы ничто из моей поклажи не звякнуло. Я надеялся поймать маленьких вредителей рано утром, но если бы пришлось, я был готов ждать до захода солнца.

Я тихо полз вверх по склону, трава скользила под грудью и животом. Мои ноги напрягались, проталкивая мое тело вверх и вперед. Естественно, я был с подветренной стороны, да и ветер был достаточно сильный, чтобы заглушить небольшие звуки. Я не видел кроликов-часовых на холме. Я остановился в приблизительно двух метрах от гребня и тихо взвел ружье, проверив пулю из смеси стали с нейлоном, а потом положил ее в ружье и сложил его. Я закрыл глаза и подумал о пойманной, сжатой пружине и маленькой пульке, сидящей на дне блестящей трубки ствола. Потом я прополз на вершину холма.

Сначала я думал, что мне придется ждать. Земли в вечернем свете казались пустыми, только трава колыбалась под ветром. Я видел норы, маленькие кучки и россыпи помета и я видел кусты дрока на дальнем склоне, на котором было большинство нор, где кроличьи тропы шли как неровные туннели через кусты, но самих животных не было и следа. На этих тропах, идущих сквозь дрок, местные мальчишки устанавливали ловушки. Но я нашел проволочные петли, увидев, как они это делали, сорвал петли или поставил их под травой на тропинках, которые использовали мальчишки, приходившие проверить ловушки. Уж не знаю, попал ли кто-нибудь из них в свою собственную ловушку, но мне нравится думать, что они спотыкались и падали головой вперед. В любом случае, они или их смена больше не ставят ловушек; полагаю, мода прошла, и сейчас они рисуют краской лозунги на стенах, нюхают клей или пытаются с кем-нибудь переспать.

Животные редко удивляют меня, но было что-то в сидящем кролике-самце, которого я заметил, что остановило меня на секунду. Должно быть, он все время был там, сидящий неподвижно и уставившийся прямо на меня с дальнего

конца ровной площадки Земель, но сначала я его не заметил. Когда же я его заметил, эта неподвижность остановила и меня на секунду. Не двинув ни одним мускулом, я мысленно очистил сознание и решил, что голова большого самца пригодится для Столба. Кролик выглядел чучелом, он не сделал ни одного движения, и я точно видел, что он уставился на меня, его глазки не мигали, его носик не нюхал, его уши не двигались. В ответ я уставился на него и очень медленно перенес ружье, двигая его сначала немного в одну сторону, потом в другую, чтобы это выглядело как будто что-то качалось ветром в траве. Перенести ружье в нужную позицию и повернуть мою голову заняло около минуты, но животное не сдвинулось и на миллиметр.

В четыре раза больше, когда его большая усатая голова была аккуратно рассечена прицелом на четыре части, он выглядел еще более впечатляюще и был так же неподвижен. Я нахмурился и поднял голову, внезапно подумав, может он и в самом деле чучело, возможно, кто-то решил посмеяться надо мной. Городские мальчишки? Отец? Не Эрик же? Я сделал глупость, я дернул головой слишком резко, и кролик метнулся вверх по склону. В тот же момент я опустил голову и поднял ружье, даже не подумав. Времени вернуться в правильную позицию, вдохнуть и мягко нажать курок не было, это было вверх и бах, мое тело несбалансировано, обе руки на ружье, я упал вперед, переворачиваясь, чтобы уберечь ружье от песка.

Когда я посмотрел вверх, прижимая к себе ружье и хватая ртом воздух, моя спина вдавлена в песок, кролика я не увидел. Я переломил ружье и ударил себя по коленям. "Дерьмо!" - сказал я себе.

Но кролика был не в норе. Он даже не был около склона, где расположены норы. Он мчался по ровной земле большими скачками, направляясь прямо ко мне и трясясь в воздухе при каждом прыжке. Он несся ко мне как пуля, голова дрожала, губы раздвинуты, зубы длинные и желтые - самые большие из тех, какие я когда-нибудь видел у кролика, живого или мертвого. Его глаза были похожи на свернувшихся змей. Капли красного сочились из его левой задней ноги после каждого атакующего прыжка, он был почти рядом, а я сидел и смотрел.

Времени перезарядить не было. Когда я начал реагировать, времени что-нибудь сделать, кроме как реагировать на уровне инстинкта, уже не было. Мои руки оставили ружье, повисшее над коленями и двинулись к катапульте, которая всегда висела на поясе, рукоятка между ним и веревкой. Но даже мои болты быстрого реагирования нельзя было достать вовремя, кролик добрался до меня через секунду, нацелившись на горло.

Я поймал кролика катапультной. Толстая черная трубка из резины перегнулась в воздухе, я сдвинул руки и упал назад, пропуская кролика над головой, потом ударил его ногами и повернулся так, что я был на одном уровне с ним, лежащимся и вырывающимся с силой росомачи, распятым на песке с шеей, захваченной черной резиной. Его голова была повернута так, как будто он пытался достать мои пальцы своими резцами. Я зашипел на кролика сквозь стиснутые зубы и дернул резину туже, потом еще туже. Кролик бился, и плевался, и издавал высокий громкий звук, на который, по моему мнению, кролики не способны, и бил по земле ногами. Я был настолько выбит из колеи, что огляделся вокруг, чтобы убедиться - это не сигнал для армии зайчиков вроде этого доbermana наступать на меня со спины и разорвать на кусочки.

Чертово животное не собиралась умирать! Резина растягивалась и растягивалась, и не сжимала его горло достаточно плотно, а я не мог сдвинуть руки из-за боязни, что кролик откусит кусок пальца или мой нос. Та же мысль остановила меня от удара головой, я не собирался приближать свое лицо к этим зубам. Я не мог поднять колено и сломать ему спину, потому что я почти соскальзывал по склону, и я не мог бы закрепиться на такой поверхности одной ногой. С ума сойти! Тут не Африка! Это кролик, а не лев! Что, черт побери, происходит?

Наконец он меня укусил, вывернув шею больше, чем я считал возможным, и поймал мой правый указательный палец на стиге.

Это была последняя капля. Я закричал и потянул изо всех сил, напрягая руки, и бросив себя назад и через голову, ударил колено о ружье, упавшее в песок.

Я лежал на редкой траве под холмом и душил кролика, костяшки пальцев белые от напряжения, мотая его перед моим лицом, его шея зажата тонкой

черной линией резиновой трубки, теперь завязанной узлом на черной струне. Он до сих пор трясся. Я не мог определить, были ли движения его тела его собственными или передавались от меня. Потом трубка порвалась. Кролик ударил в мою левую ладонь, а другой конец резины выстрелил в правое запястье, мои руки разлетелись в противоположные стороны, врезавшись в землю.

Я лежал на спине, голова на песчаной земле, смотря на ту сторону, где тело кролика лежало на конце маленькой изогнутой черной линии, запутанное в ручке катапульти. Животное было неподвижно.

Я посмотрело на небо, сжал кулак и вогнал его в землю. Посмотрел на кролика, поднялся и встал около него на колени. Он был мертв, когда я поднял его, голова вяло откинулась, шея была сломана. Левая задняя нога была покрыта слипшейся от крови шерстью, там, где моя пуля попала в нее. Кролик был большой, величиной с откормленного кота, это был самый большой кролик из тех, что я когда-нибудь видел. Очевидно, я оставил кроликов в покое слишком давно, иначе я бы знал о существовании подобного чудовища.

Я сосал небольшой ручеек крови, сочившийся из моего пальца. Моя катапульта, моя гордость и радость, Черный Разрушитель, уничтожена кроликом! О, конечно же, я мог бы забыть все и достать новый кусок резины или попросить старого Камерона из мастерской найти мне что-нибудь, но я никогда не мог бы чувствовать себя по-прежнему. Каждый раз, когда я бы поднимал ее, чтобы нацелить на мишень - живую или нет - эта минута всплывет в подсознании. Черному Разрушителю пришел конец.

Я сел на песок и быстро посмотрел вокруг. До сих пор ни одного другого кролика. Не удивительно. Нельзя было терять ни минуты. Из создавшейся ситуации был только один выход.

Я поднялся на ноги, взял ружье, полузасыпанное песком, пошел к вершине холма, посмотрел вокруг, а потом решил рискнуть и оставить все как есть. Я обнял ружье и сорвался с места на Чрезвычайной Скорости, сбежав по тропинке на остров на максимуме, доверив удаче и адреналину, что я не поставлю ногу не правильно и не окажусь, хватая ртом воздух, в траве с множественным переломом бедренной кости. Я балансировал ружьем на крутых поворотах. Земля и трава были сухими, поэтому я не очень рисковал. Я срезал обычный путь и пробежал через дюну и по ее другой стороне, туда, где труба, проводящая воду и электричество в дом, появляется из-под земли и пересекает залив. Я перепрыгнул через железные прутья и приземлился обеими ногами на бетон, потом пробежал по узкой верхушке трубы и спрыгнул на остров.

Дома я сразу пошел в свою комнату. Я оставил ружье, проверил Военный Мешок и надел ремешок от него на голову, быстро закрепив другой на поясе. Я опять запер комнату и пробежал трусцой до моста, восстанавливая дыхание. Когда я миновал узкую калитку на середине моста, я ускорился.

На Кроличьих Землях все было так, как я оставил - кролик лежал задушенный в сломанной катапульти, песок был взбит и перемешан там, где я упал. Ветер по-прежнему шевелил траву и цветы, и вокруг не было животных, даже чайки еще не заметили труп. Я тут же начал работать.

Сначала я достал двадцатисантиметровую бомбу для рытья траншей из Военного Мешка. Я разрезал анус кролика. Я проверил бомбу, особенно сухость белых кристаллов взрывчатой смеси, добавил соломину пластикового взрывателя и заряд взрывчатки вокруг дыры, пробитой в черной трубке, и заклеил все лентой. Я запихнул все внутрь еще теплого кролика и поставил его как бы сидящим на корточках и смотрящим на норы. Потом я взял несколько меньших бомб и поставил их внутри кроличьих нор, наступив на крыши туннелей так, что они провалились внутрь и оставив на поверхности только соломинки взрывателей. Я наполнил пластиковые бутылки из-под растворителя и зажег зажигалку, оставил ее лежать на вершине обрыва, в котором было большинство нор, вернулся к первому обрушенным норам и зажег взрыватель своей одноразовой зажигалкой. Запах горящего пластика оставался в моем носу, и яркий отсвет горячей смеси плясал перед глазами, когда я торопился к следующей дыре, взглянув на часы. Я поставил восемь бомб и смог зажечь их все за сорок секунд.

Я сидел на вершине склона над норами, а зажигалка Огнемета слабо горела в солнечном свете, когда, чуть больше чем через минуту, взорвался первый туннель. Я почувствовал это задницей и улыбнулся. Остальные норы скоро тоже взорвались, облако дыма от заряда вокруг каждой бомбы вырывалось из земли за

секунду до основного взрыва. Разбросанная земля выстрелила на Кроличьи Земли, и звук взрывов прокатился по воздуху. Им я улыбнулся. Вообще-то шума было немного. Вы не смогли бы услышать ни звука, если бы были в доме. Почти вся энергия бомб ушла на выброс земли и воздуха в конце туннелей.

Первые оглушенные кролики вышли наружу, у двоих из них шла из носа кровь, в остальном они казались неповрежденными, но шатались, почти падали. Я сжал пластиковую бутылку и выдавил струю бензина над фитилем зажигалки, которую я держал алюминиевым креплением от палатки в нескольких сантиметрах от горлышка. Бензин загорелся, когда пролетал над фитилем в маленькой стальной чашечке, зарычал в воздухе и со всплшкой упал вокруг и на кроликов. Они загорелись и побежали, шатаясь и падая. Я поискал вокруг еще кроликов, а первые два горели в центре Земель и, наконец, упали в траву, с негнушимися лапами, но дергаясь и потрескивая на ветру. Небольшой язычок пламени лизнул рот огнемета, я задул его. Появился другой, меньший кролик. Я задел его струей огня, и он метнулся за пределы поражения, направляясь к воде около холма, на котором сумасшедший самец атаковал меня. Я запустил руку в Военный мешок, вытащил воздушный пистолет, взвел его и выстрелил одним движением. Я промахнулся, и кролик утащил столбик дыма вокруг холма.

Я достал еще три кролика огнеметом до того, как я его загасил. Последнее, что я сделал, это выстрелил пылающим потоком бензина на набитого самца, до сих пор сидящего мертвым и сочащимся кровью на переднем плане Земель. Пламя упало вокруг, и кролик исчез в катящемся оранжевом и завивающемся черном. Через несколько секунд загорелся взрыватель, и после приблизительно десяти секунд масса пламени выплеснулась вверх и наружу, выбросив что-то черное и дымящееся больше чем на двадцать метров в вечерний воздух и разбрасывая куски по Землям. Взрыв, намного больший, чем взрывы в норах и при отсутствии чего-нибудь, что могло бы его приглушить, треснул над дюнами как удар кнута, заставив уши зазвенеть, я даже подпрыгнул.

Остатки самца, упали далеко позади меня. Я шел по градиенту горелого запаха до места, где они лежали. Большею частью это была голова и грязный кусок позвоночника и ребер, а также около половины кожи. Я стиснул зубы и поднял теплые останки, принес их на Земли и, размахнувшись, бросил их с вершины обрыва.

Я стоял в косых солнечных лучах, теплых и желтых, в вони горячей плоти и травы на ветру, в дыму, поднимавшемся в воздух из нор и от трупов, сером и черном, в сладком запахе негоревшего бензина, который шел от Огнемета, лежащего там, где я его оставил; я дышал глубоко.

Остатками бензина я залил тело катапульты и пустую бутылку от Огнемета, лежавших на песке, и поджег их. Я сидел со скрещенными ногами недалеко от огня, уставившись на него с наветренной стороны, пока он догорел, и стали видны только остатки Черного Разрушителя, потом я взял его испачканный сажей скелет и закопал там, где он погиб, под холмом. У холма теперь будет имя - Холм Черного Разрушителя.

Огонь везде погас, трава была слишком молодая и влажная, чтобы загореться. Но я не был бы озабочен и если бы она загорелась. Я подумал, не зажечь ли кусты дрока, но когда распускались цветы, они выглядели так весело, и живые кусты пахли лучше, чем горелые, поэтому я не стал. Я решил, что я устроил достаточно разрушений для одного дня. Катапульта была отомщена, кролик - или то, что он означал, его дух, наверное - опозоренный и разрушенный, получил жестокий урок, и я чувствовал себя хорошо. Если бы ружье было чистым и внутри прицела или где-нибудь в другом месте трудном для чистки не было песка, оно почти того бы стоило. Бюджет Обороны выдержит покупку новой катапульты завтра, просто арбалету придется подождать до следующей недели.

С этим прекрасным чувством удовлетворенности внутри, я собрал Военный мешок и утомленно пошел домой, думая о случившемся, пытаюсь вычислить, как и почему, понять какие выводы должны быть сделаны и какие знаки прочитаны во всем этом.

По пути я прошел мимо кролика, которого считал убежавшим, он лежал недалеко от сверкающей чистой воды ручья, черный и перекошенный, зажатый в странную искаженную позу, его сухие глаза обвиняюще уставились на меня.

Я спихнул его в воду.

4

Моего другого мертвого дядю со стороны матери Эрика звали Хармворс Стоув. Он был бизнесменом в Белфасте, он и его жена смотрели за Эриком в течение почти пяти лет, когда он был маленьким. В конце концов, Хармворс совершил самоубийство с помощью электрической дрели и сверла в четверть дюйма. Он вогнал сверло сквозь боковую кость черепа и, обнаружив что жив, поехал в ближайшую больницу, где позже умер. На самом деле, я думаю, что я немножко причастен к его смерти, она случилась меньше, чем через год после того, как Стоувы потеряли своего единственного ребенка, Эсмерельду. Они не знали – и никто не знал – она была одной из моих жертв.

5

Этой ночью я лежал в постели, ожидая возвращения моего отца и телефонного звонка, думая о случившемся. Может быть, большой самец не с Земель, а какое-нибудь дикое животное, которое пришло в норы извне, чтобы терроризировать местных и сделаться главным, но погибло, встретив превосходящее его существо, которое оно не могло понять.

Как хотите, но это был Знак. Я был уверен в этом. Весь пугающий эпизод должен что-то значить. Моя автоматическая реакция может иметь общее с огнем, предсказанным Фабрикой, но глубоко внутри я знал, это было не все, ягодки ожидали впереди. Знак был во всем, не только в неожиданной ярости убитого мной кролика, но также и в моем гневном, почти необдуманном ответе и в судьбе невинных кроликов, принявших на себя тяжесть моего гнева.

Это также значило: я должен оглянуться назад и смотреть вперед. Первый раз, когда я убил человека, это случилось из-за кроликов, встретивших огненную смерть, а их огненная смерть от Огнемета была практически такая же, как месть, обрушенная мной на норы. Всего слишком много, близкого и совершенного. События развивались быстрее и были хуже, чем я ожидал. Я был в опасности потерять контроль над ситуацией. Кроличьи Земли – теоретически счастливые охотничьи угодья – показали, как это может произойти.

Тенденция всегда была от малого к большому, и Фабрика научила меня быть настороже и уважать тенденции.

Свое первое убийство я совершил из-за того, что мой двоюродный брат Блис Колдхейм сделал с нашими с Эриком кроликами. Эрик первым изобрел Огнемет, и он лежал в том, что было велосипедным сараем (теперь это мой сарай). Наш двоюродный брат, приехавший со своими родителями провесте с нами уик-энд, решил, что будет весело прокатиться на велике Эрика по мягкой грязи на южном конце острова. Так он и сделал, пока мы запускали бумажных змеев. Потом он вернулся и наполнил бензином Огнемет. Он сел с ним в саду, спрятанный от окон веранды (где сидели его родители и наш отец) бельем, раскачивающимся по ветру, он зажег огнемет и обрызгал пламенем две наши клетки, сжигая всех наших красавцев.

Особенно был огорчен Эрик. Он плакал как девчонка. Я хотел убить Блиса прямо на месте, порки, которую он получил от своего отца, Джеймса – брата моего папы – было, по моему мнению, недостаточно за то, что он сделал с Эриком, моим братом. Эрик был безутешен, в отчаянии, ведь он сделал вещь, с помощью которой Блис уничтожил наших любимцев. Эрик всегда был немного сентиментальным, чувствительным, умным, до того отвратительного случая все были уверены: он пойдет далеко. В любом случае, это было начало Земель Черепа, участка большой, старой, частично засыпанной землей дюны за домом, куда отправлялись все наши домашние животные после своей смерти. Спорившие кролики начали традицию. Старый Сол упокоился там до них, но это была одноразовая акция.

О том, что я собирался сделать с Блисом, я никому ничего не сказал, даже Эрику. Я был мудр в детстве, даже в нежном возрасте пяти лет, когда большинство детей вечно говорят своим друзьям и родителям, что их ненавидят и хотят, чтобы они умерли. Я молчал.

Когда Блис приехал в следующем году, он был даже еще неприятней, чем раньше, потеряв свою левую ногу ниже колена в аварии на дороге (мальчик, с которым он играл в 'слабо', погиб). Блис презирал свою инвалидность, ему тогда было десять, и он был очень активный. Он пробовал сделать вид, что

противная розовая штука, которую он вынужден был пристегивать, не существует, что она не имеет с ним ничего общего. Он мог с трудом ездить на велосипеде и любил бороться, играть в футбол, обычно голкипером. Мне тогда только исполнилось шесть. И хотя Блис знал о каком-то маленьком случае, произошедшем со мной, когда я был совсем маленьким, я определенно казался ему более здоровым, чем был он сам. Он думал, это очень весело – помыкать мной и бороться со мной, и бить, и пинать меня. Я убедительно сыграл радость по поводу всех его грубых игр и, казалось, очень любил их с неделю, пока я думал о том, как бы разделаться с нашим двоюродным братом.

Мой другой брат, родной брат Пол, был тогда еще жив. Он, Эрик и я должны были развлекать Блиса. Мы приложили все усилия, водили Блиса по нашим любимым местам, разрешали играть с нашими игрушками, играли с ним. Эрик и я время от времени должны были останавливать его: когда он хотел бросить маленького Пола в воду и посмотреть будет ли он держаться на поверхности или когда он хотел срубить дерево на железнодорожные пути, которые идут через Портнейл, но обычно мы ладили на удивление хорошо, хотя меня очень раздражало, когда я видел как Эрик, который был того же возраста, что и Блис, боится его.

В один прекрасный день, очень жаркий и полный гнуса, когда с моря дул еле уловимым ветерок, мы все лежали на траве площадки к югу от дома. Пол и Блис заснули, и Эрик лежал с руками под шеей, осовело уставившись в яркую голубизну. Блис снял полую пластиковую ногу и оставил ее валяться в путанице ремешков и длинных стеблей травы. Я следил, как Эрик медленно заснул, его голова мягко склонилась в сторону, глаза закрылись. Я поднялся и пошел погулять, в конце концов оказавшись у Бункера. Он еще не имел значения, которое он приобрел в моей дальнейшей жизни, но место мне уже нравилось, и я чувствовал себя как дома в его прохладе и темноте. Это был старый бетонный блиндаж, построенный в конце последней войны для пушки, защищающей залив, и он торчал как большой бетонный зуб. Я вошел внутрь и нашел змею. Это была гадюка. Сначала я ее не видел, потому что был занят: просовывал старый трухлявый столб от изгороди сквозь амбразуру, представляя, что это пушка, и стрелял по воображаемым кораблям. Только после того, как я закончил это делать, и пошел в угол, где лежала куча ржавых банок и старых бутылок, я увидел там зигзагообразные полосы спящей змеи.

Решение действовать пришло почти мгновенно. Я тихо вышел наружу и нашел кусок плавника, подходящий по форме, вернулся в Бункер, куском дерева поймал змею за шею и забросил ее в первую же найденную ржавую банку, у которой сохранилась крышка.

Не думаю, что змея полностью проснулась, когда я поймал ее, я был осторожен и старался ее не трясти, когда бежал назад к месту, где мои братья и Блис лежали на траве. Эрик перекатился, и одна рука была под головой, а другая на глазах. Его рот был слегка открыт, и его грудь слегка двигалась. Пол лежал на солнце. Свернувшись в маленький комок, неподвижный Блис лежал на животе, руки под щекой, культия его левой ноги в цветах и траве высывалась из шорт как чудовищная эрекция. Я подошел ближе, сжимая ржавую банку в своей тени. Безоконная задняя стена дома смотрела на нас сверху вниз с расстояния приблизительно пятидесяти метров. Белые простыни слабо покачивались в саду. Мое сердце дико билось, и я облизал губы.

Я осторожно сел около Блиса, не дав моей тени упасть на его лицо. Я приложил одно ухо к банке и держал ее неподвижно. Я не слышал и не чувствовал движения змеи. Около поясицы, в его тени я взял искусственную ногу Блиса, гладкую и розовую. Я приставил ногу к банке и снял крышку. Затем я медленно перевернул банку и ногу так, что банка оказалась над ногой. Я потряс банку и почувствовал, как змея упала в ногу. Сначала ей это не понравилось. Она двигалась и билась о пластиковые стенки и край банки, пока я держал ее и потел, слушая гул насекомых и шорох травы, уставясь на Блиса, он лежал спокойно и молча, его темные волосы время от времени шевелил ветер. Мои руки дрожали, и пот заливал глаза.

Змея перестала двигаться. Я продолжал держать ее, опять взглянув на дом. Потом я поворачивал ногу и банку до тех пор, пока нога лежала на траве позади Блиса под тем же углом, что и раньше. В последний момент я осторожно убрал банку. Ничего не случилось. Змея по-прежнему была внутри, я ее даже не видел. Я поднялся, дошел до ближайшей дюны, бросил банку высоко над ее

вершиной, потом вернулся, лег туда, где сидел раньше, и закрыл глаза.

Первым проснулся Эрик, потом я открыл глаза как бы заспанный, и мы разбудили Пола и нашего двоюродного брата. Блис избавил меня от заботы предложить поиграть в футбол, и сам сделал это. Эрик, Пол и я обозначали ворота, а Блис торопливо пристегивал свою ногу.

6

Никто ничего не заподозрил. С первых секунд, когда мои братья и я стояли ошеломленно, а Блис кричал и прыгал, и дергал свою ногу, и до слезного прощания родителей Блиса и снятием показаний Диггсом (заметка даже появилась в "Инвернесском Курьере", смерть была замечена из-за своей курьезности парой писак из желтой прессы), никто даже не предположил, что это могло бы быть чем-нибудь, кроме трагического и слегка странного случая. Только я знал больше.

Я не сказал Эрику. Он был шокирован случившимся и искренне жалел Блиса и его родителей. Я только сказал: думаю, это был Божий суд, что Блис сначала потерял ногу, а потом ее замена стала орудием его падения. Все из-за кроликов. Эрик, который тогда проходил религиозную фазу - кажется, я ему немного подражал - думал, что это было ужасной мыслью, Бог не такой. Я сказал: тот, в которого я верю, такой.

В любом случае, такова была причина названия того участка земли Парком Змеи.

7

Я лежал в постели, думая обо всем этом. Отец до сих пор не вернулся. Возможно, он собирался не ночевать дома, что совершенно необычно, даже пугающе. Возможно, он сбит кем-нибудь или умер от сердечного приступа.

У меня всегда было и осталось до сих пор двойственное отношение к возможному несчастному случаю с моим отцом. Смерть всегда бодрит, заставляет тебя понять, насколько ты сам жив, насколько ты уязвим, но пока удачлив; смерть кого-нибудь близкого предоставляет хороший повод стать ненадолго немного сумасшедшим и делать штуки, которые в другой ситуации были бы непростительными. Какое удовольствие плохо себя вести и все равно получать кучу соболезнований!

Но я бы скучал по нему и не знаю, как с юридической точки зрения я бы мог остаться здесь. Получил бы я все его деньги? Это было бы здорово, я смог бы сразу купить себе мотоцикл вместо того, чтобы ждать. Господи, я бы много чего мог бы сделать, я даже не знаю, с чего именно начать думать. Но это было бы большой переменной и я не знаю, готов ли я к ней.

Я чувствовал, как соскальзываю в сон, я начал воображать и видеть всякие необычные штуки перед глазами: формы лабиринтов и расплзающиеся пятна неизвестных цветов, затем фантастические здания и космические корабли, и оружие, и ландшафты. Я хотел бы лучше помнить мои сны...

Через два года после того, как я прикончил Блиса, я убил моего младшего брата Пола, по иным и более важным причинам, чем те, по которым я избавился от Блиса; еще через год я сделала то же самое с моей двоюродной сестрой Эсмерельдой, более или менее из-за каприза.

Вот мой счет до сего дня. Три. Я не убивал никого уже много лет и никогда не собираюсь этого делать.

Это просто была стадия, через которую я проходил.

3: В Бункере

1

Мои главные враги - Женщины и Море. Я их ненавижу. Женщин потому что они слабые и глупые и живут в тени мужчины, и ничего с ними не сравнится, а Море потому, что оно всегда раздражает меня, разрушая построенное мной, смывая покинутое мной, очищая следы, которые я оставил. И я не уверен в невинности Ветра.

Море - нечто вроде мифологического врага, и в душе я приношу ему то,

что можно назвать жертвами, немного боясь его, уважая его, как следует, но часто обращаясь с ним как с равным. Оно воздействует на мир, и я тоже, нас нужно бояться. Женщины...ну, если вам интересно мое мнение, женщины - существа неприятные. Я не люблю, когда они есть на острове, даже если это всего лишь миссис Клэмп, которая приходит по субботам убирать в доме и приносит продукты. Она очень древняя и бесполой как бесполой очень старые и очень маленькие. Но она же была женщиной, и я презираю это по моим собственным причинам.

Я проснулся следующим утром, думая о том, вернулся или нет отец. Не тратя времени на одевание, я пошел в его комнату. Я собирался дернуть дверь, но услышал его храп до того, как дотронулся до ручки двери и потому повернул и пошел в ванную.

В ванной, после того, как я пописал, я начал ежедневный ритуал омовения. Сначала я принял душ. В течение двадцати четырех часов только во время душа я снимаю свои трусы. Я положил старую пару в мешок для грязного белья в шкафчике. Я тщательно помылся, начав с волос и закончив пальцами ног и ногтями. Иногда, когда я должен приготовить драгоценные вещества, такие как грязь из-под ногтей или пыль из пупка, я вынужден не принимать ванну или душ несколько дней, я ненавижу это, потому что я чувствую себя грязным, все чешется и единственная стоящая штука в таком воздержании - чувство после хорошего душа в конце.

После душа и короткого растирания сначала полотенцем для лица и потом баннным полотенцем я подстриг ногти. Потом я хорошо почистил зубы электрической зубной щеткой. Потом бритье. Я всегда использую пену для бритья и станки последней модели (последнее достижение на сегодняшний момент - плавающая головка с двойным лезвием), удаляя мягкие волоски, выросшие за вчерашний день и ночь, с умением и точностью. Подобно всем моим омовениям, я бреюсь, соблюдая точный и предопределенный ритуал, я делаю бритвой то же самое количество движений равной длины в одной и той же последовательности каждое утро. Как всегда, я почувствовал пощипывание приливающей энергии, когда я внимательно разглядывал идеально выбритую поверхность моего лица.

Я высморкался и вычистил нос, вымыл руки, почистил бритву, щипчики для ногтей, душ и раковину, сполоснул полотенце и причесал свои волосы. К счастью, прыщиков не было. Так что ничего больше делать не потребовалось, кроме заключительного мытья рук и чистых трусов. Я положил все мои приспособления для мытья, полотенца, бритву и так далее в точности там, где они должны лежать, вытер пар с зеркала ванного шкафчика и вернулся в свою комнату.

Там я надел носки, в этот день полагались зеленые. Потом рубашку цвета хаки с карманами. Зимой у меня была бы под рубашкой майка и зеленый армейский свитер поверх нее, но не летом же. Затем последовали мои зеленые вельветовые штаны, коричневые ботинки "Кикерс", лейблы с них были сорваны, как и со всего, что я ношу, поскольку я отказываюсь быть ходячей рекламой. Мой военный жакет, нож, сумки, катапульту и другое снаряжение я взял с собой на кухню.

Было еще рано, собирался дождь, о котором говорили во вчерашнем прогнозе погоды. Я слегка позавтракал и был готов.

Я вышел в свежее влажное утро, двигаясь быстро, чтобы было тепло и чтобы успеть обойти остров до начала дождя. Холмы за городом были спрятаны облаками, ветер усиливался, на море поднималось волнение. Трава была мокрая от росы, капли склоняли бутоны цветов и цеплялись за мои Жертвенные Столбы, роса была как прозрачная кровь на съевшихся головах и маленьких высохших телах.

Пара самолетов закричала над островом, на высоте сто метров быстро шли крыло к крылу два "Ягуара", они пересекли весь остров за время одного движения ресниц и полетели над морем. Я взглянул на них и пошел своим путем. Однажды, пару лет назад двое таких же заставили меня подпрыгнуть. Они шли на запрещенной небольшой высоте после учебной бомбежки над дальним краем залива и так внезапно заревели над островом, что я подпрыгнул во время тонкого маневра ловли банкой осы, сидевшей на старом пне около поломанного загона для овец. Оса укусила меня.

В тот же день я пошел в город, купил пластиковую модель Ягуара, после обеда склеил ее и ритуально взорвал маленькой бомбой на крыше бункера. Через

две недели в море недалеко от Нэрна упал Ягуар, хотя пилоту и удалось вовремя катапультироваться. Мне бы хотелось думать, что это подействовала сила, но я подозреваю совпадение, высокоскоростные самолеты падают так часто, неудивительно, что символический и реальный взрывы случились в течение двух недель.

Я сидел на земляном берегу над Мадди Крик <Грязный Залив> и ел яблоко. Я опирался на молодое дерево, которое саженцем было Убийцей. Сейчас оно выросло и стало намного выше меня, но когда я и оно были одного роста, я использовал его как неподвижную катапульти, охраняющую южные подходы к острову. Тогда, как и сейчас, оно смотрело над широким заливом и грязью цвета ствола старого ружья, из которой торчали обломки старой рыбацкой лодки.

После Истории со Старым Солом я использовал катапульти для другой цели, и оно стало Убийцей, грозой хомяков, мышей и сусликов.

Я помню, оно могло послать камень с кулак величиной через весь залив и больше, чем на двадцать метров в качающуюся почву Большой земли; однажды я попал в естественный ритм раскачиваний дерева и стрелял каждые две секунды. Я мог послать камни в любую точку внутри шестидесяти градусов, изменяя направление, в котором я дергал саженец назад и вниз. Я не попадал в грызунов каждые две секунды, они расходоались по несколько штук в неделю. Шесть месяцев я был лучшим покупателем зоомагазина в Портнейле, каждую субботу покупая пару грызунов, и приблизительно раз в месяц покупал коробку воланов в магазине игрушек. Сомневаюсь, что кто-то кроме меня использовал их вместе.

Конечно же, у меня была причина делать все это, я мало что делаю без той или другой причины. Я искал череп Старого Сола.

2

Я бросил отгрызок над заливом, он упал в грязь на дальней стороне с приятным плюхом. Я решил, что настало время как следует осмотреть Бункер и побежал трусцой по берегу в направлении старого блиндажа, огибая самую южную дюну острова. Я остановился посмотреть на берег моря. Кажется, ничего интересного там не было, но я помнил вчерашний урок, когда я остановился понюхать воздух и казалось, все было в порядке, а через десять минут я боролся с кроликом-камикадзе, потому я протрусил по склону дюны и вдоль линии мусора, выброшенного морем.

Там была бутылка. Третьестепенный враг, к тому же пустой. Я подошел к линии прибой и выбросил бутылку. Она пропрыгала десять метров горлышком вверх. Прилив еще не закрыл гальку, я набрал полную горсть камешков и бросил их по дуге, целясь в бутылку. Она была достаточно близко для использования броска в таком стиле и камешки, которые я выбрал, были приблизительно одинакового размера, поэтому моя стрельба была очень точная: четыре удара легли так, что забрызгали бутылку и пятый разбил горлышко. Небольшая победа, решающая победа над бутылками произошла давно, сразу после того, как я научился бросать, когда я понял, что море - враг мне. Оно провоцировало меня время от времени, и я не мог позволить даже небольшое вторжение на мою территорию.

Бутылка утонула, я вернулся в дюны, поднялся на вершину той, в которой полупогребен Бункер и посмотрел вокруг в бинокль. Побережье было пустынно. Я спустился в Бункер.

Я давно уже починил стальную дверь, ослабив заржавевшие петли и выпрямив направляющие засова. Я вынул ключ от навесного замка и открыл дверь. Внутри был знакомый восковой, горелый запах. Я закрыл дверь и припер ее куском дерева, потом немного постоял, мои глаза приспособились к полумраку, а сознание ощущало пространство.

Скоро я смог немного видеть в свете, просачивающемся сквозь мешковину, висящую на двух узких щелях - единственных окнах Бункера. Я снял свой заплечный мешок и бинокль и повесил их на гвозди, вбитые в слегка крошащийся бетон. Я взял банку со спичками и зажег свечи, они горели желтым пламенем, я опустился на колени, стиснув кулаки, и стал думать. Пять или шесть лет назад я нашел набор для изготовления свечей в шкафчике под лестницей, месяцами экспериментировал с цветами и консистенцией, пока не натолкнулся на мысль

использовать воск как тюрьму для ос. Я посмотрел вверх и увидел головку осы, торчащую на вершине свечи на алтаре. Недавно зажженная свеча, цвета крови и толщиной с мое запястье, горела спокойным пламенем, которое подбиралось к головке в восковом кратере. Я видел как пламя, в сантиметре от покрытой воском головки осы, освободило антенны из воска и они распрямились на секунду, пока не сторели. Когда с головки стаял воск, она начала дымиться, потом дым превратился огонь, тело осы обратилось во второе пламя внутри кратера, пламя дрожало и шипело, сжигая насекомое от головы вниз.

Я зажег свечу, стоящую внутри черепа Старого Сола. Этот костяной шар, дырявый и желтеющий, был причиной убийства всех маленьких животных, встретивших смерть в грязи на дальней стороне залива. Я видел, как дымное пламя колыхалось там, где когда-то был мозг собаки и закрыл глаза. Я опять увидел Кроличьи Земли и горящие тела, прыгающие и бегущие. Я опять увидел того кролика, который убежал с Земли и умер, немного не дотянув до ручья. Я увидел Черного Разрушителя и его смерть. Я подумал об Эрике и спросил себя, о чем предупреждала Фабрика.

Я увидел самого себя, Франка Л. Колдхейма, я увидел себя, каким я мог бы быть: высокий мужчина, сильный и уверенный, идущий своим путем, компетентный и целеустремленный. Я закрыл глаза и глотнул, дыша глубоко. Мертвенный свет вырвался из глазниц Старого Сола. Свечи по двум сторонам алтаря мерцали на сквозняке вместе с пламенем в черепе.

Я осмотрел Бункер. На меня сверху вниз таранились головы чаек, кроликов, ворон, мышей, сов, кротов и маленьких ящериц. Они сушились на коротких петлях из черного шнура, прикрепленных к струне, натянутой по стенам из угла в угол, и неясные тени медленно поворачивались на стене позади них. Выстроившись по периметру стен на пьедесталах из дерева или камня или на бутылках и банках – контрибуции моря, моя коллекция черепов смотрела на меня. Желтые кости черепов лошадей, собак, птиц, рыб и баранов смотрели в сторону Старого Сола, некоторые с открытыми клювами и челюстями, некоторые с закрытыми, выставленные зубы похожи на когти. Направо от кирпично-деревянно-бетонного алтаря, на котором стояли свечи и череп, были маленькие флаконы моих драгоценных жидкостей; налево поднимался высокий штабель прозрачных пластиковых ящичков, предназначенных для хранения шурупов, гаек, гвоздей и крючков. В каждом ящичке величиной немного больше спичечного коробка лежало тельце осы, прошедшей через Фабрику.

Я потянулся за стоящей справа большой банкой. Сорвал тугую крышку ножом, маленькой ложечкой, которая была внутри банки, перенес немного белой смеси на круглую металлическую тарелку, которая стояла перед черепом старой собаки. Затем я взял маленького ящик с самым старым трупиком осы и перевернул его на белую кучку гранул. Я поставил на место закрытую банку и пластиковую коробочку и спичкой зажег маленький погребальный костер.

Смесь сахара и гербицида шипела и пылала, яркий свет бил в лицо, облака дыма клубились вверху и вокруг моей головы, я не дышал, и мои глаза слезились. Через секунду вспышка закончилась, смесь и оса сплывались в один черный комок неровного пузырчатого мусора, остывающего от желтого яркого жара. Я закрыл глаза, чтобы проверить узоры, но там остался лишь отпечаток пламени, исчезающий как отблеск на металлической плите. Я надеялся увидеть лицо Эрика или другой намек на грядущие события, но ничего не получилось.

Я наклонился вперед, задул свечи с осами, потом дунул через глазницу и загасил свечу внутри черепа. Все еще ослепленный, я нашупал свой путь к выходу через темноту и дым. Я вышел, выпустив дым во влажный воздух; кольца голубого и серого поднялись от моей одежды, когда я стоял и глубоко дышал. Я ненадолго закрыл глаза, а потом пошел прибраться в Бункере.

3

Я закрыл дверь и замкнул ее. Вернулся домой на ленч и увидел своего отца, который рубил плавник на заднем дворе.

- Доброе утро, - сказал он, вытирая лоб. Было не жарко, но влажно, и он был раздет до майки.

- Привет, - сказал я.

- Ну, как ты вчера?

- Хорошо.

- Я вернулся поздно.
- Я уже спал.
- Я так и подумал. Ты скоро захочешь есть.
- Я могу приготовить сегодня ленч, если хочешь.
- Нет, не нужно. Можешь рубить дрова, если ты не против. Я сделаю ленч на двоих. - Он положил топор и вытер руки о штаны, смотря на меня. - Все ли было спокойно вчера?
- О, да, - я кивнул и остался стоять.
- Ничего не случилось?
- Ничего важного, - заверил его я, складывая мое снаряжение и снимая свитер. Я взял топор. - На самом деле было очень спокойно.
- Хорошо, - сказал он, убежденный, и пошел в дом. Я замахнулся топором на куски плавника.

4

После ленча я направился в город на Щелбне, моем велосипеде, взяв с собой немного денег. Я сказал своему отцу, что вернусь до ужина. На полпути к Портнейлу начался дождь, я остановился надеть плащ. Ехать было тяжело, но я добрался без происшествий. Город был серый и пустой в скучном дневном свете, по дороге на север мелькали машины, некоторые были с включенными фарами, которые делали все окружающее еще более тусклым. Сначала я пошел в магазин "Охота и рыбалка", взять американскую охотничью катапульту и пульки для духового ружья у старого Макензи.

- Как ты сегодня, молодой человек?
- Хорошо, а вы?
- Ох, знаешь, неплохо, - сказал он, медленно качая седой головой, его пожелтевшие глаза и волосы выглядели болезненно в электрическом свете магазина. Мы всегда говорим друг другу одно и то же. Иногда я задерживаюсь в магазине дольше, чем нужно, потому что люблю запах внутри.

- И как здоровье твоего дяди? Я не видел его с...давно.
- С ним все в порядке.
- О, хорошо, хорошо, - сказал мистер Макензи, скосив глаза, как будто у него что-то болело и медленно кивая. Я тоже кивнул и посмотрел на свои часы.
- Ну, мне пора, - сказал я и начал собираться, положил мою новую катапульту в рюкзак на спине и засунул пули, завернутые в коричневую бумагу в карманы моего армейского свитера.

- Ох, ну иди, иди, если нужно, - сказал Макензи, кивая за стеклянной витриной и будто бы проверяя мушки, катушки с леской и утиные манки, которые были внутри. Он взял тряпку около кассового аппарата и начал медленно двигать ей по поверхности, только однажды подняв голову, когда я выходил из магазина, сказав:

- До свидания.
- Да, до свидания.

В кафе "Вид на залив", которое определенно попало после того, как его так называли, в ужасное точечное оседание почвы, потому что оно должно бы быть как минимум на этаж выше, чтобы из него можно было видеть воду, я выпил чашку кофе и сыграл в "Захватчиков из космоса". В кафе купили новый автомат, но после фунта-другого я осилил игру и выиграл космический корабль. Мне стало скучно и я сел со своей чашкой кофе.

Я изучил плакаты на стенах кафе, чтобы узнать, не будет ли тут чего-то интересного в ближайшее время, но кроме Киноклуба ничего особенного не было. Следующим был показ: "Жестяного барабана", но эту книгу отец купил для меня несколько лет назад, это был один из немногочисленных подарков, которые он мне когда-то сделал, и поэтому я упорно избегаю читать ее, так же как и "Майру Бреккенридж", другой из его редких подарков. Чаще всего отец дает мне деньги, когда я о них прошу, и разрешает купить все, что мне хочется. Не думаю, что я ему на самом деле интересен, с другой стороны, он ни в чем мне не отказывает. Насколько я знаю, у нас с ним что-то вроде негласного соглашения: я молчу о своем официальном не-существовании, за это я могу делать почти что угодно на острове и покупать почти что угодно в городе. Единственное, о чем мы недавно спорили, был мотоцикл, который как он сказал купит мне, когда я буду немного старше. Я сказал, было бы неплохо купить его

в середине лета, тогда я смогу хорошо натренироваться до того, как дороги размокнут и станут скользкими, но он ответил, будто в середине лета здесь будет слишком много туристов, едущих через город и вокруг него. Думаю, он просто хочет отложить покупку, он может бояться моей увеличившийся независимости или просто он опасается, что я разобьюсь, как делают множество подростков, получивших мотоцикл. Я не знаю, я никогда точно не знал, какие у него чувства относительно меня. С другой стороны, я никогда точно не знал какие у меня чувства относительно его.

Я надеялся увидеть в городе кого-нибудь знакомого, но единственные люди, которых я встретил, были старый Макензи в магазине "Охота и рыбалка" и миссис Стюарт в кафе, толстая, зевающая за своими ламинированными прилавками, она читала женский журнал. Не то, чтобы я знал много народу, Джеми - мой единственный настоящий друг, хотя благодаря нему я встретил нескольких людей примерно моего возраста, которых я считаю своими знакомыми. Я не ходил в школу и делал вид, словно не живу все время на острове, это значит, я не вырос вместе с кем-нибудь моего возраста (если не считать Эрика, но даже он давно уехал) и примерно во время, когда я собирался выйти в большой мир и узнать побольше народу, Эрик сошел с ума, и в городе стало немного неприятно.

Матери говорили детям вести себя хорошо или придет Эрик Колджейм и сделает с ними что-то ужасное, используя червей и опарышей. А как я и думал, история неизбежно стала такой, что Эрик подожжет неслухов, а не их собак и как вероятно было неизбежным, многие из них стали думать, это я был Эриком или я выкидываю те же штуки. Или может, их родители предположили о Блисе, Поле и Эсмерельде. Так или иначе, но дети убегали от меня или обзывали меня издали. Поэтому я держался тихо и свел свои короткие визиты в город к минимуму. До сих пор иногда я ловлю на себе прежний оценивающий взгляд детей, подростков и взрослых и я знаю, что некоторые матери говорят своим детям вести себя хорошо или придет "Придет Франк", но меня это не беспокоит. Я могу это выдержать.

Я сел на свой велосипед и вернулся домой, беспечно проносясь через лужи на дороге, и сделав прыжок - там, где длинный склон дюны и потом короткий подъем на следующую, легко оторваться от земли - на скорости в хороших сорок километров в час, плюхнулся в грязь и почти попал в кусты дрока, и напоследок ушиб задницу. Но я добрался домой без происшествий. Я сказал моему отцу, все в порядке, и я приду к ужину примерно через час, потом пошел в сарай вытереть Щепень. После этого я сделал несколько бомб на замену использованных вчера и еще несколько лишних. Я включил старый электрокамин, не столько, чтобы согреться, сколько чтобы предотвратить впитывание влаги из воздуха высоко гигроскопической смесью.

Чего бы мне действительно хотелось, так это не возиться с килограммовыми мешками сахара и банками с пестицидами из города и наполнением труб для электрической проводки, которые Джеми-карлик достает для меня на стройке в Портнейле, где он работает. Имея винный погреб, полный кордита, которого достаточно чтобы взорвать половину острова, это кажется немного глупым, но отец не разрешает и близко подойти к нему.

Это его отец, Колин Колджейм, достал кордит со свалки кораблей, которая раньше была на побережье. Один из его родственников работал там и нашел старый военный корабль, нагруженный взрывчаткой. Колин купил кордит и зажигал им огонь. Без взрывателя кордит очень хорошо зажигает огонь. Колин купил его столько, что кордита было бы достаточно на двести лет, если бы его сын продолжал использовать вещество, так что, вероятно, он собирался его продать. Как мне известно, отец применял его некоторое время, когда зажигал плитку, но уже давно этого не делает. Бог знает, сколько еще там осталось, я видел огромные штабеля и вязанки с клеймом Королевского Флота, но я не знаю как по-другому его достать, если не прорыть туннель от сарая и брать кордит из задней части, чтобы он выглядел нетронутым изнутри погреба. Отец проверяет погреб каждые две недели, нервно спускаясь с фонарем, считая штабеля и нюхая воздух, проверяя термометр и гигрометр.

В винном погребе прохладно и хорошо, совсем не влажно, хотя я предполагаю, что он вырыт только чуть выше водного горизонта, отец, кажется, знает, что делает и он уверен: взрывчатка не станет нестабильной, но наверное он стал и остался нервным после Кольца Мин. (Снова виновен, это

тоже была моя вина. Мое второе убийство, когда мне кажется некоторые родственники начали подозревать правду). Хотя если он настолько испуган, я не знаю, почему он просто не выбросит его. Но, по-моему, у него есть собственные маленькие предрассудки относительно кордита. Какая-то связь с прошлым, или с злобным демоном, который прячется у нас, символ зла нашей семьи, ждущий дня, когда он нас удивит.

В любом случае, у меня нет доступа к кордиту, и я вынужден привозить из города метры черных металлических труб и потеть, и трудиться над ними, стигая и разрезая, и сверля, и складывая, и снова стигая, сражаясь с ними, пока скамья и сарай не начинают скрипеть от моих усилий. Полагаю, это мастерство, оно определенно требует некоторых навыков, но иногда мне становится скучно и только мысль о применении маленьких черных торпед заставляет меня продолжать переносить и стигать.

Я все убрал и помыл сарай после изготовления бомб, а потом пошел ужинать.

5

- Они его ищут, - вдруг сказал отец между ложками капусты с кусками сои. Его темные глаза мерцали передо мной как коптящие язычки пламени, потом он опять посмотрел вниз. Я попробовал пиво, которое я открыл. В новом бочонке домашнее пиво было на вкус лучше и сильнее, чем в предыдущем.

- Эрика?

- Да, Эрика. Они ищут его на пустошах.

- На пустошах?

- Они думают, он может быть на пустошах.

- Да, это может объяснить, почему они его там ищут.

- Точно, - кивнул отец. - Почему ты мычишь?

Я прочистил горло и продолжал есть свои котлеты, сделав вид, что не расслышал.

- Я подумал, - сказал он, потом ложкой положил зелено-коричневую смесь в свое лицо и долго жевал. Я ждал продолжения. Он медленно помахал своей ложкой и указал неопределенно вверх, потом сказал:

- Так какая длина телефонного провода?

- В спирали или вытянутого? - быстро сказал я, поставив стакан с пивом. Он хмыкнул и больше ничего не сказал, возвратившись к своей тарелке с едой, определенно удовлетворенный, если и не довольный. Я выпил.

- Хочешь ли ты заказать чего-нибудь особенного в городе? - наконец спросил он и сполоснул рот "настоящим" апельсиновым соком. Я покачал головой, допил свое пиво.

- Нет, все как обычно, - я передернул плечами.

- Картофельное пюре в порошке и говяжьи котлеты, и сахар, и минспайсы <Традиционная сдоба с фаршем>, и кукурузные хлопья, и тому подобную ерунду. Он презрительно хмыкнул, хотя говорил он ровным тоном.

Я кивнул:

- Да, отлично. Ты знаешь, что я люблю.

- Ты не питаешься нормально. Я должен был быть с тобой более строгим.

Я ничего не сказал, но продолжал медленно есть. Я ощущал, как отец смотрел на меня с другого конца стола, перекачивая сок по кругу в его стакане и уставившись на мою голову, а я согнулся над тарелкой. Он покачал головой и поднялся из-за стола, взяв свою тарелку из раковины, чтобы ее помыть.

- Ты собираешься сегодня вечером в город? - спросил он, открывая кран.

- Нет, я собираюсь сегодня быть дома. Пойти завтра.

- Надеюсь, ты не напьешься вдрызг, как в прошлый раз. Когда-нибудь тебя арестуют, и что мы тогда будем делать? - Он посмотрел на меня. - А?

- Я не собираюсь напиваться вдрызг, - заверил его я. - Я просто выпью кружку-другую и буду общаться и все.

- Ну, ты слишком шумный, когда ты возвращаешься для кого-то, кто просто общительный и все такое. - Он посмотрел на меня неодобрительно и сел.

Я пожал плечами. Естественно, я напьюсь. Какой смысл пить, если не напиваться? Но я буду осторожен, я не хочу вызвать осложнения.

- Ну, будь осторожен. Я всегда знаю, сколько ты выпил по твоему пуку. -

Он издал звук, как будто имитирующий один из них.

У моего отца есть решительная и непосредственная теория о связи между мозгом и кишками. Это одна из его идей, в которых он пытается заинтересовать людей, у него есть рукопись по этому вопросу ("Содержание пука"), которую он тоже периодически посылает в Лондон и которую они, конечно же, посылают обратно. Он утверждает, что по пуку он может сказать не только что люди ели или пили, но и также какие они люди и что они должны есть, нестабильны ли они эмоционально или огорчены, есть ли у них секреты, смеются ли они над тобой исподтишка или пытаются втереться в доверие и даже что они думают в момент, когда выпускают газы (большей частью судя по звуку). Все это нонсенс.

- Хм-м, - абсолютно не заинтересованно сказал я.

- О, я могу, - сказал он, а я закончил есть и откинулся на спинку стула, вытирая рот тыльной стороной ладони, большей частью для того, чтобы его подразнить. Он продолжал кивать головой:

- Я знаю, когда ты пил темное или лагер. Еще я унюхал Гиннесс.

- Я не пью Гиннесс, - соврал я, тайно удивленный. - Я боюсь заработать пивное горло.

Он явно пропустил шутку мимо ушей, потому что он тут же продолжил:

- Это просто спускать деньги в унитаз. Не думай, что я буду финансировать твой алкоголизм.

- О, это просто глупо, - сказал я и встал.

- Ты знаешь, о чем я. Я видел мужиков получше тебя, которые думали, что они знают свою норму, они, в конце концов, оказались в канаве с бутылкой плодово-ягодного.

Если последний выпад должен был ударить ниже пояса, он прошел мимо цели, фраза "мужики получше тебя" сделала свое уже давно.

- Ну, это моя жизнь, не правда ли? - сказал я и, поставив мою тарелку в умывальник, ушел с кухни. Отец ничего не сказал.

6

В этот вечер я смотрел телевизор и занимался бумагами, поправляя карты, чтобы на них появился недавно названный Холм Черного Разрушителя, составил краткое описание того, что я сделал с кроликами и учел бомбы, которые я использовал и которые я недавно сделал. Я решил держать Поляроид в Военном Мешке, для такой карательной операции с небольшой степенью риска, как против кроликов он может более чем оправдать дополнительный вес и время, потраченное на его использование. Конечно, в случае серьезного приключения придется обойтись только Военным Мешком, и камера будет только помехой, но я пару лет не встречал реальной угрозы, с тех пор как большие мальчики запугивали меня в городе и нападали из засады по дороге домой.

Я думал, что ситуация станет очень тяжелой, но они никогда не довели ее до той степени, до которой как я думал, могли. Я пригрозил им своим ножом, после того как они остановили меня на моем велосипеде, стали толкать и требовать денег. В тот раз они отступили, но через несколько дней они пробовали вторгнуться на остров. Я отбил их кусками железа и камнями, они ответили выстрелами из духовых ружей, и ненадолго стало очень интересно, но потом пришла миссис Клэмп с письмами за неделю, пригрозила вызвать полицию и после того, как они ее обозвали, они ушли.

Тогда я начал создавать систему тайных складов, запасая железяки, камни, болты и свинцовые грузила для сетей, закапывая их в пластиковых пакетах и коробках в стратегических точках острова. Еще я установил ловушки и проволоку, прикрепленную к стеклянным бутылкам в траве на дюнах над заливом, если кто-то попытается просочиться, они либо попадутся в ловушки, либо натянут проволоку, выдернув бутылку из дырки в песке и ударив ее о камень. Я ждал несколько следующих ночей, моя голова высывалась из заднего окна чердака, слух напряжен, чтобы услышать звон бьющегося стекла или приглушенную ругань или более привычный сигнал - крики потревоженных и улетающих птиц, но больше ничего не случилось. Я просто некоторое время избегал городских мальчишек, приходя в Портнейл только с моим отцом или во время, когда я знал, что они в школе.

Система складов существует до сих пор, я даже добавил пару бензиновых

бомб к одному или двум секретным местам, там, где проходит вероятный маршрут нападающих, бутылки разобьются, но поволоку я снял и положил в сарай. Мой План Защиты, который содержит вещи вроде карт острова с обозначенными на них складами, вероятные пути атак, краткое изложение тактики, список оружия, которое у меня есть или я могу сделать, включая в последнюю категорию довольно много неприятных штук вроде натянутой проволоки или ловушек, установленных на расстоянии упавшего тела от скрытой разбитой бутылки, высовывающейся из травы; мины с электрическими детонаторами, сделанные из обычных бомб и гвоздиков; все зарытое в песок и несколько интересных, хотя и не правдоподобных секретных орудий вроде летающих тарелок с бритвами по краям.

Я сейчас не хочу никого убивать, все перечисленное скорее для защиты, чем нападения, так я чувствую себя в большей безопасности. Скоро у меня будет достаточно денег для покупки по-настоящему мощного арбалета, и я очень жду этого момента, он компенсирует тот факт, что я не смог убедить моего отца купить ружье или мелкокалиберку, которые я смог бы иногда использовать. У меня есть катапульты и духовое ружье, и они могут быть смертельными при определенных условиях, но они не настолько дальнобойные, как мне хотелось бы. У бомб такой же недостаток. Они должны быть установлены или в лучшем случае брошены по мишени, и даже катапультировать специально сконструированные маленькие бомбы получается неаккуратно и медленно. И я могу представить всякие неприятные штуки, которые могут случиться с катапультой, у бомб для нее должен быть короткий запал, они должны взрываться сразу после приземления и чтобы их нельзя было бросить обратно, и у меня уже было несколько случаев, когда они взрывались сразу после того, как вылетели из катапульты.

Естественно, я экспериментировал и с реактивным оружием, и с пушками, которые стреляли бы бомбами, но они все неповоротливые, опасные, медленные и склонны взрываться.

Мелкокалиберное ружье было бы идеальным, я был бы счастлив получить калибр 0,22, но придется обойтись арбалетом. Возможно, когда-нибудь я смогу обойти мое официальное не-существование и подать заявку на ружье, хотя даже тогда, если учесть все, я могу и не получить лицензию. Иногда я думаю, о, жить бы в Америке!

Я записывал бензиновые бомбы из склада, которые давно не проверялись на испарение бензина, когда зазвонил телефон. Я посмотрел на мои часы, удивленный, что было так поздно, почти одиннадцать. Я сбежал по лестнице к телефону, слыша как отец идет к двери своей комнаты, когда я пробежал мимо нее.

- Портнейл, 531, - звучали гудки.

- В жопу, Франк, у меня на граблях мозоли величиной с лунные кратеры. Как ты там, маленький хлопчик?

Я посмотрел на трубку, потом на моего отца, который перевешивался через перила на этаж выше, заправляя свою пижамную рубашку в штаны. Я сказал в телефон:

- Привет, Джеми, почему ты мне звонишь так поздно?

- Что..? А, старик здесь, да? - сказал Эрик. - Скажи ему от меня, что он мешок жидкого гноя.

- Джеми передает тебе привет, - я сказал моему отцу, который без единого слова повернулся и пошел в свою комнату. Я услышал, как закрылась дверь. Я вернулся к телефону:

- Эрик, где ты теперь?

- О, черт, я тебе не скажу. Угадай.

- Ну, я не знаю...Глазго?

- Ах-ха-ха-ха-ха! - заскрипел Эрик. Я сжал пластик.

- Как ты? С тобой все в порядке?

- Нормально. А ты как?

- Хорошо. Слушай, что ты ешь? Есть ли у тебя деньги? Ты ловишь попутки или что? Знаешь, они тебя ищут, но в новостях еще ничего не было. Ты не... - Я остановился до того, как сказал что-то, на что он может обидеться.

- Со мной все в порядке. Я ем собак. Хе-хе-хе!

Я застонал:

- Боже, это же не правда, ну скажи.

- Что еще я могу есть. Это великолепно, Франки, я держусь полей и лесов, иду и ловлю попутки, а когда я бываю около города, я ищу хорошую, жирную, сочную собаку, мы с нею становимся друзьями, я отвожу ее в лес и потом я ее убиваю и ем. Что может быть проще? Я люблю жизнь на свежем воздухе.

- Ты их жарить?

- Ну конечно я их жарю, - негодуяше сказал Эрик. - Кто я по твоему мнению?

- Это все, что ты ешь?

- Нет. Я краду. В магазинах. Очень легко. Я краду то, что не могу есть, просто чтобы не скучать. Например, тампоны и пластиковые пакеты для мусора, и пакеты чипсов для вечеринок, и сотню трубочек для коктейлей, и двенадцать разноцветных свечек для торта, и рамки для фотографий, и чехлы для рулевого колеса из искусственной кожи, и крючки для полотенец, и кондиционеры для белья, и освежители для воздуха "два в одном" для уничтожения этих навязчивых кухонных запахов, симпатичные ящички для мелочей, и упаковки кассет, и запирающиеся крышечки для канистр с бензином, и телефонные справочники, журналы для похудения, кашпо, упаковки табличек с именами, искусственные ресницы, косметички, микстуру против курения, игрушечные часы...

- Ты не любишь чипсы? - быстро прервал его я.

- А? - его голос звучал растерянно.

- Ты упомянул пакеты чипсов для вечеринок как что-то, чего не можешь есть.

- Ради бога, Франк, ты можешь съесть пакет чипсов для вечеринок?

- И как твое здоровье? - быстро сказал я. - То есть ты же спишь на земле. Ты не простудился или что-нибудь такое?

- Я не сплю.

- Ты не спишь?

- Конечно, нет. Спать необязательно. Это что-то, что они говорят тебе, чтобы контролировать тебя. Никто не обязан спать. Тебя учат спать, когда ты еще ребенок. Если ты по-настоящему хочешь, ты можешь это преодолеть. Теперь я никогда не сплю. Так гораздо проще быть настороже, чтобы они не подкрались, и продолжать идти. Нет ничего лучше, чем продолжать идти. Становишься похожим на корабль.

- На корабль? - теперь я растерялся.

- Прекрати повторять все, что я говорю, Франк. - Я слышал, как он бросил деньги в автомат. - Я тебя научу не спать, когда я вернусь.

- Спасибо. Когда ты будешь здесь?

- Раньше или позже. Ха-ха-ха-ха!

- Слушай, Эрик, зачем ты ешь собак, если ты можешь украсть всю эту ерунду?

- Я уже тебе сказал, ты - идиот, это дерьмо нельзя есть.

- Но тогда почему не красть что-то, что можно есть и не трогать собак, а красть что-то, что есть нельзя? - предложил я. И я уже знал, это была плохая идея, я слышал, как тон моего голоса поднимается выше и выше, пока я говорил, это всегда знак того, что я залезаю в что-то вроде словесного мусорного ведра. Эрик закричал:

- Ты рехнулся? Что с тобой? Зачем? Это собаки, правда? Я же не убиваю котов или полевых мышей, или золотых рыбок, или кого-то еще. Я говорю о собаках, ты бешеный даун! О собаках!

- Ты можешь не кричать на меня, - сказал я ровным тоном, хотя и начиная закипать. - Я только спросил, почему ты тратишь впустую так много времени, воруя мусор, который не можешь есть, а потом опять тратишь время, похищая собак, если ты мог бы красть и есть одновременно.

- Одновременно? Одновременно? О чем ты шепчешь? - закричал Эрик, его сдерживаемый голос стал грубым контральто.

- О, не кричи, - застонал я, положил руку на лоб, провел ею сквозь волосы и закрыл глаза.

- Я буду кричать, если захочу! - закричал Эрик. - Ты думаешь, почему я это делаю? А? Это собаки, ты маленький безмозглый мешок дерьма! У тебя совсем мозгов не осталось? Что случилось с твоими мозгами, Франки? Ты прикусил язык? Я сказал, ты прикусил язык?

моей собственной вещи и моего места в жизни. Из-за этого я чувствую себя отлично.

2

Я нашел фотографию младенца Пола в одном из альбомов, которые я держу на чердаке и после церемонии я написал имя новой катапульты на обратной стороне фотографии, обернул ее вокруг железяки и закрепил кусочком изолянта, потом спустился с чердака и вышел из дома в холодную морось нового дня.

Я пошел на растрескавшийся конец стапеля, который был на северном конце острова. Я растянул резину катапульты почти до максимума и послал снаряд и фотографию над морем. Всплеска я не увидел.

Катапульте ничего не угрожает, пока никто не знает ее имя. Определенно, Черному Разрушителю это не помогло, но он умер из-за моей ошибки, а моя сила настолько велика, что когда она ошибается – такое редко, но все же случается, даже вещи, которые я наделил большой защитной силой, становятся уязвимыми. Опять же, тогда я чувствовал гнев по поводу ошибки и решимость предотвратить ее повторение. Это как наказать или расстрелять генерала, который проиграл битву или отступил с важной территории.

Ну, я сделал, что мог для защиты катапульты и хотя мне было жалко, что случившееся на Кроличьих Землях стоило мне оружия, которому я доверял, которое побывало со мной во многих битвах (говоря о значительной сумме из Бюджета Оборона, которое оно мне стоило), может быть, все к лучшему. Часть меня, допустившая ошибку с кроликом, позволив ему на время одержать надо мной верх, может по-прежнему быть где-то близко, если подробный самоанализ не нашел ее. Некомпетентный или промахнувшийся генерал был отправлен в отставку. Возвращение Эрика может потребовать от меня максимальных эффективности, реакции и силы.

Было еще очень рано и хотя туман и морось должны были заставить меня почувствовать себя размякшим, после церемонии я был в хорошем, уверенном настроении.

Мне хотелось Бега, поэтому я оставил свитер около Столба, у которого я был, когда Диггс принес новости, плотно затолкал катапульту между штанами и ремнем. Я туго завязал ботинки, проверив перед этим носки, которые должны быть без морщин, потом медленно протрусил по линии твердого песка между линиями водорослей оставленных приливом. Мелкий дождик начинался и прекращался, красный и нечеткий диск солнца иногда был виден сквозь туман и облака. Я повернул по направлению слабого северного ветра. Я ускорился постепенно, входил в ритм легкого бега с широким шагом, который заставил мои легкие правильно работать и подготовил мои ноги к более серьезной нагрузке. Мои руки со сжатыми кулаками двигались в плавном ритме, посылая вперед сначала кулак, потом противоположное ему плечо. Я глубоко дышал, топая по песку. Добежав до распадавшейся на мелкие рукава перекачивающейся по песку реки, я изменил ритм бега, чтобы легко перескочить через отдельные рукава. Когда я закончил с ними, я опустил голову и увеличил скорость. Моя голова и кулаки били по воздуху, ноги стибались, летели, опирались и отталкивали.

Воздух хлестал меня, капли дождя кусали, когда я ударялся о них. Легкие вдыхали, выдыхали, вдыхали, выдыхали; фонтаны влажного песка летели из-под подошв, поднимаясь и падая на прежнее место, а я продолжал бежать. Я поднял лицо и закинул голову назад, поставив шею ветру как любовник, дождю как жертва. Мое дыхание дребезжало в горле, небольшое головокружение, которое я начал чувствовать из-за гипервентиляции, прошло, когда мои мускулы взяли из крови дополнительную силу. Я побежал быстрее, увеличивая скорость, вдоль волнистой линии мертвых водорослей, я чувствовал себя как бусинка на нитке, которую тянут по воздуху, так меня тянули горло, легкие и ноги, течение их энергии. Я ускорился, пока мог, а когда почувствовал, что больше не могу, расслабился и вернулся к обычному быстрому бегу. Я пронесся по песку, дюны слева от меня двигались мимо как трибуны на ипподроме. Впереди я видел Воронку, где остановлюсь или где поверну. Я ускорился опять: голова опущена вниз, я кричал внутри, мысленно орал изо всех сил, мой голос был как завинчивающийся пресс, выжимающий последнее усилие из моих ног. Я летел над песком, тело наклонено вперед как у ненормального, легкие горели, ноги стучали.

Через минуту я сбросил скорость до трусцы, приблизился к Воронке и почти упал в нее. Я бросил себя на песок внутри Воронки и лежал среди камней, раскинув руки и ноги, тяжело дыша, уставившись на серое небо и невидимую морось. Моя грудь поднималась и опадала, сердце колотилось внутри своей клетки. В ушах был глухой рев, и все мое тело гудело, его покалывало. Мускулы ног были в каком-то изумленном, дрожащем напряжении. Голова откатилась на сторону, щека прижалась к прохладному мокрому песку.

Интересно, как себя чувствует умирающий.

3

Воронка, хромая нога моего отца и его палка, вероятно, его отказ купить мне мотоцикл, свечи в черепе, легионы мертвых мышей и хомяков – все это вина Агнесс, второй жены моего отца и моей матери.

Я не помню моей матери, потому что если бы я ее помнил, я бы ненавидел ее. А так я ненавижу ее имя, саму мысль о ней. Она разрешила Стоувам забрать Эрика в Белфаст, забрать с острова, забрать от того, о чем он знал. Стоувы думали, что отец – плохой воспитатель, ведь он одевал Эрика в платица и разрешал ему бегать без присмотра, а моя мать разрешила им увезти его, потому что не любила детей в целом и Эрика в частности, она думала, что он каким-то образом отягощает ее карму. Вероятно, та же нелюбовь к детям заставила ее оставить меня сразу же после рождения и была причиной ее единственного после этого посещения острова, когда она стала, по меньшей мере, частично ответственной за то, что случилось со мной. Я лежал здесь, в Воронке, где убил ее второго сына и надеялся, что она тоже мертва.

Я опять побежал, медленно, полон энергии, и чувствуя себя даже лучше, чем в начале Бега. Я уже ждал вечера в "Гербе" – пиво, треп с моим другом Джеми и какая-нибудь энергичная музыка, от которой звенит в ушах. Я пробежал стометровку, просто чтобы помотать головой и вытрясти из волос песок., потом расслабился и побежал трусцой.

Камни Воронки обычно наводят меня на размышления, и этот раз не стал исключением, особенно если вспомнить, как я лежал в позе распятого Христа, открытый небу, думая о смерти. Ну, Пол умер так быстро, как только возможно, в тот раз я определенно был гуманен. У Блиса было достаточно времени понять, что происходит, пока он прыгал по песку Парка Змеи, крича как буйно помешанный, а разъяренная змея кусала его культю; да и маленькая Эсмерельда должна была подозревать, что с ней будет, когда ее медленно относил от острова.

Моему брату Полу было пять лет, когда я его убил. Мне было восемь. Убийство произошло через два с лишним года после того, как я избавился от Блиса, это время мне понадобилось, чтобы найти способ упокоить и Пола. Не то, чтобы у меня были к нему претензии, простоя знал – он не должен жить. Я никогда не смог бы освободиться от пса, пока Пол не исчез (Эрик, бедный, добрый, умный, но неосведомленный Эрик думает, что я не освободился от нее до сих пор, и я не могу ему рассказать, почему я свободен).

Пол и я шли в северном направлении вдоль побережья в тихий, ясный осенний день, который установился после яростного шторма предыдущей ночью. Шторм сорвал куски шифера с крыши нашего дома, вырвал несколько деревьев около овечьего сарая и даже порвал один из кабелей подвесного моста. Отец взял Эрика убирать и чинить, а я убрал себя и Пола из-под их ног.

Мы всегда хорошо ладили с Полом. Вероятно. Я давно знал, что он ненадолго в нашем мире, и я пытался, чтобы он повел отпущенное ему время по возможности приятно, обращаясь с ним лучше, чем большинство парней ведут себя со своими младшими братьями.

Мы увидели большие изменения, вызванные штормом, как только мы дошли до реки, обозначающей конец острова. Она сильно раздулась, прорыв в песке огромные ущелья, коричневые потоки воды продолжали вырывать куски из берегов и уносить их. Нам с Полом пришлось дойти почти до моря при отливе, пока мы смогли ее перейти. Мы пошли дальше, я держал Пола за руку, в душе моей не было зла. Пол пел себе под нос и задавал вопросы вроде тех, которые обычно задают дети, например, почему всех птиц не унесло во время шторма и почему море не наполнилось водой до краев, если река течет так быстро.

Мы медленно шли по песку, останавливаясь посмотреть на интересные

штуки, которые вымыло из песка, так постепенно закончился пляж. Там, где раньше песок непрерывной золотой линией тянулся до горизонта, в тот день мы заметили, как появились камни, их становилось больше и больше, пока дюны не стали смотреть на каменный берег. Ночной шторм смыл весь песок от реки и дальше мест, названия которых я знал, дальше тех, где я когда-нибудь бывал. Выглядело это все впечатляюще, я сначала даже немного испугался, очень уж большое изменение в облике острова. Но я вспомнил, как отец рассказывал мне о подобном, песок всегда возвращается обратно за несколько недель или месяцев.

Пол радостно бегал, прыгал с камня на камень и бросал гальку в лужи между камнями. Озерца среди камней были для него новинкой. Мы шли по разоренному пляжу, находя интересные куски плавника и в конце концов пришли к заржавевшей штуке, я издали принял за цистерну для воды или полузасыпанное каное. Штука выглядывала на полтора метра из кучи песка, поднимаясь из нее почти под прямым углом. Пол пытался поймать рыбку в луже, а я рассматривал находку.

Недоумеая, я дотронулся до тонкого цилиндра, чувствуя в ней что-то очень спокойное и сильное, хотя и не зная, почему. Потом я отступил назад и посмотрел на цилиндр. Его форма стала мне понятна, и я смог грубо прикинуть, какая часть цилиндра еще погребена в песке. Это была стоящая на хвосте бомба.

Я осторожно вернулся к бомбе, стал ее осторожно поглаживать и издавать утешающие звуки. Она была красная от ржавчины и черная от разложения, пахла сыростью и отбрасывала конусовидную тень. Я пошел вдоль линии тени по песку, через камни и обнаружил себя смотрящим на маленького Пола, счастливо плескавшегося в луже, бьющего по воде большим плоским куском дерева размером почти с него самого. Я улыбнулся и позвал его:

- Видишь эту штуку? - спросил я. Это был риторический вопрос. Пол кивнул, уставившись на меня большими глазами. - Это колокол. Такой, как в городской церкви. Звук, который мы слышим по воскресеньям, понимаешь?

- Да. Слазу после завтрака, Фланк?

- Что?

- Звон слазу после воскресного завтрака, Фланк. - Пол слегка ударил меня по колену своей пухлой ручкой. Я кивнул:

- Да, правильно. Колокола звенят. Они большие пустые внутри куски металла, наполненные звоном и они выпускают его воскресным утром после завтрака. Вот что это.

- Завтрак? - Пол посмотрел на меня снизу вверх, сильно нахмутив бровки. Я терпеливо покачал головой.

- Нет, колокол.

- К - это колокол, - спокойно сказал Пол, кивая, и уставился на ржавый цилиндр, вероятно, вспомнив старую азбуку. Пол был умный мальчик, отец собирался послать его в школу, когда придет время, и уже начал учить с ним алфавит.

- Правильно. Ну, наверно, этот колокол упал с корабля или его принесло наводнением. Я знаю, что мы сделаем. Я пойду в дюны, а ты ударишь по колоколу своей деревяшкой, и мы посмотрим, смогу ли я его услышать. Сделаем так? Хочешь? Звон будет очень громкий, и ты можешь испугаться. - Я нагнулся, чтобы мое лицо было на одном уровне с лицом Пола. Он яростно потряс головой и задрал нос:

- Нет! Не испугаюсь! - закричал он. - Я... - он уже собрался обойти меня и ударить по бомбе куском дерева, он уже поднял его над головой и замахнулся, когда я протянул руку и обхватил его за талию.

- Не сейчас, - сказал я. - Подожди, пока я отойду подальше. Это старый колокол и в нем мог остаться только один хороший звук. Ты же не хочешь потратить его впустую?

Пол рванулся, выражение его лица, казалось, говорило: он не против потратить впустую что угодно, если при этом он ударит колокол своим куском дерева.

- Холосо, - сказал он и прекратил вырваться. Я его отпустил.

- Но я могу удалить очень, очень сильно?

- Изо всех сил. Когда я махну с верхушки дюны. Хорошо?

- Можно мне поплобовать?

- Пробуй, ударив по песку.
- Мозно бить по лузам?
- Да, бей по воде. Хорошая мысль.
- Мозно бить по этой лузе? - Он указал палкой на круглое озерцо около бомбы. Я покачал головой:
- Нет, колокол может рассердиться.
Он нахмурился:
- Колокола умеют селдиться?
- Да. Я ухожу. Ты очень сильно ударишь, а я буду очень внимательно слушать, хорошо?
Он потряс головой:
- Холосо.

- Отлично. Я быстро. - Я повернулся и медленно побежал в дюны. Спина моя чувствовала себя странно, Я посмотрел вокруг, нет ли кого поблизости. Никого не было, только несколько чаек кружилось в небе, по которому плыли рваные облака. Когда я обернулся и посмотрел через плечо, я увидел Пола. Он все еще стоял около бомбы, держал палку обеими руками и изо всех сил шлепал ею по песку, подпрыгивая и крича. Я побежал быстрее, перепрыгивая через камни на твердый песок, через линию прилива на сухой золотой песок, потом на траву ближайшей дюны. Я взобрался на ее верхушку и посмотрел туда, где стоял Пол, маленькая фигурка на фоне зеркал луж и влажного песка, выделяясь на фоне наклоненного металлического корпуса. Я постоял, подождал, пока он заметит меня, последний раз посмотрел по сторонам, помахал высоко поднятыми над головой руками и упал на землю.

Пол выглядел как далекая куколка, которая дергалась, прыгала и размахивала руками, настойчиво стуча по боку бомбы. Я слышал его крики над шепотом травы на ветру. "Черт", - сказал я и подпер рукой щеку, и тут Пол после быстрого взгляда в мою сторону начал атаковать нос бомбы. Он влупил по бомбе, я убрал руку из-под щеки, приготовившись прижаться к земле, когда Пол, бомба, маленькое озерцо вокруг нее и все остальное внутри круга диаметром приблизительно десять метров внезапно исчезло внутри растущей колонны песка, пара и летящих камней, на мгновение, на ослепительно короткую первую секунду освещенную изнутри вспышкой взрывчатки.

Поднимающаяся колонна расцвела и поплыла в сторону, начиная опадать, ударная волна качнула дюну подо мной. Краем глаза я заметил множество мелких песчаных лавин, сходящих с высыхающих склонов ближних дюн. Звуковая волна пошла дальше, похожая на треск и ворчание грома. Я смотрел на постепенное расширение от центра взрыва круга всплесков на лужах, когда поднятый песок вернулся на землю. Колонна газа и пыли, зачернив песок под собой, была развевана ветром, у ее основания появилась дымка, похожая на ту, которую иногда можно видеть под тучей в начале дождя. Я увидел воронку.

Я сбегал к подножию дюны. Я стоял в приблизительно пятидесяти метрах от еще дымившейся воронки. Я не стал внимательно рассматривать обломки, которые валялись вокруг нее, косясь на них краем глаза, желая и не желая увидеть кровавое мясо или рваную одежду. Звук взрыва вернулся неясным эхом, отразившись от холмов за городом. Край воронки был отмечен большими осколками камня, вырванными из материнской породы под песком, они стояли вокруг воронки как сломанные зубы, указывающие в небо или покосившиеся. Я видел, как далекое облако, рожденное взрывом, плыло по ветру над заливом, исчезая, потом я повернулся и побежал к дому изо всех сил.

Теперь я уже знаю, что это была немецкая пятисоткилограммовая бомба, сброшенная подбитым "Хейнкелем 111", который пытался вернуться на норвежский аэродром после неудачной атаки на базу летающих лодок, располагавшуюся на берегу залива. Мне нравится думать, что зенитка из моего бункера попала в самолет, заставила пилота отступить, сбросив бомбы.

Верхние края тех больших обломков камня до сих пор выглядывают над поверхностью давно вернувшегося песка, и они составляют Воронку, самый удачный монумент бедному мертвому Полу: проклятый каменный круг, где играют тени.

Мне опять повезло. Никто ничего не видел, и никто не мог поверить, что я сделал это. Тогда я был полон горя, раздавлен виной, Эрику пришлось постоянно наблюдать за мной, так мастерски я играл свою роль (хотя это только мое мнение). Мне нравилось обманывать Эрика, но я знал - это

необходимо, я не мог сказать ему, что я сделал, он бы не понял почему я это совершил. Он бы ужаснулся и, очень вероятно, мы бы никогда больше не были бы друзьями. Поэтому мне пришлось играть убитого горем, обвиняющего себя ребенка, а Эрику пришлось меня утешать, пока отец был мрачен и задумчив.

На самом деле мне не понравилось, как Диггс задавал мне вопросы о случившемся, я даже подумал, что он мог и догадаться, но кажется, мои ответы его удовлетворили. Дело не облегчалось тем, что я должен был называть моего отца "дядя", а Эрика и Пола "кузен", поскольку отец хотел обмануть полицейского относительно моего происхождения на случай, если Диггс решит навести справки и обнаружит, что я не существую официально. Легенда была такая. Я - сирота, сын давно погибшего младшего брата отца и на острове провожу затянувшиеся каникулы, а вообще я перехожу от родственника к родственнику, пока решается моя дальнейшая судьба.

В любом случае, я пережил трудный период, и даже море помогло мне, придя сразу после взрыва и смыв все следы, которые я мог оставить, за час до того, как Диггс прибыл из деревни.

4

Когда я вернулся домой, там была миссис Клэмп, она разгружала огромную корзину на багажнике ее старого велосипеда, который был прислонен к кухонному столу. Миссис Клэмп заполняла наши шкафчики, холодильник и морозилку едой, которую она привезла из города.

- Доброе утро, миссис Клэмп, - вежливо сказал я, когда зашел на кухню. Старушка повернулась и посмотрела на меня. Миссис Клэмп очень старая и чрезвычайно маленькая. Она осмотрела меня с головы до ног и сказала:

- О, это ты? - и повернулась обратно к корзине на велосипеде, стала рыться в глубине обеими руками и вытащила на поверхность длинные пакеты, завернутые в газету. Она прошла, пошатываясь к морозилке, влезла на стульчик, развернула пакеты, откуда показались стопки замороженных котлет и положила их в морозилку, скрывшись внутри так, что она почти вся оказалась в морозильной камере. Меня ударила мысль о том, с какой легкостью... - я выбросил из головы глупую идею. Я сел за стол и стал смотреть, как работает миссис Клэмп.

- Как Ваше здоровье, миссис Клэмп? - спросил я.

- О, я чувствую себя хорошо, - сказала миссис Клэмп, трясая головой, и спустилась со стула. Взяла еще котлет и вернулась к морозилке. Я подумал, не обморозится ли она, я точно видел кристаллики льда, которые блестели на ее чуть заметных усиках.

- Однако как много всего Вы сегодня нам привезли, удивительно, как это Вы не упали по дороге.

- Ты никогда не увидишь как я упаду, - миссис Клэмп потрясла головой еще раз, подошла к раковине, потянулась вверх и вперед, стоя на цыпочках, открыла горячую воду, сполоснула руки, вытерла их о свой нейлоновый, в голубую клетку рабочий халат и взяла из корзины сыр.

- Не желаете ли чашечку чего-нибудь, миссис Клэмп?

- Я не хочу, - сказала миссис Клэмп, трясая головой внутри холодильника, чуть ниже отделения для заморозки льда.

- Ну, хорошо, - я смотрел, как она еще раз мыла руки, а когда она начала отделять латук от шпината, я вышел из кухни и поднялся в мою комнату.

5

У нас был обычный субботний ленч: рыба с картошкой, выращенной на нашем огороде. Миссис Клэмп сидела вместо меня напротив отца, за узкой стороной стола. Я сидел посередине широкой стороны стола, спиной к раковине, раскладывая рыбьи кости на тарелке в виде полных смысла узоров, а отец и миссис Клэмп обменивались формальными, почти ритуальными комплиментами. Я сделал человеческий скелетик из костей мертвой рыбы и размазал вокруг него немного кетчупа, чтобы скелет выглядел более правдиво.

- Еще чаю, мистер Колдхейм? - спросила миссис Клэмп.

- Спасибо, нет, миссис Клэмп, - ответил отец.

- Франциск? - спросила меня старушка.

- Спасибо, нет, - сказал я. Горошина сошла бы за зеленый череп для скелета. Я положил ее там. Отец и миссис Клэмп жужжали о том, о сем.

- Я слышала, констебль был здесь несколько дней тому назад, если Вы не возражаете, что я об этом говорю, сказала миссис Клэмп и вежливо покашляла.

- Да, это правда, - сказал отец и положил в рот так много еды, что не смог говорить минуту или больше. Миссис Клэмп кивнула своей пересоленной рыбе и отпила чай. Я замычал, и отец глянул на меня, его челюсти похожи на двух борцов.

На эту тему больше ничего сказано не было.

6

В субботний вечер я, как обычно, стоял в "Гербе", около стены в набитой, наполненной сигаретным дымом комнате, которая располагалась в отеле. В руке я держал пластиковый стакан объемом в пинту <Британская пинта = 0,568 литра>, упирался ногами в пол, а спиной в оклеенную обоями колонну. Джеми-карлик сидел на моих плечах, время от времени ставил на мою голову пинту темного пива и разговаривал со мной.

- Чем ты сейчас занимаешься, Франки?

- Ничем особенным. Я убил несколько кроликов пару дней назад, и Эрик звонит иногда, но вот, собственно, и все. А ты?

- Да так... Почему Эрик тебе звонил?

- Ты не знаешь? - сказал я, посмотрев вверх, на него. Джеми наклонился и посмотрел на меня. Перевернутые лица выглядят смешно. - А, он убежал.

- Убежал?

- Ш-ш. Если никто не знает, не нужно им говорить. Да, он выбрался. Он звонил домой пару раз и говорит, что идет сюда. Приходил Диггс и сказал нам в тот день, когда брат убежал.

- Боже. Они его ищут?

- Так сказал Энгус. Неужели ничего не было в новостях? Я думал, ты мог об этом услышать.

- Нет. Боже. Как ты думаешь, они расскажут городу, если его не поймают?

- Не знаю, - я бы мог передернуть плечами.

- А если он все еще поджигает собак? Черт. И черви, которыми он пытался накормить детей. Местные сойдут с ума, - я почувствовал, как он потряс головой.

- Думаю, они хотят, чтобы все было тихо. Вероятно, они надеются его скоро поймать.

- И его смогут поймать?

- Хо. Не знаю. Он может и чокнутый, но хитрый. Он бы не смог убежать оттуда, если бы не был хитрым и когда он говорит, он говорит логично. Логично, но как свихнувшийся.

- По тебе не видно, что ты волнуешься

- Я надеюсь, у него получится. Мне хотелось бы его увидеть. И я хотел бы знать, как он пройдет весь путь сюда, потому что... просто потому что, - я сделал глоток.

- Черт. Надеюсь, он не агрессивный.

- Это единственное, о чем я беспокоюсь. Мне кажется, он до сих пор не сильно любит собак. Но я думаю, с детьми ничего не случится.

- Как он передвигается? Он не сказал тебе, как он собирается сюда добраться? У него есть деньги?

- У него должна быть мелочь, чтобы звонить, но большей частью он ворует.

- Боже. Ну, по крайней мере, человек, сбежавший из психушки, не рискует потерять возможность досрочного освобождения.

- Ага, - сказал я.

Тут на сцену вышло четыре панка - группа из Инвернесса под названием "Блевотина". У певца была прическа "под индейца", на одежде было множество металлических молний, он был увешан цепочками. Он схватил микрофон, и пока остальные панки били по соответствующим инструментам, он закричал:

Моя девчонка кинула меня,
Я кончить не могу уже три дня.

Ты, ты, ты кинула, ты...

Я сильнее уперся плечами в колонну и тянул понемногу пиво из бокала, а Джеми колотил ногами мне по груди, и бьющая по ушам, воющая музыка гремела в пропитанной потом комнате. Будет весело, подумал я.

7

В начале антракта, когда один из барменов вынес на заплыванный пол перед сценой швабру и ведро с водой, я подошел к бару взять еще пива.

- Как обычно? - спросил Дункан, который был за стойкой. Джеми кивнул.

- Как дела, Франк? - спросил Дункан, подавая лагер и темное.

- О'кей. А твои? - сказал я.

- Сражаюсь, сражаюсь. Тебе еще нужны бутылки?

- Спасибо, не надо. Теперь у меня их достаточно для моего самодельного пива.

- Но мы с тобой еще увидимся в "Гербе"?

- О, да, - сказал я. Дункан поднял руку вверх и подал Джеми его пинту, а я взял мою, одновременно положив деньги.

- На здоровье, парни, - сказал Дункан, когда мы повернулись и пошли обратно к колонне.

8

Через несколько пинт "Блевотина" исполняла на бис свою первую песню, а Джеми и я танцевали, я прыгал вверх и вниз, Джеми кричал и хлопал в ладоши, и прыгал на моих плечах. Я не против танцев с девчонками, если это нужно Джеми, хотя однажды он хотел, чтобы мы оба вышли на улицу, тогда он бы смог целоваться с одной длинной. Мысль о ее грудях, прижатых к моему лицу, почти довела меня до рвоты, мне пришлось его разочаровать. В любом случае, большинство девчонок-панков не пахнут духами, только некоторые носят юбки, да и то кожаные. Нас с Джеми толкали, пару раз мы почти упали, но мы дотянули до конца вечера без травм. К сожалению, Джеми заговорил с какой-то женщиной, но я был слишком занят, пытаюсь глубоко дышать и держать противоположную стену неподвижной, чтобы беспокоиться о Джеми.

- Да, я собираюсь скоро купить мотоцикл. Два-пятьдесят, - говорил Джеми.

Я слушал в пол-уха. Он не собирался покупать мотоцикл, потому что он не достал бы до педалей, но я бы ничего не сказал, даже если бы мог, потому что никто и не ждет, что люди говорят правду женщинам, а кроме того, я же друг Джеми. Рассмотрев женщину, я подумал: ей около двадцати, она слегка грубовата и вокруг ее глаз столько слоев краски, сколько у Роллс-Ройса на дверях. Она курила ужасную французскую сигарету.

- У моей подруги есть мотоцикл - у Сью. "Судзуки" 185GT, раньше я е брат на ем ездил, а сейчас она сабираець на "Голд Винг".

Бармены переворачивали стулья и ставили их на столы, сметали с пола грязь, разбитые стаканы и вялые пакеты из-под чипсов, а я все еще не чувствовал себя в порядке. Чем больше я слушал девчонку, тем меньше она мне нравилась. У нее был ужасный акцент западного побережья, я не удивлюсь, если она из Глазго.

- Не, я бы не хотел иметь такой. Слишком тяжелый. Мне бы подошла пятисотая. Мне очень нравится "Мото Гуззи", но я не уверен в ручном управлении.

Боже, меня чуть не вывернуло на куртку девчонки, я бы мог наполнить ее карманы через сломанные и заржавевшие молнии и уронить Джеми, он бы пролетел через комнату и упал прямо в бочки с пивом под стеллажами с колонками, а эти двое обменивались абсурдными мотоциклетными фантазиями.

- Закурим? - спросила девчонка, сунув пачку мимо моего носа в сторону Джеми.

Я продолжал видеть светящийся след от голубой пачки даже после того, как она ее опустила. Джеми, должно быть, взял сигарету, хотя я знал, он не курит, и я увидел, как вверх поднялась зажималка, вспыхнувшая перед моими глазами дождем искр, похожих на фейерверк. Я почти почувствовал, как

зажглась задняя доля моего мозга. Я попытался сделать Джеми какое-нибудь остроумное замечание о задержке в его росте, но все провода в моем мозгу были забиты срочными сигналами от внутренностей. Я чувствовал ужасное бурчание в животе, но не мог двинуться с места. Я застрял у колонны как атлант, а Джеми продолжал разговаривать с девчонкой о звуке, который издает "Трайумф" и о поездках на бешеной скорости вокруг Лох - Ломонда, в которых она участвовала.

- Так ты здесь на отдыхе?

- Ага, я и мои друзья, у меня есть бойфренд, але ен сейчас на буровой.

- А... понятно.

Я продолжал глубоко дышать, пытаюсь прочистить мозги кислородом. Я не понимал, как Джеми с его ростом и весом с половину меня, сколько бы мы не выпили вместе, казалось, был ни в одном глазу. Он точно потиху не выливал свои пинты на пол, тогда я бы промок. Я понял, что девчонка наконец меня заметила. Она ткнула меня рукой в плечо, и постепенно до меня дошло, уже не в первый раз.

- Эй, - сказала она.

- Что? - я боролся, как мог.

- Ты в порядке?

- Ага, - я медленно кивнул, надеясь, что она отвяжется, потом посмотрел вверх и в сторону, как будто я только что нашел на потолке нечто интересное и важное. Джеми слегка ударил меня ногами:

- Что? - опять сказал я. - Нет. Ты готов? Хорошо, - я закинул руки за спину, чтобы найти колонну, нашел ее и толкнул себя вверх, надеясь, что мои ноги не поскользнуться на влажном полу.

- Может, ты меня лучше поставишь, Франки, - сказал Джеми, ударив меня сильнее.

Я опять посмотрел вверх и в сторону, будто бы на него и кивнул. Я соскальзывал спиной по колонне, пока почти сел на пол. Девчонка помогла Джеми спрыгнуть. Его рыжие волосы и ее белые вдруг показались мне неожиданно яркими в хорошо освещенной комнате. Дункан приближался к нам со щеткой и большой корзиной, высыпая в нее окурки из пепельниц и вытирая столы. Я попытался подняться, потом Джеми и девчонка взяли меня под руки и помогли встать. У меня начало трюиться в глазах, и я недоумевал, как такое может быть, если у меня два глаза. Я не был уверен, говорили ли они со мной или нет.

Я сказал да на случай, если говорили, и увидел, как меня вывели на свежий воздух через пожарный выход. Мне нужно было в туалет, и с каждым шагом, который я делал, содрогания моих внутренностей усиливались. Перед глазами у меня была ужасное изображение моего тела, почти целиком состоящего из двух отсеков одинакового размера: один из них полон мочи, другой - непереваренного пива, виски, чипсов, жареного арахиса, слюны, сопель, желчи и одного или двух кусков рыбы с картошкой. Некая нездоровая часть меня вдруг подумала о яичнице, лежащей на слое жира на тарелке рядом с жареным беконом, волнистым, с маленькими озерцами жира, наружный край тарелки покрыт застывшими комочками жира. Я поборол ужасный позыв к рвоте, поднимающийся из желудка. Я попытался думать о приятных вещах, а когда не вспомнил ни одной, попытался сосредоточиться на происходящем вокруг меня. Мы были около "Герба", шли по тротуару, прошли Банк, Джеми был с одной стороны и девчонка с другой. Ночь была облачная и прохладная, фонари желтые. Запах паба остался позади, и я попытался проветрить голову на свежем воздухе. Я знал, что спотыкаюсь, иногда я натякался на Джеми или девушку, но я почти ничего не смог с этим поделаться, я чувствовал себя как один из динозавров, настолько больших, что у них был почти самостоятельный мозг для контроля задних конечностей. Казалось, у меня был отдельный мозг для каждой конечности, но все они разорвали дипломатические отношения между собой. Я качался и шатался, положившись на удачу и двух людей рядом со мной. Честно говоря, я не слишком доверял ни одному из них: Джеми был слишком маленького роста, чтобы остановить меня, если бы я начал серьезно опрокидываться, а девчонка была девчонка. Вероятно, она слишком слабая, но даже если и нет, я ожидал, она допустит мое падение, поскольку женщины любят смотреть на беспомощных мужчин.

- Вы што, зауседы гэтак?

- Как? - сказал Джеми, по моему мнению, без нужной степени негодования в голосе.

- Ты у яго на плячах сидишь?

- Да нет, это просто чтобы лучше видеть группу.

- Ну, слава Богу. Я думала, вы и у туалет так ходице.

- Ага, мы заходим в кабинку, и Франк делает в унитаз, а я в сливной бачок.

- Жартуеш!

- Ага, сказал Джеми голосом, искаженным ухмылкой.

Я шел рядом с ними так ровно, как только мог, слушая их чепуху. Я слегка рассердился на Джеми, ведь он, пусть и в шутку, сказал обо мне в туалете, он же знает, насколько я чувствителен в этом вопросе. Только один или два раза он дразнил меня заманчиво звучащим предложением пойти в туалет в "Под Гербом Колджеймов" (или тому подобное заведение) и атаковать струей плавающие окурки.

Я признаю, я видел, как Джеми делает это, и я был под впечатлением. В "Гербе" отличное оборудование для этого вида спорта - большой канавообразный писсуар, тянущийся вдоль одной из стен и до половины другой с единственным сливным отверстием. По Джеми, цель игры состоит в том, чтобы пригнать намокший окуроч от точки, где он плавает в дырку, разбив его en route насколько удастся. Дополнительные очки за каждое из керамических отделений, мимо которых ты продвинешь окуроч, за проведение окурка в отверстие, за начало от дальнего конца писсуара, за степень разрушения окурка - понятно, разбить маленькое черное кольцо на створевшем конце очень трудно - и за количество окуроч, с которыми ты справился за вечер.

В сокращенной форме игра может происходить в обычных маленьких писсуарах, которые сейчас в моде, но Джеми никогда этого не пробовал, он настолько маленького роста, что если он попытается использовать один из таких писсуаров, ему придется стоять в метре от него.

В любом случае, игра делает отправление малой нужды значительно более интересным, но она не для меня, спасибо жестокой судьбе.

- Он твой брат?

- Нет, он - друг.

- Ен зауседы таки, как сейчас?

- Да, в субботу вечером.

Конечно, это была чудовищная ложь. Я редко напиваюсь до степени, когда не могу говорить или идти ровно. Я бы сказал об этом Джеми, если бы был способен говорить и не был бы так сосредоточен на представлении ног. Теперь я не был уверен, будто меня обязательно вырвет, но какая-то безответственная, склонная к разрушению часть моего мозга - вероятно, всего лишь несколько нейронов, но думаю, они есть в любом мозге и достаточно даже малочисленного хулиганского элемента, чтобы запятнать честное имя остальных - продолжала думать о яичнице и беконе на холодной тарелке, и каждый раз я почти... Потребовалось усилие воли для мыслей о холодных ветрах на вершинах холмов или узорах теней волн на волнистом песчаном дне - о том, о чем я всегда думал как о воплощении чистоты и свежести, что всегда отвлекало мой мозг от концентрации на содержимом моего желудка - потребовалось усилие воли для мыслей.

Но писать хотелось еще сильнее, чем раньше. Джеми и девчонка были в дюймах от меня, держали меня под руки, я часто на них наткался, но мое опьянение усиливалось - по мере того, как две быстро выпитые пинты и сопровождавшее их виски догнали мой кровоток - и я мог бы с тем же успехом быть на чужой планете, такова была вероятность понимания меня моими спутниками. Они шли по сторонам меня и разговаривали друг с другом, несли всякую чепуху, как будто она была важна, а я, у которого мозгов было больше, чем у них обоих вместе взятых, я, у которого было жизненно важное сообщение, не мог выдать из себя ни слова.

Должен был существовать способ. Я попытался встряхнуть мусор из мозгов и сделать несколько глубоких вдохов. Я пошел твердой походкой. Я тщательно подумал о словах, и о том, как они произносятся. Я проверил язык и горло. Я должен был собраться. Я должен был говорить. Я посмотрел вокруг, мы пересекали дорогу, к низкой стене была прибита табличка Юнион-стрит. Я повернулся к Джеми, а потом к девушке и ясно сказал:

- Я не знаю, придерживались ли вы, или до сих пор придерживаетесь мнения, - да, по крайней мере, вы двое, поскольку вы можете исключить вашего покорного слугу - мнения, которое однажды посетило и меня по поводу слова Юнион в наименовании улицы, которое несомненно ассоциируется с профессиональным союзом, объединяющим рабочий класс: в течение некоего, довольно значительного промежутка времени мне казалось, что это довольно социалистическая идея для отцов города - так назвать улицу; мне казалось, будто еще не все потеряно в смысле дальнейшей перспективы возможного мира или, по меньшей мере, прекращения классовой борьбы, если признание пользы профессиональных союзов смогло найти путь на столь почетную и важную табличку, но я должен признать, я был разочарован в данном ложно-оптимистическом мнении, когда отец - Боже, будь милосерден к его чувству юмора - однажды проинформировал меня: имеется в виду недавно подтвержденный союз английского и шотландского Парламентов, который местные отцы города, вместе с сотнями других городских советов того, что до этого объединения было независимым королевством - праздновали с такой помпой, безусловно, надеясь на всевозможные льготы.

Девчонка посмотрела на Джеми:

- Ен казау што-небудзь?

- Он просто откашлялся, - сказал Джеми.

- Я думала, ен казау штосци пра бананы.

- Бананы? - недоумевающе сказал Джеми, посмотрев на девчонку.

- Нет, - сказала она, посмотрев на меня и качая головой, - ты прав.

Вот и поговорили, подумал я. Очевидно, оба они в тяжелой степени алкогольного опьянения и не понимают правильный разговорный английский язык. Я тяжело вздохнул, посмотрел сначала на одного, потом на вторую, пока мы медленно шли по центральной улице мимо "Вулворса" и светофоров. Я посмотрел вперед и придумал план действий. Они перевели меня через следующий перекресток, причем я чуть не упал, пересекая бордюр. Вдруг я осознал уязвимость своего носа и передних зубов при столкновении с гранитом мостовой Портнейла на любой скорости больше доли метра в секунду.

- Я з сябрам ездилі по колеям, проложеным леснікамі по холмам дзесці на пяцідзесяці. Скальзілі як на раллі.

- М-м.

Боже мой, они все еще говорили о мотоциклах.

- Куды мы яго тащым?

- К моей маме. Если она не спит, она заварит нам чаю.

- Твая маці?

- Ага.

- А.

И тут я мысленно увидел выход как при вспышке молнии. Это было настолько очевидно, что я не мог понять, почему я не видел этого раньше. Я знал, времени терять нельзя и смысла колебаться не было - я бы скоро взорвался - поэтому я опустил голову и освободился от Джеми и от девчонки и побежал по улице. Я хотел убежать, как Эрик, найти приятное тихое место - пописать.

- Франк!

- О, ради Бога, як ты утаміу, куды ты?

Мостовая по-прежнему была у меня под ногами, а они двигались более или менее так, как должны были. Я слышал, как Джеми и девчонка бежали за мной и кричали, но я уже пробежал мимо старого магазина, памятника погибшим солдатам и продолжал набирать скорость. Мой раздутый мочевого пузырь бежать не помогал, но и не настолько мешал, как я боялся.

- Франк! Вернись! Франк, стой! Что с тобой! Франк, чокнутый ублюдок, ты себе шею свернешь!

- А, няхай сабе галаву сламаець!

- Нет! Он - мой друг! Франк!

Я свернул за угол на Бэнк-стрит, протоптал по ней, чуть не задев два фонарных столба, резко повернул налево на Адам Смит Стрит и подбежал к гаражу Макгарви. Скользнул во двор и забежал за бензоколонку, хватая воздух ртом, икая и чувствуя, как в голове колотит молотком. Я сбросил штаны и сел на корточки, прислонился к колонке с авиационным бензином, тяжело дыша, а лужа дымящейся мочи собиралась на грубом, как кора, цементе. Застучали шаги,

и справа от меня появилась тень. Я обернулся и увидел Джеми.

- Ка-ка-ка... - выдохнул он, положив руку на другую колонку, чтобы уравновесить себя, слегка согнулся и посмотрел на свои ноги, вторая рука на колене, он тяжело дышал - Ты-ты-ты...ты здесь...Фу... - он сел на основание колонки и уставился на темное стекло окон конторы. Я тоже сел, обмякнув около колонки, и отпустил последние капли. Я откинулся назад и тяжело сел, потом поднялся и натянул штаны.

- Зачем ты это сделал? - спросил Джеми, по-прежнему тяжело дыша. Я махнул рукой, пытаясь застегнуть ремень. Я опять начинал чувствовать приступы тошноты, когда вдохнул клубы запаха паба, поднимающиеся от моей одежды.

- Изв... - я начал говорить "извини", но слово перешло в рвоту. Антиобщественная часть моего мозга вдруг подумала о покрытой жиром яичнице с беконом, и из желудка брызнул гейзер. Я сложился пополам, рыгая, мои внутренности сжимались внутри, непроизвольно, как женщина должна чувствовать толкающегося внутри себя ребенка. Мое горло наполнилось со сверхзвуковой скоростью. Джеми поймал меня, я почти упал. Я стоял как полуоткрытый перочинный нож, шумно плюхая на бетон. Джеми засунул одну руку за ремень моих штанов, чтобы я не упал лицом вперед, а другую руку положил мне на лоб, тихо говоря что-то утешительное. Меня тошнило, желудок начинал сильно болеть, глаза наполнились слезами, из носа текло, и голова была как спелый помидор, готовый лопнуть. Я пытался вдохнуть между позывами, втягивая горлом куски рвоты и кашляя и сплевывая одновременно. Я услышал, как я издал ужасный звук, похожий на звук Эрика, бесящегося в телефонной будке, и надеялся, что никто не проходил мимо и не видел меня в такой унижительной позе. Я остановился, почувствовал себя лучше, начал опять, почувствовал себя в десять раз хуже. Я согнулся, Джеми помог мне отойти в сторону, я стал на четвереньки на относительно чистый бетон, где масляные пятна выглядели старыми. Я кашлял, плюхал, несколько раз подавился, потом упал на руки Джеми, поднимая ноги к подбородку, чтобы облегчить боль в мускулах желудка.

- Теперь тебе лучше? - спросил Джеми. Я кивнул, качнулся вперед, чтобы опираться попой и ступнями в землю, голова между коленями. Джеми похлопал меня.

- Минутку, Франки, - он отошел на несколько секунд, вернулся и принес грубые бумажные салфетки из автомата, вытер мой рот одной салфеткой, а остаток лица другой. Он даже взял и бросил их в мусорный ящик.

Хотя я по-прежнему ощущал себя пьяным, желудок болел, в горле как будто подрались два ежа, я все-таки чувствовал себя гораздо лучше.

- Спасибо, - смог сказать я и попытался встать. Джеми помог мне.

- Боже, до чего ты себя довел, Франк.

- Ага, - сказал я, вытирая глаза рукавом, и оглянулся посмотреть, что мы одни. Я похлопал Джеми по плечу, и мы пошли на улицу.

Мы шли по пустынной улице, я тяжело дышал, а Джеми поддерживал меня под локоть. Очевидно, девушка ушла, но я об этом не жалел.

- Почему ты убежал?

- Нужно было, - я тряхнул головой.

- Что? - засмеялся Джеми. - Почему ты сразу не сказал?

- Не мог.

- Из-за девчонки?

- Нет, сказал я и закашлялся. - Не мог говорить. Слишком пьяный.

- Что? - засмеялся Джеми.

- Я кивнул. Он снова засмеялся и потряс головой. Мы продолжали идти.

Мать Джеми еще не спала, и она заварила для нас чай. Она - большая женщина, всегда, когда я вижу ее по вечерам после паба, в зеленом халате, мы - ее сын и я - в конце концов оказываемся в ее доме. Она не слишком неприятная, даже если и делает вид, что я нравлюсь ей больше, чем это есть на самом деле.

- Ох, парень, ты не в лучшей форме. Садись, я налью тебе чаю. Ах, ты ятнечок, - я был посажен в кресло в гостиной муниципального дома, пока Джеми вешал наши куртки. Я слышал, как он прыгал в холле.

- Спасибо, - прохрипел я сухим горлом.

- Держи, малек. Хочешь, я включу для тебя обогреватель? Тебе холодно?

Я покачал головой, а она улыбнулась и кивнула, и похлопала меня по

плечу, и пошлепала на кухню. Вошел Джеми и сел на диван рядом с моим креслом. Джеми посмотрел на меня, улыбнулся и покачал головой.

- На кого ты похож, на кого ты похож, - он хлопнул в ладоши и качнулся вперед на диване, его ноги торчали горизонтально. Я закатил глаза и посмотрел в сторону.

- Не обращай внимания, не обращай внимания. Пара чашек чаю, и ты будешь в порядке.

- Хо, - выдавил я и задрожал.

9

Я ушел оттуда около часа ночи, трезвый и налитый чаем. Желудок и горло мои были почти в норме, хотя голос звучал сипло. Я пожелал Джеми и его маме спокойной ночи и пошел пригородом до дороги, ведущей на остров, потом по дороге в темноте, иногда используя фонарик, к мосту и дому.

Это была спокойная прогулка через болото, дюны и кочковатое пастбище. Кроме звуков своего движения, я слышал только отдаленный шум тяжелых грузовиков на дороге, идущей через город. Облака закрывали большую часть неба, от луны было мало света, дорога впереди меня была совсем темной.

Я вспомнил как однажды, два года назад, в середине лета, когда я также шел по дороге поздним вечером после целого дня похода по холмам за городом, я увидел в сумерках странный. Свет переливался в небе над и далеко за островом. Он ходил волнами и двигался как волшебное полотнище, сверкая и переливаясь, горя как что-то тяжелое и твердое, так ничто не могло вести себя в воздухе. Я стоял и смотрел на небо, навел бинокль и увидел, как время от времени вокруг движущихся волн света появлялись и исчезали некие структуры. Мой мозг лихорадочно пытался найти объяснение увиденному. Я быстро огляделся вокруг, а потом вернулся к далеким, молчащим башням мерцающего пламени. Они висели в воздухе как лица огня, смотрящие вниз, на остров, как что-то ждущее.

Потом ко мне пришел ответ и я понял.

Это был мираж, отражение моря в воздухе. Я наблюдал пламя газовых факелов на буровых, которые могли быть в сотнях километров отсюда, в Северном море. Посмотрев опять на смутные структуры, окружавшие пламя, я подумал, что они и вправду были похожи на неясно проявившиеся в блеске факелов буровые. Я пошел дальше, счастливый, счастливей, чем я был до того, как увидел странные огни - и подумал, что кто-нибудь одновременно менее последовательный и с меньшим воображением решил бы, что видел НЛО.

10

Наконец я добрался до дома. В доме было темно. Я стоял и всматривался в темноту, ощущая дом в слабом свете убывающей луны, и подумал: он выглядит даже больше, чем при свете, он как каменная голова гиганта, громадный, чуть обозначенный луной череп, полный теней и воспоминаний, уставившийся на море, прикрепленный к большому сильному телу, которое погребено в камнях и песке, которое готово освободиться и вылезти из земли по какой-то неведомой команде или знаку.

Дом смотрел на море, на ночь, и я пошел внутрь.

5: Букет цветов

1

Я убил маленькую Эсмерельду. Потому что я должен был сделать это для себя и для мира в целом. На моем счету было двое детей мужского пола, получилось что-то вроде статистического предпочтения. Я рассудил так: если у меня действительно хочу жить в соответствии с собственными убеждениями, я должен хоть немного поправить баланс. Моя кухня была самой легкой и очевидной целью.

И снова я не питал к ней злых чувств. Дети - не настоящие люди, то есть они не маленькие мужчины и женщины, а отдельный вид, который (вероятно) вырастет в тех и других в положенное время. Дети, особенно маленькие дети,

до того как ядовитое влияние общества и их родителей по-настоящему до них доберется, бесполо, открыты и потому нравятся всем. Мне нравилась Эсмерельда (даже если я считал, что ее имя слегка пошлово) и я много играл с ней, когда она приезжала в гости. Она была дочерью Хамсворса и Мораг Стоув, моих сводных дяди и тети со стороны первой жены моего отца, это они смотрели за Эриком два года – с трех до пяти лет. Иногда они приезжали летом из Белфаста, отец дружил с Хамсворсом, а поскольку я играл с Эсмерельдой, тетя и дядя могли спокойно отдохнуть. Я думаю, миссис Стоув немного волновалась и не хотела доверять мне Эсмерельду именно в то лето, это было через год после того, как я стубил Пола в цвете его младых лет, но в свои девять лет я был несомненно счастливым и хорошо приспособленным к жизни, ответственным, красноречивым, и когда об этом зашел разговор, я выразил искреннюю печаль по поводу смерти младшего брата. Я убежден, что только моя кристально чистая совесть позволила убедить взрослых в моей полной невинности. Я даже провернул двойной блеф и выглядел слегка виноватым по не правильной причине, взрослые даже сказали мне, что я не должен себя винить из-за неспособности вовремя предупредить Пола. Я был великолепен. Я решил попытаться убить Эсмерельду еще до приезда Стоувов на отдых. Эрик был на школьной экскурсии, поэтому мы с Эсмерельдой должны были быть только вдвоем. Было рискованно попытаться сделать это сразу после смерти Пола, но я должен был восстановить равновесие. Я чувствовал это внутренностями, костями, я был должен. Это было как чесотка, я не мог сопротивляться, вроде того, как я иду по мостовой в Портнейле и случайно задеваю каблук камень. Я должен ударить и другой каблук с силой, как можно более близкой к первоначальной, чтобы опять почувствовать себя нормально. Или если я задену одной рукой стену либо столб, я должен вскоре задеть что-то и другой рукой, или, по меньшей мере, царапнуть ее другой рукой. Так я пытаюсь поддерживать равновесие, хотя и не знаю зачем. Это просто нечто, что должно быть сделано, и так же я должен был избавиться от любой женщины, должен был толкнуть весы обратно.

В тот год я занялся конструированием воздушных змеев. Кажется, это был 1973. Я делал их из всего, что под руку попадалось: консервных банок и заклепок, и металлических вешалок для одежды, и пластиковой ткани для простыней, и струн, и нейлоновой веревки, и пеньковой веревки, и всяческих завязок, и кусочков ткани, и эластичных бинтов, и кусков проволоки, и булавок, и болтиков, и гвоздиков, и деталей, оторванных от моделей яхт и игрушек. Я сделал ручную лебедку с двойной рукояткой, тормозом и барабаном, на котором можно было намотать полкилометра шнура. Я делал разные типы хвостов для змеев, конструкция которых предусматривала хвост, всего я построил дюжины больших и маленьких змеев. Я хранил их в сарае и когда коллекция стала слишком большой, вынужден был поставить велосипеды снаружи, закрыв их брезентом.

Тем летом я много раз брал Эсмерельду с собой запускать змеев. Я разрешил ей играть с маленькими, на одной нитке, воздушным змеем, а я запускал огромный. Я посылал его над и под змеем Эсмерельды, заставлял его нырять до земли, и когда я стоял на скале, я направлял его так, что он касался высоких башен из песка, которые я построил, а потом я опять тянул змей вверх, и за ним тянулся песчаный шлейф от падающих башен. Хотя это потребовало времени, и пару раз я потерпел змеекатастрофу, однажды я сломал с помощью змея дамбу. Я проводил его так, что каждый раз он задевал верхнюю часть дамбы, постепенно выщербил кусок в песчаном барьере, откуда хлынула вода, которая быстро расправилась со всей дамбой и песчаной деревней внизу.

Как-то раз я стоял на верхушке дюны, борясь с тягой ветра в змее, вцепившись, и притягивая, и направляя, и поворачивая, и тут шнур обвился вокруг шеи Эсмерельды, и у меня появилась мысль. Используй воздушный змей.

Я обдумал все спокойно, стоя так, как будто ничего, кроме постоянно расчета движений змея не занимало меня, и решил, что озарение было разумным. Когда я подумал об этом, намерение приняло форму, расцвело и развернулось в то, что в финале и стало Немезидой моей кухни. Помнится, тогда я ухмыльнулся и опустил свой змей, быстро и резко провел его над травой и водой, песком и заливом, лавируя поперек ветра. Змей дернулся, налетел и ударил девочку, сидевшую на верхушке дюны и спазматически дергавшую струну, соединенную с небом, которую Эсмерельда держала в руке. Эсмерельда обернулась, улыбнулась и вскрикнула. Я тоже засмеялся, одинаково хорошо

контролируя вещь в небесах и мысль внутри меня.

Я построил большой воздушный змей.

Он был такой большой, что не поместился в сарае. Я сделал его из алюминиевых колешков от старых палаток, часть из них я давно нашел на чердаке, а часть на городской помойке. Сначала в качестве ткани я использовал черные пластиковые мешки, но позже заменил их тканью от палатки с чердака.

В качестве поводка я использовал толстую оранжевую рыболовную леску, намотал ее на специальный барабан катушки, которую укрепил и оснастил тормозом. Хвост змея был из сложенных гармошкой журнальных страниц журнала "Оружие и амуниция", который я регулярно покупал в то время. На ткани я нарисовал красной краской голову собаки, тогда я еще не знал, что я не Пес. Отец сказал мне, что я родился под знаком Пса, поскольку Сириус был в зените. Ладно, это был просто символ.

Однажды утром я очень рано вышел из дома: солнце только-только поднялось над горизонтом, остальные еще не проснулись. Я сходил в сарай, взял змея, прошел вдоль дюн, приготовил змея к запуску, забил в землю колешек от палатки, привязал к нему нейлоновую нить, потом запустил змея на коротком поводке. Я потел и удерживал его с трудом, даже при относительно легком ветре, мои руки нагрелись, хотя я надел толстые рабочие перчатки. Я решил, что змей срывается, и опустил его на землю.

В тот же день, при том же, душем в Северное море, но усилившемся ветре Эсмерельда и я как обычно пошли гулять, остановившись сначала у сарая, чтобы взять разобранный воздушный змей. Эсмерельда помогла отнести его далеко в дюны, преданно прижав к плоской груди катушку с леской, щелкая переключателем на барабане. Наконец мы дошли до места, которое нельзя было увидеть из окон дома. На вершине высокой дюны, смотрящей в сторону далекой Норвегии или Дании, трава была похожа на волосы, сдутые со лба и указующие в море.

Пока я с подобающей случаю траурной медлительностью собирал змей, Эсмерельда искала цветы. Помнится, она разговаривала с цветами, как бы пытаясь уговорить их показаться, позволить себя найти, быть сорванными и собранными в букет. Ветер развеивал ее белые волосы перед лицом, когда она шла, приседала, ползла и говорила, а я работал.

Наконец змей был закончен, полностью собран и лежал как упавшая палатка на траве - зеленая на зеленом. Ветер пролетал над ним и хлопал тканью, раздавался звук маленькой плетки, которая шевелила змея, делала его почти живым: собачья морда рычала. Я разобрал оранжевые нейлоновые нити, распутал витки и узлы.

Я позвал Эсмерельду. Она сжимала в кулачке цветочки и заставила меня терпеливо ждать, пока она назвала их все, придумывая им имена, если она забыла или не знала настоящие. Я взял маргаритку, которую она мне грациозно подала, и вставил ее в петлицу левого нагрудного кармана моего жакета. Я сказал ей, что я сделал новый воздушный змей, и она может помочь испытать его. Эсмерельда обрадовалась и хотела держать катушку. Я сказал, у нее будет возможность, но я буду полностью ее контролировать. Она хотела держать и цветы, а я ей сказал, это возможно. Эсмерельда охала и ахала из-за размеров змея и злой собачки, нарисованной на нем. Я сделал петли из лески и накиннул на ее запястья, сказав, что так она не потеряет змей. Эсмерельда прыгала от восторга и сказала, чтобы я поторопился и заставил змея полететь. Я в последний раз осмотрелся, а потом лишь немного толкнул передний край змея, как он поднялся в воздух. Я забежал за спину Эсмерельды, провисшая нейлоновая нить между нею и змеем постепенно натягивалась.

Змей взвился в воздух как что-то дикое, виляя хвостом со звуком разрываемого картона. Он мотался и трещал в воздухе. Он вилял и напрягал свои полые кости.

Я подошел к Эсмерельде вплотную и держал струны сразу за ее маленьким веснушчатými локтями, ожидая рывка. Поводки натянулись. Мне пришлось зарыться каблуками в землю, чтобы устоять. Я натолкнулся на Эсмерельду, и она взвизгнула. Когда первый резкий рывок натянул нейлон, она выпустила нити и стояла, то оглядываясь на меня, то смотря в небо, а я боролся за контроль над силой над нами. Эсмерельда вцепилась в цветы, мои рывки двигали ее руками как марионеткой, управляемой нитями поводков. Катушка упиралась мне в

грудь, нити слегка провисали между ней и руками. Эсмерельда в последний раз посмотрела на меня, хихикая, и я засмеялся в ответ. Потом я отпустил поводки.

Катушка ударила девочку по пояснице, она вскрикнула. Потом она была сбита с ног, нити дернули, петли затянулись на запястьях. Я пошатнулся назад, отчасти чтобы все выглядело естественно в маловероятном случае, если кто-то за нами наблюдал, а отчасти из-за катушки, отпустив которую, я потерял равновесие. Я упал на землю, которую Эсмерельда уже покинула навсегда. Змей продолжал щелкать и хлопать, хлопать и щелкать, он поднял девочку в воздух вместе с катушкой. Секунду я лежал на спине и наблюдал за змеем, потом поднялся и побежал за ним изо всех сил, опять же поскольку знал - поймать Эсмерельду я не смогу. Она кричала и болтала ногами, но жестокие нейлоновые петли держали ее за запястья, змей был зажат в пасти ветра, и она уже была вне досягаемости, даже если бы я и хотел ее поймать.

Я бежал и бежал, прыгал с дюн и скатывался с их пологих, обращенных к морю склонов, видя дергающуюся фигурку, уносимую дальше и дальше воздушным змеем. Я едва слышал ее визг и крики, тонкий вой разносился ветром. Она плыла над песком и камнями в сторону моря, я бежал вниз, радостный, заметил катушку под ее ногами. Платье колыхалось вокруг нее.

Она поднималась выше и выше, я продолжал бежать, ветер и змей опережали меня. Я бежал через покрытые рябью лужи у края моря, забежал по колено в морскую воду. Тогда нечто, сначала казавшееся твердым, а потом разделившееся и растворившееся в воздухе отделилось от нее. В первый момент я подумал, что она описалась, но тут впереди меня с неба упали цветы и ударились о воду, как странный дождь. Я дошел до них по мелководью, собрал те, которые смог и посмотрел вверх - Эсмерельда и змей направлялись в Северное море. Я еще подумал, она может перелететь до того, как утихнет ветер, через чертово море и приземлиться, но рассудил: даже в таком случае я сделал все возможное, честь удовлетворена.

Я смотрел, как она становилась меньше и меньше, потом повернулся и пошел к берегу.

2

Три смерти в течение четырех лет в моей непосредственной близости должны были выглядеть подозрительно, и я заранее тщательно спланировал свою реакцию. Я не пошел домой, а вернулся в дюны и сел там, сжимая цветы. Я пел самому себе песню, рассказывал истории, проголодался, покачался немного в песке, втер в глаза немного песка и в целом постарался довести себя до ужасного вида. В начале вечера я по-прежнему сидел там, уставившись в море, когда молодой рабочий из лесничества нашел меня.

Он был членом поисковой партии, организованной Диггсом после того, как отец и родственники потеряли и не смогли нас найти, и позвонили в полицию. Парень перевалил через дюны, насвистывая и небрежно ударяя палкой по комкам хвоща и травы.

Я не обратил на него внимания. Я продолжал смотреть на море, дрожать и сжимать цветы. Отец и Диггс пришли после того, как рабочий передал вести обо мне по цепочке людей, прочесывающих дюны, но я не обратил внимания и на этих двоих. Наконец вокруг меня собрались дюжины людей, они осматривали на меня, спрашивали меня о чем-то, чесали головы, смотрели на часы, оглядывали окрестности. Я их не замечал. Они восстановили цепочку и начали искать Эсмерельду, а меня отнесли в дом. Они предложили мне суп, которого мне очень хотелось, но я его проигнорировал, задали еще вопросы, на которые я ответил кататоническим молчанием и неподвижным взглядом. Мои дядя и тетя трясли меня, их лица были красные, а глаза влажные, но я их не замечал. Наконец отец отнес меня в мою комнату, раздел и уложил в постель.

В моей комнате всю ночь дежурили, и был ли это отец, Диггс или кто-нибудь еще, я не давал уснуть ни себе, ни им в течение всей ночи. Я лежал тихо, притворяясь спящим, потом кричал изо всех сил, падал с кровати, бился на полу. Каждый раз меня поднимали, укачивали на руках и клали обратно. Каждый раз я делала вид, словно уснул, а через несколько минут имитировал припадок. Если кто-то из них разговаривал со мной, я лежал и трясся на кровати, уставившись на них, безмолвный и глухой.

И так продолжал до рассвета, когда поисковая партия вернулась без Эсмерельды, тогда я позволил себе уснуть.

3

Я поправлялся неделю, и эта неделя была одной из лучших в моей жизни. Эрик вернулся из своей школьной экскурсии и после того, как он приехал, я начал немного говорить: сначала нонсенс, потом разрозненные намеки на случившееся, за ними сразу следовали крики и кататония.

Где-то в середине недели, после того как Диггс отменил распоряжение моего отца не разрешающее никому, кроме него, меня осматривать, доктору Макленнону разрешили поговорить со мной. Но и тогда отец остался в комнате, насупившийся и подозрительный, контролируя степень осмотра. Я был рад, что доктору не разрешили меня раздеть, и ответил большей вменяемостью.

К концу недели у меня еще случались фальшивые кошмары, внезапно я затихал и начинал дрожать, но ел я более или менее нормально и отвечал на большинство вопросов. Рассказ об Эсмерельде и случившемся с ней все еще доводил меня до мини-припадков, криков и полного ухода в себя, но в долгом спокойном разговоре отец и Диггс узнали придуманную мной версию: большой воздушный змей, Эсмерельда начала запутываться в поводках, я попытался помочь ей и катушка выпала у меня из рук, отчаянный бег, потом ничего не помню.

Я рассказал им о страхе, что меня преследует злой рок, из-за которого я несу смерть и разрушение всем, окружающим меня и еще я боялся попасть в тюрьму, ведь люди подумают, что я убил Эсмерельду, я плакал и обнимал моего отца и даже обнял Диггса, понюхав темно-голубую ткань его мундира, и почти почувствовал, как он смягчился и поверил мне. Я попросил его пойти в сарай, взять все мои змеи и сжечь их. Он сделал это в долинке, сейчас она зовется Долина Кремации Змеев. Мне было жалко змеев, и я знал, что мне придется прекратить их запускать для реалистичности пьесы, но оно того стоило. Эсмерельду никогда не нашли, я был последним, кто ее видел, если верить ответам на запросы Диггса на буровые платформы, траулеры и тому подобное.

4

Так я размочил счет и получил прекрасную, хотя и изматывающую неделю веселого спектакля. Цветы, которые я все еще сжимал, когда они принесли меня домой, у меня отобрали и оставили в пластиковом пакете на холодильнике. Я их там нашел через две недели, они были увядшие и мертвые, забытые и ненужные. Однажды ночью я отнес их на чердак и сохранил до сих пор, маленькие коричневые завитки высохших растений, похожие на кусочки старой магнитофонной ленты, они стоят в стеклянной бутылке. Иногда я думаю о том, где завершила свой полет моя кузина: на дне моря или выброшенная на какой-нибудь каменистый берег, или она разбилась о скалу и была съедена чайками и орлами...

Мне нравится думать, будто она умерла, несомая гигантским змеем, облетая вокруг земли, она поднималась выше и выше, умерла от голода и обезвоживания, стала легче, и в конце концов превратилась в скелетик, оседлавшим воздушные потоки планеты, в кого-то вроде Летучей Голландки. Но я сомневаюсь в возможности воплощения этой романтической картины в реальности.

5

Я провел большую часть воскресенья в постели. После оргии прошлой ночи я хотел покоя, много жидкости, мало еды и навсегда завязать с алкоголем, но так как последнее нереально, я решил не напиваться до такой степени. Когда я не спустился завтракать, пришел отец и стал громко стучать в дверь моей комнаты.

- Должен ли я спросить, что с тобой случилось?

- Ничего, - проскрипел я в сторону двери.

- Отлично, - саркастически сказал отец. - И сколько ты был вынужден выпить вчера?

- Мало.

- Х-х-х, - сказал он.

- Я скоро спущусь, - сказал я и стал качаться по кровати, как будто я вставал из постели.

- Это ты вчера звонил?

- Что? - спросил я у двери, перестав двигаться.

- Да или нет? Я думал, это был ты, ты пытался изменить голос. Зачем ты звонил в такое время?

- Ах, я не помню, как звонил, пап, правда, - осторожно сказал я.

- Х-х-х. Мальчик, ты дурак, - сказал он и застучал по лестнице вниз.

Я лежал и думал. Я был уверен, я не звонил домой прошлой ночью. Я был в пабе вместе с Джеми, потом с Джеми и девушкой, потом с Джеми и его мамой, домой я шел почти трезвый. Провалов в памяти не было. Я предположил - это звонил Эрик. Отец, должно быть, говорил с ним недолго или он бы узнал голос своего сына. Я лег обратно в постель, надеясь, что Эрик был на свободе и двигался в нашем направлении, а также, что моя голова и кишки прекратят мне напоминать о том, как плохо они себя чувствуют.

6

- Посмотри на себя, - сказал отец, когда я наконец спустился в халате смотреть по телевизору старый фильм. - Надеюсь, ты гордишься собой. Надеюсь, ты думаешь, будто подобные ощущения делают тебя мужчиной, - отец почмокал губами и покачал головой, потом вернулся к чтению "Сайнтифик Америкэн". Я осторожно сел на один из больших стульев, стоявших в холле.

- Я и вправду немного выпил, папа, признаю. Если тебя это огорчает, я извиняюсь, но я тебя заверяю - я страдаю от последствий.

- Ну, надеюсь, ты получил урок. Представляешь ли ты, сколько нервных клеток ты, вероятно, убил вчера?

- Несколько тысяч, - сказал я после короткой паузы для подсчета. Отец энергично кивнул:

- По скромной оценке.

- Ну, я постараюсь больше такого не делать.

- Х-х-х.

- Брррап! - громко сказал мой анус, удивив даже меня и отца. Он положил журнал и уставился в пространство над моей головой, мудро улыбаясь, а я кашлянул и хлопнул полой халата, сделав вид, что ничего не случилось. Я увидел, как ноздри моего отца двинулись и задрожали.

- Лагер и виски, а? - сказал он, кивая, и снова взял журнал.

- Я покраснел и заскрипел зубами, радуясь, что он спрятался за глянцевыми страницами. Как он это делает?

- Ох. Между прочим, - сказал я. - Надеюсь, ты не возражаешь, но я сказал Джеми о побеге Эрика. Отец взглянул на меня поверх журнала, покачал головой и продолжил чтение.

- Идиот, - сказал он.

7

Вечером, после того, как я скорее перекусил, чем поел, я поднялся на чердак и посмотрел в телескоп на остров, убедился в его целостности и сохранности во время моего отдыха. Все выглядело спокойно. Я слегка прогулялся по прохладе вдоль пляжа на южный конец острова и обратно, позже я сидел дома и смотрел телевизор; начался дождь, принесенный ветром, он шелестел за окном.

8

Я уже лег спать, когда зазвонил телефон. Я еще не совсем заснул, когда он зазвонил, поэтому я быстро вскочил и побежал вниз, чтобы опередить моего отца. Я не знал, лег ли он уже или нет.

- Да? - сказал я, запыхавшись, заталкивая рубашку от пижамы в штаны. Гудки, потом голос на другом конце провода вздохнул:

- Нет.

- Что? - нахмурившись, сказал я.

- Нет, - сказал голос.
- А? - сказал я. Я даже не был уверен, Эрик ли это был.
- Ты сказал да, я сказал нет.
- Что бы ты хотел услышать?
- Портнейл, 531.
- О'кей. Портнейл, 531. Алло?
- О'кей. Пока, - в трубке засмеялись, и зазвучал отбой. Я осуждающе посмотрел на трубку и положил ее. Я заколебался. Телефон опять зазвонил. Я схватил трубку на середине первого звонка.
- Да... - начал я - гудок - я подождал, пока он не закончился и сказал.
- Портнейл, 531.
- Портнейл, 531, - сказал Эрик. То есть я думал, это был Эрик.
- Да, - сказал я
- Да что?
- Да, это Портнейл, 531.
- Но я думал, это Портнейл, 531.
- Это здесь. Кто это? Это ты...?
- Это я. Это Портнейл, 531?
- Да! - закричал я.
- И кто у телефона?
- Франк Колджейм, - сказал я, стараясь быть спокойным. - Кто это?
- Франк Колджейм, - сказал Эрик. Я посмотрел вверх и вниз по лестнице, но моего отца не увидел.
- Привет, Эрик, - сказал я, улыбаясь. Я решил, что бы не случилось, сегодня я его не рассержу. Я лучше положу трубку, чем скажу что-то не правильное. И мой брат разнесет вдребезги еще одну телефонную будку, собственность Почты.
- Я только что сказал тебе - меня зовут Франк. Почему ты зовешь меня Эрик?
- О, не прикидывайся, Эрик, я узнал твой голос.
- Я - Франк. Прекрати меня называть Эриком.
- О'кей. О'кей. Я буду называть тебя Франк.
- А ты кто?
- Я подумал.
- Эрик? - нерешительно спросил я.
- Ты же только что сказал тебе зовут Франк.
- Ну, - вздохнул я, опершись о стену одной рукой и гадая о том, что бы сказать. - Это было... Это была шутка. О, Боже, я не знаю, - я состроил рожу трубке и ждал, пока Эрик что-нибудь скажет.
- Ладно, Эрик, - сказал Эрик. - Какие у тебя новости?
- Ох, ничего особенного. Вчера вечером я ходил в паб. Ты звонил вчера?
- Я? Нет.
- Ох. Отец сказал, кто-то звонил. Я подумал, это мог быть ты.
- Почему я должен был звонить?
- Ну, я не знаю, - я пожал плечами, - по той же причине, по которой ты звонишь сегодня. По какой угодно.
- Ну, а как ты думаешь, почему я звоню сегодня?
- Не знаю.
- Господи Иисусе, ты не знаешь, почему я звоню, ты не уверен в собственном имени и мое имя назвал не правильно. Ты не много знаешь, правда?
- О, Боже, - сказал я больше для себя, чем для Эрика. Я чувствовал, как диалог двигался в не правильном направлении.
- Ты не собираешься спросить, как у меня дела?
- Да, да, - сказал я. - Как у тебя дела?
- Ужасно. А ты как?
- О'кей. Почему ужасно?
- Тебе все равно.
- Нет, мне не все равно. Что случилось?
- Ничего интересного для тебя. Спроси о чем-нибудь другом, например, о погоде, о молодежной моде или где я сейчас. Я знаю, тебе все равно, как я себя чувствую.
- Нет, мне не все равно. Ты - мой брат. Мне не может быть все равно, - запротестовал я. В ту же секунду я услышал, как открылась дверь кухни,

- Слишком поздно. Он укусил меня, дерьмо. Но я его поймаю. Ублюдок, - зазвучали гудки. Я услышал, как он бросил еще монету. - Думаю, ты счастлив.

- Счастлив, почему?

- Счастлив из-за побега чертовой собаки, задница.

- Что? Я? - запнулся я.

- И не пытайся сказать, будто жалеешь, что она убежала.

- Ах...

- Ты нарочно это сделал! - закричал Эрик. - Ты нарочно это сделал! Ты хотел, чтобы он сбежал! Ты не хотел, чтобы я с кем-нибудь играл! Ты хочешь, чтобы собака была счастлива сама с собой, а не со мной! Ты дерьмо! Ты ублюдок!

- Ха-ха, неуверенно засмеялся я. - Спасибо за звонок э...Франк. Пока, - я бросил трубку и секунду постоял, поздравляя себя с тем, как хорошо я вывернулся, если учесть все обстоятельства.

Я вытер лоб, который немного вспотел и посмотрел вверх в последний раз, теней на стене не было. Я покачал головой и взбежал по лестнице. Дошел до верхней ступеньки, и тут снова зазвонил телефон. Я замер. Если я отвечу...Но если я не отвечу, тогда отец...

Я сбежал вниз, поднял трубку, услышал звук опускаемых монет, потом: "Ублюдок!", несколько оглушительных ударов пластика о металл и стекло. Я закрыл глаза и слушал гром ударов, пока один особенно громкий не закончился низким гудением, которое обычно не издают телефоны. Я опять положил трубку, повернулся, посмотрел вверх и устало пошел в свою комнату.

9

Я лежу в кровати. Скоро мне придется разобраться с проблемой. Это единственный выход. Я должен повлиять на него, используя первопричину - самого Старого Сола. Требуется сильнодействующее средство, а иначе Эрик в одиночку разрушит Шотландскую Телефонную Сеть и расправится с собаками всей страны. Но для начала мне придется проконсультироваться с Фабрикой.

Это не моя вина, но я завяз по уши и я способен что-то предпринять, используя череп старой собаки, помощь Фабрики и удачу. Насколько мой брат будет восприимчив к любым флюидам, которые я пошлю, был вопрос, о котором я предпочитал не думать, если учесть состояние его мозгов, но я должен был действовать.

Я надеялся: щенок убежал. Черт, я не виню всех собак за мою инвалидность. Старый Сол был бандит, Старый Сол вошел в семейную историю и мою собственную мифологию как Кастратор, но благодаря маленьким грызунам, перелетавшим через залив, он был в моей власти.

Эрик - настоящий сумасшедший, даже если он мне и брат. Ему повезло, у него есть кто-то нормальный, кто его любит.

6: Земля Черепа

1

Когда Агнесс Колджейм, на восьмом с половиной месяцем беременности, приехала на своем BSA500 с загнутыми ручками руля и красным глазом Саурана, нарисованным на бензобаке, отец по понятным причинам не был сильно рад ее видеть. Она бросила его почти сразу после моего рождения, оставила с орущим младенцем на руках. Исчезнуть на три года, прожить без телефонного звонка или открытки и потом ворваться через мост - резиновые ручки чуть-чуть не цеплялись за стороны моста - с чьим-то ребенком или детьми и ожидать, будто отец пригласит ее в дом, накормит, будет сиделкой, примет роды, было самонадеянно.

Мне тогда было три года, и я почти ничего не помню. На самом деле я ничего и не помню, воспоминания до трех лет отсутствуют. Но у меня на это есть уважительные причины. Из обрывков, которые я смог собрать, когда отец решал поделиться информацией, я смог сложить, как мне кажется, точную картину происшествий. Миссис Клэмп тоже периодически подавала детали, хотя на них можно положиться не больше, чем на рассказы моего отца.

Эрика не было на острове, он был у Стоувов в Белфасте.

Агнесс, загорелая, огромная, вся такая в бусах и ярком кафтане, полная решимости родить в позе лотоса (в которой, утверждала она, и был зачат младенец), говоря омм, отказалась отвечать на вопросы моего отца о том, где она была три года и с кем. Она посоветовала ему не быть собственником относительно ее и ее тела. Она чувствует себя хорошо и беременна; вот и все, что ему нужно знать.

Агнесс удобно устроилась в комнате, которая когда-то была их совместной с моим отцом спальней, несмотря на его протесты. Был ли он втайне рад ее возвращению или у него была глупая идея уговорить ее остаться, я не знаю. Не думаю, что он на самом деле такая уж сильная личность, несмотря на темную мистическую ауру, которую он излучает, когда хочет произвести впечатление. Подозреваю, очевидно целеустремленный характер моей матери подчинил его. В любом случае, она получила, чего добивалась и хорошо жила пару недель в лето любви, мира и тому подобного.

У моего отца тогда было все в порядке с обеими ногами, и ему пришлось их использовать, бегая вверх и вниз из кухни или холла в спальню и обратно, когда Агнесс звенела колокольчиками,шитыми в расклешенные штанины джинсов, перекинутых через спинку стула, который стоял около кровати. Плюс отец должен был смотреть за мной. Я везде совал свой нос и проказничал, как любой нормальный, здоровый трехлетний мальчик.

Как я уже сказал, я ничего не помню, но мне сказали, будто бы я любил Старого Сола, кривоногого, белого, древнего бульдога, которого держал отец – как мне сказали – потому что пес был такой безобразный и не любил женщин. Еще он не любил мотоциклы и обезумел, когда Агнесс приехала в первый раз, Сол лаял и атаковал мотоцикл. Агнесс отфутболила пса так, что он пролетел через весь сад и, скуля, убежал в дюны и пришел обратно только после того, как Агнесс перестала появляться во дворе и лежала в постели. Миссис Клэмп настаивает, будто отец должен был усыпить собаку за несколько лет до случившегося, но я думаю, слюнвявый, желтоглазый, подслеповатый, пахнущих рабой старый пес отцу был симпатичен именно своим уродством.

Агнесс начала рожать около полудня, в горячий, неподвижный день, потя и говоря омм, отец кипятил воду и разные нужные штуки, Миссис Клэмп вытирала лоб Агнесс и, наверное, рассказывала обо всех знакомых женщинах, которые умерли во время родов. Я играл во дворе, бегал в шортах, вероятно, довольный ее беременностью, потому как я получил свободу делать, что душе угодно в саду и в доме, освободившись от надзора моего отца.

Я не знаю, сделал ли я что-то, раздразившее Старого Сола, жара ли довела его до особенной злости или, как говорит Миссис Клэмп, приехавшая Агнесс ударила его по голове. Но маленький, склонный к проказам, грязный, бойкий малыш, которым был я, вполне мог устроить какую-нибудь проказу с собакой.

Случилось это в саду, там, где позднее, когда у отца случился приступ любви к вкусной и здоровой пище, выращивали овощи. Моя мать тяжело дышала, стонала, толкала где-то за час до появления младенца, за ней смотрели Миссис Клэмп и отец, когда все трое (минимум двое, полагаю, Агнесс могла быть отвлечена другими мыслями) услышали сумасшедший лай и высокий, ужасный крик.

Отец бросился к окну, выглянул в сад, закричал и выбежал из комнаты, оставив Миссис Клэмп с вытаращенными глазами.

Он выбежал в сад и взял меня на руки. Вернулся в дом, позвал Миссис Клэмп, положил меня на кухонный стол и попытался остановить кровотечение полотенцами. Миссис Клэмп была в неведении и ярости, но принесла лекарства, которые он потребовал, потом почти упала в обморок, увидев кровавое месиво между моих ног. Отец взял у нее аптечку и приказал вернуться к моей матери.

Я пришел в сознание через час и лежал в постели, накачанный лекарствами, обессиленный потерей крови, а отец пошел с ружьем, которое у него тогда еще было, искать Старого Сола.

Он его нашел через пару минут, даже не выходя из дома. Старый пес прятался около двери погреба, в прохладной тени под лестницей. Сол скулил и дрожал, моя юная кровь смешалась со слюной и слизью из глаз на его обвисшей морде, он зарычал и посмотрел вверх, дрожа и моля, на моего отца, который

поднял и задушил его.

Я заставил моего отца рассказать все это, еще он добавил, якобы в ту же секунду, когда он выдал последнюю каплю жизни из дергающегося пса, он услышал крик сверху, внутри дома, это был мальчик, которого они назвали Пол <Сол – языческое имя апостола Павла (Пола)>. Какая извращенная мысль пришла тогда в голову моего отца и заставила его выбрать такое имя, я даже не берусь вообразить, но именно его Энгус выбрал для своего нового сына. Имя ему пришлось выбирать одному, Агнесс не осталась в доме надолго. Два дня она выздоравливала, выразила шок и ужас по поводу случившегося со мной, потом села на свой мотоцикл и уехала. Отец пытался ее остановить, встав на пути мотоцикла перед мостом, она переехала моего отца и очень неудачно сломала ему ногу.

Так Миссис Клэмп пришлось ухаживать и за моим отцом, а он запретил старушке пригласить любого другого доктора, и сам загипсовал свою ногу, хотя и не совсем правильно, чем и объясняется его хромота. Миссис Клэмп вынуждена была на следующий день после отъезда матери Пола отнести новорожденного в местный госпиталь. Отец протестовал, но как заметила Миссис Клэмп, у нее и без нуждающегося в постоянном уходе младенца было достаточно хлопот с двумя прикованными к постели инвалидами.

3

Я рассказал о последнем визите моей матери в дом и на остров. В результате него она оставила одно существо мертвым, одно родившимся и двух пожизненных инвалидов. Неплохо для двух недель в клевое лето психоделической любви, мира и всеобщего благоденствия.

Старого Сола закопали на склоне за домом, позднее я назвал то место Землей Черепа. Отец утверждает, будто он разрезал пса и нашел мои крохотные гениталии в желудке, но не говорит, что он с ними сделал.

Пол был Солом. Такой враг был – должен был быть – достаточно изворотливым для успешного переселения в мальчика. Вот почему отец выбрал это имя для моего младшего брата. Мне просто повезло вовремя заметить и исправить его в юном возрасте, а не то Бог знает, кем бы стал ребенок, одержимый душой Старого Сола. Удача, шторм, я представил его Бомбе и закончил его игру.

4

А зверьки – бурундуки, белые мыши и хомяки – должны были умереть своей грязной смертью, чтобы я смог достать череп Старого Сола. Я стрелял грызунами через залив в грязь на дальней стороне для следующих за этим похорон. Отец не разрешил бы мне копать на нашем кладбище домашних животных, поэтому грызунам пришлось умереть в шутовских костюмах из половины воланчика для бадминтона. Я покупал воланчики в спортивном магазине и отрезал от них резиновый наконечник, потом втискивал протестующую морскую свинку (я использовал одну ради принципа, но вообще-то они были слишком большие и дорогие) сквозь пластиковую воронку, пока она не сидела вокруг талии зверя как платье. Снарядив грызунов в полет, я стрелял ими над грязной водой, они находили свою удушающую кончину, потом я их хоронил, используя в качестве гробов большие спичечные коробки, которые мы всегда держали у газовой плиты, и которые я много лет собирал, держал в них игрушечных солдатиков, строил из них модели домов и так далее.

Я сказал моему отцу, что пытаюсь перебросить грызунов на большую землю, а те, которые я хоронил, те, которые не долетели, были жертвами научных экспериментов. Сомнительно, что мне нужен был подобный предлог, отец никогда не был обеспокоен страданиями низших форм жизни, несмотря на свое прошлое хиппи, наверно, из-за своего медицинского образования.

Естественно, я вел учет, у меня все записано: потребовалось 37 предположительных экспериментов до того дня, когда моя верная лопата с длинной ручкой, кусая кожу Земли Черепа, наткнулась на нечто тверже, чем песчаная почва, и я наконец узнал, где лежали кости собаки.

Было бы замечательно, если бы я выкопал череп ровно через десять лет после смерти пса, но на самом деле это произошло на несколько месяцев позже.

Но так или иначе Год Черепа закончился, старый враг оказался в моей власти. Костяной шар был вырван из земли как очень гнилой зуб в одну подходящую темную ночь при свете фонарика в присутствии лопаты Стальной удар, пока отец спал, а я должен был бы спать, и небеса содрогались от сильного ветра и дождя.

Когда я принес череп в бункер, я дрожал, запугав себя до полусмерти параноидальными фантазиями, но я победил, я принес туда грязный череп, очистил его и вставил в него свечу, и окружил сильной магией, важными вещами, а потом, замерзший и промокший, вернулся в свою теплую постельку.

Подведя итоги, я думаю, я справился со своей проблемой так хорошо, как только возможно. Мой враг дважды мертв, а его останки в моих руках. Я не мужчина и ничто не может это изменить; но я - это я, я считаю это достаточной компенсацией.

Поджигать собак - просто нонсенс.

7: Космические агрессоры

1

До того, как я понял, что иногда птицы могут быть моими союзниками, я делал с ними всякие злые штуки: ловил, стрелял в них, привязывал к палкам во время отлива, ставил бомбы с электрическими детонаторами под их гнездами и т.д.

Моей любимой игрой было поймать две птицы с помощью приманки и сети и связать их друг с другом. Обычно это были чайки, и я привязывал их нога к ноге толстой оранжевой нейлоновой леской, а потом сидел на дюне и наблюдал. Иногда я брал чайку и ворону, но были ли жертвы одного вида или нет, они быстро понимали, что не могут летать как следует - хотя теоретически веревка была достаточно длинная - и заканчивалось все (после уморительных неловких движений) дракой.

Когда одна из птиц была мертва, выжившая - как правило, раненая - оказывалась в далеко не лучшем положении, привязанная к тяжелому трупу вместо живого противника. Я видел пару целеустремленных птиц, отклевавших ногу побежденного врага, но большинство не смогли или до подобного не додумались, и ночью были пойманы крысами.

Я играл и в другие игры, но эта запомнилась как одно из моих более взрослых изобретений, в некотором смысле, она была символическая и с приятным привкусом иронии.

2

Птица испражнилась на Щебень, когда я крутил педали на дороге в город во вторник утром. Я остановился, посмотрел вверх на кружащих чаек и пару дроздов, сорвал пригоршню травы и вытер желто-белую грязь с рамы. День был ясный и солнечный, дул легкий бриз. Прогноз погоды на следующие несколько дней был неплохой, я надеялся на хорошую погоду во время появления Эрика.

Мы с Джеми встретились в баре паба "Под Гербом Колджеймов" и сидели там, играя в электронную игру по кабельному телевизору.

- Если он настолько чокнутый, я не понимаю, почему они до сих пор его еще не поймали.

- Я тебе говорил, он чокнутый, но хитрый. Он не глупый. Он всегда был очень сообразительный, с самого детства. Он рано начал читать, и все его родственники, и дяди, и тети еще до того, как я родился, говорили о нем: ох, они теперь так рано взростеют и тому подобное.

- Но он все равно сошел с ума.

- Они так говорят, но я не уверен.

- Как насчет собак? И личинок мух - опарышей?

- О'кей, это по-сумасшедшему, признаю, но иногда я думаю, он что-то замышляет, он на самом деле не сумасшедший и решил вести себя как умалишенный, и они его изолировали, когда он слишком далеко зашел.

- И он на них обозлился, - ухмыльнулся Джеми, потягивая свое пиво, а я аннигилировал подозрительные разноцветные космические корабли на экране. Я ответил:

- Да, наверно. Ох, я не знаю. Может, он и вправду не в себе. Может, я. Может, все остальные или, по крайней мере, вся наша семья.

- Теперь ты прав. - Я посмотрел на него, потом улыбнулся:

- Иногда я об этом размышляю...Мой отец эксцентричен. Полагаю, я тоже, - я пожал плечами и снова сосредоточился на космической битве. - Но меня это не волнует. Вокруг навалом тех, кого сильнее стукнули пыльным мешком.

Джеми молчал, а я переходил от картинке к картинке кувыркающихся, визжащих кораблей. Наконец удача мне изменила, и они меня поймали. Я взял свою пинту, а Джеми сел разносить вдребезги размалеванные штуки. Я смотрел на макушку его головы, а он согнулся над игрой. Он начинал лысеть, хотя я знал, что ему только двадцать три. Он опять напомнил мне щенка: непропорциональная голова, короткие толстые ножки и ручки, напрягающиеся от усилия, с которым Джеми нажимал на кнопку "огонь" и двигал джойстик.

- Да, - сказал он чрез некоторое время, продолжая атаковать надвигающийся корабль, - и многие из них политики и президенты, и тому подобное.

- Что? - спросил я, недоумеая, о чем это он.

- Настоящие чокнутые. Многие из них стоят во главе стран, религий или амий. Настоящие сумасшедшие.

- Да, наверно, - задумчиво сказал я, наблюдая за битвой на экране вверх ногами, - или может они - единственные нормальные люди. У них вся власть и богатство. Они заставляют всех остальных делать то, что они хотят, например, умирать для них и работать на них, и продвигать их к власти, и защищать их, и платить налоги, и покупать для них игрушки, и они переживут следующую большую войну в своих туннелях и бункерах. Так что если рассмотреть нынешнее положение вещей, кто может назвать их сумасшедшими, потому что они не делают так, как Джо Лох, иначе они были бы Джонами Лохами, и наверху сидел бы кто-нибудь другой

- Выживание наиболее приспособленных.

- Да.

- Выживание... - Джеми со свистом втянул воздух и так сильно дернул джойстик, что чуть не упал со стула, но смог увести свой корабль от желтых молний, которые загнали его в угол экрана, - наиболее вредных. - Он взглянул на меня и быстро улыбнулся, потом опять сторбился над игрой. Я выпил и кивнул:

- Можно и так. Если наиболее вредный выживает, отсюда и берется закаленное дерьмо, которое правит нами.

- "Нами" - это Джонами Лохами, - сказал Джеми.

- Ага, или всеми подряд. Всем видом. Если мы и в самом деле настолько злые и тупые, что забрасаем друг друга замечательными водородными и нейтронными бомбами, тогда может и хорошо выйдет, если мы сотрем себя с лица земли до того, как мы выйдем в космос и начнем проделывать ужасные пакости с другими видами.

- Ты имеешь в виду, что мы будем космическими агрессорами?

- Ага, - засмеялся я и стал раскачиваться на стуле. - Точно. Это мы! - я опять засмеялся и постучал по экрану над строем летящих красных и зеленых штук, а одна из них, отделившись от главного скопления, нырнула вниз, стреляя по кораблю Джеми, промахнулась, но задела его зеленым крылом, исчезая в нижней части экрана. Корабль Джеми взорвался, выбросив вспышки мигающего красного и желтого.

- Черт, - сказал он и покачал головой.

Я сел за игру и подождал появления моего корабля.

3

Слегка опьянев от трех пинт, которые я выпил, я поехал на остров, насвистывая. Мне всегда нравились наши с Джеми беседы во время ленча. Когда мы встречаемся с ним по субботам, мы иногда разговариваем, но не слышим друг друга во время выступления групп, а после я или слишком пьян для разговоров, а если могу говорить, слишком пьян, чтобы вспомнить, о чем мы говорили. Что, наверно, то же самое, если судить по тому, как довольно умные люди превращаются в бормочущих, грубых, твердолобых и хвастливых идиотов, когда количество молекул алкоголя в крови превышает количество их нейронов. К

счастью, это можно заметить только оставаясь трезвым, поэтому есть выход, приятный (по меньшей мере временно) и очевидный.

Когда я пришел домой, отец спал в шезлонге в саду. Я поставил велосипед в сарай и смотрел на отца из дверного проема сарая, если он проснется, я смогу сделать вид будто я закрываю дверь. Его голова слегка наклонилась в мою сторону, рот был слегка открыт. У него были на глазах темные очки, но я видел сквозь стекла его закрытые глаза.

Мне нужно было пойти пописать, поэтому я смотрел на него не очень долго. У меня не было особенных причин для наблюдения за ним, просто мне нравится это делать. Мне приятно чувствовать, что я его вижу, а он меня нет, я настороже и в полном сознании, а он нет.

Я ушел в дом.

4

После быстрого обхода Столбов, я провел понедельник за починкой и улучшением Фабрики, работал, пока не заболели глаза, и отец сказал мне спуститься и пообедать.

Вечером шел дождь, я остался дома и смотрел телевизор. Я рано лег спать. Эрик не звонил.

5

Когда я простился с примерно половиной пива, выпитого в "Гербе", я пошел посмотреть на Фабрику. Я залез на чердак, который был наполнен солнечным светом, теплом и запахом старых интересных книг, и решил привести чердак в порядок.

Я сложил старые игрушки в ящики, рулоны ковров и обоев поставил на место, откуда они упали, приколот пару карт обратно на наклонный деревянный потолок, убрал инструменты остатки материалов, которые я использовал для ремонта Фабрики и загрузил отделения Фабрики, нуждавшиеся в загрузке.

Пока я всем этим занимался, я нашел интересные вещи: самодельную астролябию, которую я когда-то сделал; коробку с частями модели укрепления вокруг Византии; остатки моей коллекции изоляторов с телеграфных столбов и старые записные книжки, оставшиеся от времен, когда отец учил меня французскому. Пролистав их, я не смог найти очевидного обмана, он не учил меня ругательствам вместо "извините" или "как пройти к железнодорожной станции", хотя, должно быть, искушение было почти непреодолимым.

Я закончил уборку, несколько раз чихнув от висевших в золотом пространстве чердака сверкающих пылинок. Еще раз посмотрел на обновленную Фабрику, просто потому что я люблю смотреть на нее, переделывать ее, трогать ее, нажимать на ее маленькие рычаги, открывать двери. Наконец я оттянул себя от нее, мысленно говоря: довольно скоро у меня будет возможность использовать Фабрику по назначению. Днем я поймаю осу и следующим утром пушу ее в дело. Я хотел еще раз допросить Фабрику до появления Эрика, я хотел точнее знать будущее.

Конечно, было немного рискованно задавать один и тот же вопрос дважды, но я подумал: чрезвычайные обстоятельства требуют, и в конце концов Фабрика принадлежит мне.

6

Я без труда поймал осу. Она, можно сказать, пешком прошла в церемониальную банку из-под джема, в которой я всегда держу заключенных для Фабрики. Я поставил банку, закрытую крышкой с дырочками, и содержащую кроме осы несколько листьев и кусочек кожуры апельсина, в тень берега реки и начал строить плотину.

Я работал и потел в сете дня и раннего вечера, пока отец красил заднюю часть дома, а оса осматривала внутреннюю стенку банки, шевеля антеннами.

Когда я наполовину построил плотину – не лучшее время для перемен – я подумал, что было бы забавно взорвать ее, поэтому я позволил воде переливаться и нашел самую маленькую бомбу с электрическим детонатором. Я прикрепил детонатор к проводкам от фонарика, использовав оголенные концы

провода, выглядывающие из просверленной в черном металлическом корпусе дырочки, и завернул бомбу в пару пластиковых мешков. Я заложил бомбу в основание главной плотины, вывел провод за плотину, за неподвижную воду позади плотины, почти туда, где ползала в своей банке оса. Я прикрыл песком провода, чтобы все выглядело более естественно, а потом продолжил строительство.

Система плотин получилась очень большой и сложной, там была не одна, а две деревеньки, одна между двумя плотинами, и одна за последней плотинной. Там были мосты и маленькие дороги, замок с четырьмя башнями и два дорожных туннеля. Незадолго до часа, когда мы пьем чай, я вывел последний проводок из фонарика и перенес банку с осой на вершину ближней дюны.

Я видел как отец красил вокруг окон холла. Я вспомнил узоры, которые он когда-то нарисовал на парадной стене дома, которая повернута к морю; я их помнил уже поблекшими, но они были классическими, вдохновенными глукками искусства: огромные машущие мечи и жертвенники, которые прыгали по стене как разноцветные яркие татуировки, изгибающиеся над окнами и дверью. Реликт, оставшийся от времен, когда отец был хиппи, сейчас они уже исчезли, стерты ветром и морем, и дождем, и солнцем. Остались только очень нечеткие контуры, еще различимые вместе с несколькими цветными пятнами, похожими на отслаивающуюся кожу.

Я открыл фонарик, положил внутрь цилиндрические батарейки, закрепил их и нажал кнопку включения на торце фонарика. Ток шел от девятивольтовой упаковки батареек, примотанной изолентой к фонарику, по проводам идущим через дырку, где была лампочка и в оболочку бомбы. Где-то около центра бомбы стальная вата разгорелась сначала неярко, потом ослепительно и начала плавиться, белая кристаллическая смесь взорвалась, разрывая металл - я еле смог его согнуть, это стоило мне много пота, времени и сил - словно бумагу.

Бах! Передняя часть главной плотины вывалилась вперед и вверх, грязная смесь пара и газа, воды и песка подпрыгнула в воздух и плюхнулась обратно. Шум был замечательный, тупой, и дрожь земли я почувствовал задницей сквозь штаны за секунду до звука взрыва, он был сильный.

Песок в воздухе остановился, упал, вызвал тысячу всплесков на воде и застучал по дорогам и домам. Освобожденная вода вырвалась из пролома в песчаной стене и покатила вниз, засасывая песок с краев пролома, и растеклась коричневым приливом до первой деревни, прошла сквозь нее, наткнулась на вторую плотину, откатилась назад, разрушая песчаные дома, наклонила замок и разметала треснувшие башни. Опоры моста подломились, деревянный настил соскользнул и упал на сторону, затем вода переливалась через плотину, и скоро вся верхняя часть ее была под водой и размывалась потоком, несущимся из первой дамбы, фронт воды прошел пятьдесят метров или больше. Замок исчез, развалился.

Я положил банку и сбежал с дюны, радуясь, а волна двигалась над волнистой песчаной поверхностью ручья, ударила в дома, прокатилась по дорогам, пробежала по тоннелям, натолкнулась на последнюю дамбу, быстро расправилась с ней и продолжила разрушение еще целых домов второй деревни. Плотины разрушались, дома соскальзывали в воду, мосты и туннели складывались и падали, прекрасное чувство восторга поднялось волной из желудка и дошло до горла, я был рад водному хаосу.

Я видел, как провода были смыты и откачены потоком в сторону, потом я смотрел на передний край бегущей воды, быстро движущейся к морю по уже давно высохшему песку. Я сел на землю напротив места, где была первая деревня, там, где двигались, медленно наступая, коричневые горбы воды, и ждал, пока шторм успокоится: ноги скрещены, локти на коленях и лицо на ладонях. Мне было тепло, я был счастлив и хотел есть.

Наконец, когда ручей почти успокоился, и от нескольких часов моей работы почти ничего не осталось, я заметил то, что искал: черный и серебряный, разорванный и погнутый корпус бомбы, который выглядывал из песка чуть впереди разрушенной плотины. Я не снимал ботинки, а встав на цыпочки на сухом берегу, шел руками по песку, пока почти полностью растянулся и оказался на середине ручья. Я поднял остатки бомбы со дна ручья, осторожно зажал зазубренный корпус зубами и пошел на руках обратно, пока не смог броситься на берег и встать.

Я вытер почти плоский кусок металла тряпкой из Военного Мешка, положил

бывшую бомбу внутрь мешка, потом забрал банку и пошел домой пить чай, перепрыгнув через ручей чуть выше места, до которого доходила запертая плотинами вода.

7

Любая из жизней – символ. Все, что мы делаем – часть узора, который мы можем хотя бы немного изменить. Сильные создают свои собственные рисунки и влияют на узоры остальных людей, слабые следуют курсами, которые для них проложили другие. Слабые, несчастливые и глупые. Осиная Фабрика – часть узора, следовательно она часть жизни, и более того, часть смерти. Фабрика может отвечать на вопросы, ибо каждый вопрос – это начало, стремящееся к концу, и Фабрика рассказывает о конце – смерти. Заберите себе внутренности животных, жезлы, и кости, и книги, и птиц, и голоса, и все остальное дерьмо: у меня есть Фабрика, она говорит о настоящем и будущем, а не о прошлом.

Той ночью я лежал в постели, зная, что Фабрика была готова и ждала осу, которая ползала вокруг банки, стоявшей возле моей кровати, и искала свой путь. Я думал о Фабрике на чердаке и ждал, когда зазвенит телефон.

Осиная Фабрика прекрасна и убийственна, и совершенна. Она намекнет мне на то, что произойдет, она поможет мне понять, что нужно делать, и после того, как я посоветуюсь с ней, я опробую наладить контакт с Эриком через череп Старого Сола. В конце концов, мы же братья, даже если и только наполовину, мы оба мужчины, даже если я – только наполовину. Мы понимаем друг друга на уровне подсознания, даже если он сумасшедший, а я нет. Еще у нас есть связь, о которой я раньше не думал, но которая может быть использована: мы оба убивали.

Тогда я подумал, как думал и раньше: мужчины созданы для этого. Каждый пол может делать одно дело хорошо. Женщины – рожать, а мужчины – убивать. Мы – себя я считаю почетным мужчиной – сильный пол. Мы прорываем, вводим и захватываем. Факт, что я способен только на аналогии с сексуальной терминологией, меня не обескураживает, я ощущаю это в моих костях, в моих некастрированных генах. Эрик должен ответить

Одиннадцать, полночь и сигнал точного времени, я выключил радио и уснул.

8: Осиная Фабрика

1

Ранним утром, когда отец еще спал и холодный свет сочился сквозь закрывшее солнце молодое облако, я тихо встал, тщательно умылся и побрился, вернулся в свою комнату, медленно оделся, взял банку с выглядевшей сонной осой и отнес ее на чердак, где ждала Фабрика. Я поставил банку на маленький алтарь под окном и сделал последние приготовления, которые требовала Фабрика. После того, как они были закончены, я взял немного зеленого геля для умывания из бутылки около алтаря и хорошенько втер в руки. Я посмотрел на Таблицы Времени, Приливов и Расстояния – маленькую красную книжицу, которая лежала у другого края алтаря, и запомнил время высокого прилива. Две осиные свечи я поставил на лицевой стороне Фабрики, там, где остановились бы кончики стрелок часов, если бы они показывали время высокого прилива, потом я немного приподнял крышку банки и достал из нее листья и кожуру апельсина, оставив внутри только осу.

Я поставил банку на алтарь, украшенный разными амулетами: черепом змеи, убившей Блуса (найдена и разрублена пополам с помощью садовой лопаты его отцом – переднюю половину змеи я поднял из травы и спрятал в песке до того, как Диггс забрал ее как улику; осколок бомбы, разорвавшей Пола (самый маленький, какой я только мог найти, их там было много); кусочек ткани палатки от змея, который поднял Эсмерельду (конечно, не от самого змея, а обрезок); и блюдечко со старыми стертými зубами Старого Сола (их было легко вырвать).

Я взял в руки свою промежность, закрыл глаза и повторил тайный катехизис. Я мог бы повторять его автоматически, но я попробовал вдуматься в смысл вопросов и ответов при их повторении. В них были мои признания, мои

мечты и надежды, страхи, ненависть – я до сих пор дрожу, произнося все это, на автомате или нет. Магнитофон поблизости и ужасная правда о трех убийствах всплывет на поверхность. Молитва опасна хотя бы поэтому. Она говорит мне о том, кто я, чего хочу, что чувствую, и это может очень даже вывести из равновесия – слышать себя, описание, сделанное в самом честном и объективном настроении, настолько же унижительно слышать описание, сделанное в самые светлые и радостные моменты. Когда я произнес катехизис, я без дальнейшего промедления поднес осу к нижней части Фабрики и впустил ее внутрь.

2

Осиная Фабрика – не правильная и выглядящая разрушающейся смесь металла, дерева, стекла и пластика – занимает площадь в несколько квадратных метров. Центром ее служит циферблат от старых часов, которые раньше висели над дверью Шотландского Королевского Банка в Портнейле.

Циферблат – самая важная вещь, которую мне удалось достать на городской свалке. Я нашел его там в Год Черепа и прикатил циферблат домой по дороге на остров, прогрохотал им по мосту. Я хранил его в сарае, пока отец не уехал на весь день, потом я целый день напрягался и потел, поднимая огромный круг на чердак. Циферблат почти метр в диаметре и сделан из металла, он тяжелый и почти не поврежден, цифры римские, он как и остальные части часов был изготовлен в Эдинбурге в 1864, ровно за сто лет до моего рождения. Определенно не совпадение.

Конечно, такие часы смотрят в две стороны, должен где-то быть второй циферблат, другая сторона часов, но хотя после того, как я нашел мой циферблат, я рыскал по свалке несколько недель, найти его мне не удалось, и это тоже часть мистики Фабрики – маленькая легенда о Граале. Старый Камерон из мастерской сказал мне, что слышал, будто сборщик вторчермета из Инвернесса забрал механизм часов, скорее всего, второй циферблат был расплавлен несколько лет тому назад или украсил стену какого-нибудь элегантного дома на Блэк Айл, построенного на доходы от мертвых машин и колеблющейся цены на свинец. Я предпочитаю второй вариант.

В циферблате, который я подобрал, было несколько дырочек, но я оставил только одну в центре, где механизм соединялся со стрелками, и через нее оса попадает внутрь Фабрики. Там оса может бродить по циферблату, сколько захочет, исследуя свечки с мертвыми кузинами или игнорируя их, если захочет.

Но дойдя до края циферблата, где я оградил его стенкой из дерева в два дюйма высотой и накрыл метровым кругом из стекла, который сделал по моему заказу стекольщик из города, оса может войти в один из двенадцати коридоров через маленькую, величиной с осу, дверцу напротив огромной – для осы – цифры. Если так решит Фабрика, все осы опускают маленький пусковой механизм, сделанный из кусочков консервной банки, нитки и булавок, крошечная дверца закрывается за насекомым, запирая его в избранном коридоре. Не смотря на все мои старания держать механизмы дверей хорошо смазанными и сбалансированными, не смотря на то, что я постоянно чиню и проверяю их до тех пор, пока самое слабое давление заставляет их сработать: мне приходится ходить очень осторожно, когда происходит медленная и убивающая работа Фабрики – иногда Фабрика не хочет допустить осу в выбранный коридор и разрешает ей выползти обратно на циферблат.

Иногда оса летает или ползает вверх ногами по стеклянному кругу, иногда она долго сидит около закрытой центральной дыры, через которую оса вползает внутрь, но рано или поздно все они выбирают отверстие и дверь, которая срабатывает, и их судьба определена.

Большинство смертей, которые предлагает Фабрика, автоматические, но некоторые требуют моего вмешательства для *coup de grace* <удар милосердия (фр.)> и это, конечно же, влияет на послание Фабрики. Я должен нажать на пусковой крючок старого духового ружья, если оса ползет внутри его ствола; я должен включить воду, если она упадет в Кипящее Озеро. Если оса заползет в Гостиную Паука или Грот Венеры, или Муравейник, тогда могу сидеть спокойно и наблюдать как природа берет свое. Если путь осы лежит в Кислотную Пропасть или в Ледовый Дворец, или в шутивно названный Мужской Клуб (орудие смерти – моя моча, обычно свежая), тогда я тоже могу только наблюдать. Если насекомое упадет на многочисленные металлические стержни, к которым подведен ток, в

Комнате Вольта, я вижу как оса мгновенно умирает, если оно опрокинет мертвый Груз, и я вижу как оно раздавлено; если оса забредет в Коридор Лезвий, я вижу его разрубленным. Наблюдения за предоставленными осе альтернативными смертями включает зрелище осы, переворачивающей на себя расплавленный воск, пробующей отравленный джем или пришпиленной булавкой, которую притянула и обрушила на жертву резиновая полоска; насекомое даже может запустить цепочку событий, которая закончится для осы замкнутой камерой, заполненной углекислым газом из баллончика для газирования воды в сифоне; но если она выбирает между горячей водой и Поворотом Судьбы, мне приходится принять непосредственное участие в ее смерти. Если оса направляется к Огненному Озеру, я нажимаю на рычаг, который щелкает зажигалкой, поджигающей бензин.

Смерть в огне всегда была на Двенадцати, она - один из концов, которые нельзя заменить Альтернативами. Огонь всегда символизировал смерть Пола, который умер около полудня; смерть Блиса от яда представлена Гостиной Паука в четыре часа. Эсмерельда, вероятно, утонула (Мужской Клуб), и для симметрии я решил, что время ее смерти - восемь.

Я смотрел, как оса вышла их банки под фотографией Эрика, которую я положил картинкой вниз на стекло. Насекомое не теряло времени даром, через несколько секунд оно было на циферблате. Оса проползла по имени изготовителя часов, совершенно не обратив внимания на осиные свечи, и почти сразу прошла к большой цифре XII, над ней и сквозь дверь напротив, дверь тихо захлопнулась за ней. Оса быстро проследовала по коридору через воронку от ловушки для ловли лобстеров, в которой нитка не позволяла бы ей вернуться обратно, затем вошла в отполированную до блеска стальную трубку и соскользнула в стальную камеру, где ей предстояло умереть.

Я сел, вздыхая. Я провел рукой по волосам и нагнулся вперед, наблюдая за упавшей осой, она кружилась по местами почерневшему, окрашенному всеми цветами радуги стальному ситечку, которое предназначалось для процеживания чая, но здесь висело над емкостью с бензином. Я грустно улыбнулся. Камера хорошо вентилировалась, в ней было множество дырочек - в металлическом дне и верхушке стеклянной трубки - чтобы оса не задохнулась от паров бензина, слабый запах которого обычно чувствовался, когда Фабрика была готова к работе. Я чувствовал запах бензина и когда смотрел на осу, к нему примешивался, вероятно, и запах сохнувшей краски, но я не был до конца уверен. Я пожал плечами и нажал на кнопку, кусочек железа соскользнул по направляющей - алюминиевому кольшку от палатки - и соприкоснулся с колесиком и механизмом, выпускающим газ, на верхней части одноразовой зажигалки, которая была около лужи бензина. Не понадобилось даже второй попытки, зажигалка и лужа загорелись с первого раза, тонкие язычки пламени, яркие в утреннем полумраке чердака, вились вокруг ситечка. Пламя не прошло внутрь, но жар заставил осу взлететь, сердито жужжа, стучать по стеклу, падать на дно, биться о край ситечка, перелететь через него; оса начала падать в огонь, потом опять взлетела вверх, ударилась несколько раз о стальную трубку, но наконец упала в ловушку железного ситечка. Она подпрыгнула в последний раз, безнадежно замахала крыльшками, но они, должно быть, были обожжены, потому что ее полет был хаотичен, как у сумасшедшей, и она быстро упала вниз и умерла, сначала шевелясь, потом сжимаясь, и наконец застыла, слегка дымя.

Я сидел и смотрел, как обуглившееся насекомое испеклось до хруста, как спокойное пламя поднялось до ситечка и обняло его как рука, как отражение язычков пламени дрожало на задней стенке стеклянной трубки. Потом я наконец потянулся, отстегнул основание трубки, подвинул к себе миску с бензином, накрыл металлической крышкой и задул пламя. Я открыл камеру и достал из нее тело пинцетом. Труп я положил в спичечный коробок и поставил коробок на алтарь.

Фабрика не всегда отдает своих мертвецов: кислота и муравьи не оставляют после себя ничего, Венерина мухоловка <насекомоядное растение> и паук отдают только хитин. Но опять у меня было сторевшее тело, опять мне нужно было избавиться от него. Я положил голову на руки, качаясь на стульчике. Меня окружала Фабрика, позади был алтарь. Я смотрел на хаос участков Фабрики, на ее разнообразные пути к смерти, ее переходы, коридоры и камеры, лампочки в конце туннелей, контейнеры, спусковые крючки, батареи и нити, опоры и плоскости, трубки и провода. Я щелкнул парой

выключателей, и крохотные пропеллеры зашумели в коридорах, посылая к моему лицу воздух, засосанный в колодцах, где был положен джем. Я прислушивался к ним, пока не почувствовал запах джема, но он был для привлечения осторожных ос к их смерти, а не для меня. Я отключил моторы.

Я начал выключать все подряд, отсоединяя, опорожняя и выливая. За окном разгоралось утро, я слышал крики нескольких ранних птиц. Когда ритуал выключения Фабрики был завешен, я вернулся к алтарю, осмотрел все, стоявшее на нем: набор миниатюрных баночек, моих сувениров, вещей, которые я нашел и сохранил. Фотографии всех моих мертвых родственников – и тех, кого убил я, и тех, которые умерли сами по себе. Фотографии живых – Эрика, моего отца, моей матери. Фотографии вещей – BSA 500, к сожалению, не того самого мотоцикла, думаю, отец все их уничтожил; нашего дома, когда он был еще ярким от красок и даже фотография самого алтаря.

Я прошел мимо спичечного коробка с мертвой осой, помахал им перед алтарем, перед баночкой с песком с пляжа, бутылочками с моими драгоценными жидкостями, стружками от палки моего отца, другим спичечным коробком с ватой, на которой лежала пара молочных зубов Эрика, коробочкой с волосами моего отца, другой с ржавчиной и краской, которые я соскреб с моста на большую землю. Я зажег осиные свечи, закрыл глаза, держа коробочку-гроб перед лбом, чтобы почувствовать осу внутри моей головы – щекощущее ощущение внутри черепа. После того, как я задул свечи и накрыл алтарь, я поднялся, отряхнул штаны, взял фото Эрика, которое я положил на стекло Фабрики, завернул в нее гробик, закрепил фотографию резинкой и положил сверток в карман жакета.

3

Я медленно шел вдоль пляжа к бункеру, руки в карманах, голова опущена вниз, глаза смотрят на песок и ноги, но не видят их. Куда бы я ни посмотрел, везде был огонь. Фабрика сказала о нем дважды, я инстинктивно применил его, когда злобный самец напал на меня, оно было втиснуто во все незанятые уголки моей памяти. И Эрик приближал его.

Я подставил лицо свежему ветру, видя пастельную голубизну и розовое неба, ощущая влажный бриз, слыша шипение далекого отлива. Где-то заблел овца.

Я должен был использовать Старого Сола, я должен был попытаться наладить контакт с моим сумасшедшим братом до того, как все эти источники огня объединятся и уничтожат Эрика или уничтожат мою жизнь на острове. Я пытался внушить себе, что все не так уж серьезно, но я костями чувствовал обратное, Фабрика не лжет, хотя бы один раз она предсказала будущее буквально. Я был озабочен.

4

В Бункере, когда гроб осы был возложен перед черепом Старого Сола, а из глазниц его давно высохших глаз исходил свет, с опущенной головой я встал на колени в остро пахнущей темноте перед алтарем. Я думал об Эрике, вспоминал его таким, каким он был до того неприятного происшествия, до него, хотя он и не жил на острове, он оставался его частью. Я вспомнил его как умного, доброго, веселого мальчика и подумал о том, кем он стал сейчас: цунами огня и разрушения, приближающееся к пескам острова подобно сумасшедшему ангелу, в голове которого кишат крики безумия.

С закрытыми глазами я наклонился вперед и положил правую руку ладонью вниз на верхушку черепа старого пса. Свеча была только что зажжена, кость была только теплая. Какая-то неприятная, циничная часть моего мозга сказала мне, что я выглядел как мистер Спок из "Звездного следа" во время слияния разумов или чего-то подобного, но я ее проигнорировал. Я глубоко дышал и был погружен в еще более глубокие размышления. Лицо Эрика – веснушки, светлые волосы и застенчивая улыбка – появилось передо мной. Молодое лицо, тонкое, интеллигентное, таким я помнил его, когда он был счастлив, во время нашего с ним лета на острове.

Я сконцентрировался, сжал свои внутренности и задержал дыхание, как будто я собирался вытолкнуть мешавший дышать комок, кровь редела у меня в

ушах. Указательным и большими пальцами свободной руки я вдавил мои закрытые глаза внутрь моего черепа, другая рука нагревалась на черепе Старого Сола. Я увидел светлячки, беспорядочные движущиеся узоры, похожие на отпечатки огромных пальцев.

Мой живот непроизвольно сжался, я ощутил волну огненной радости, поднявшейся из него. Просто кислота и железы, знаю, но поток нес меня от одного черепа к другому. Эрик! Я пробивался к нему! Я его чувствовал, чувствовал боль в ногах, мозоли на подошвах, дрожащие мускулы, покрытые потом грязные руки, немытую, чешущуюся кожу головы, я обонял его запах как свой собственный, видел через его почти не закрывающиеся, горящие, красные от крови, мигающие, сухие глаза. Я чувствовал остатки ужасного мяса, камнем лежащего в моем желудке, вкус сожженной плоти и костей, и шерсти на моем языке: я был там! Я был...

Столб огня ударил в меня. Я был отброшен, откинут от алтаря как осколок мягкой шрапнели, отскочил от покрытого землей бетона и остановился у дальней стены, голова жужжит, правая рука болит. Я упал на бок и свернулся в комок.

Я немного полежал, глубоко дыша, руками я обхватил бока и немного качался из стороны в сторону, скребя головой по полу бункера. У правой кисти было чувство, будто она размером и цветом с боксерскую перчатку. С каждым ударом успокаивающегося сердца кисть посылала вверх по руке импульс боли. Я тихо говорил сам с собой, медленно поднялся, потер глаза и слегка покачнулся, немного притянул колени к голове и слегка отклонился назад. Я попробовал лечить мое раненое эго.

Когда неясное изображение сфокусировалось, я увидел все еще светящийся череп, внутри него продолжало гореть пламя. Я посмотрел на него, поднял правую руку и начал ее лизать. Я огляделся, не поломал ли я что-нибудь на полу во время своего внезапного бегства, но казалось, все было в порядке, пострадал только я. Я вдохнул со всхлипом и расслабился, моя голова лежала на прохладном бетоне стены.

Через несколько минут я наклонился и положил пульсирующую руку на пол Бункера – охладиться. Подержал ее там, потом поднял, стер с руки часть земли, пытаюсь увидеть, есть ли на ней какое-нибудь повреждение, но свет был слишком тусклым. Я медленно поднялся на ноги и пошел к алтарю. Зажег трясущимися руками боковые свечи, положил осу к другим осам в пластиковый штатив и сжег ее временный гроб на металлической плите перед Старым Солом. Фото Эрика загорелось, мальчишечье лицо исчезло в огне. Я дунул в глазницу Старого Сола и погасил свечу.

Я стоял, собираясь с мыслями, потом подошел к металлической двери Бункера и открыл ее. Шелковый свет облачного, но яркого утра ворвался внутрь и заставил меня поморщиться. Я вернулся внутрь, погасил остальные свечи и опять осмотрел руку. Ладонь была красная и воспаленная. Я опять ее лизнул.

Я почти победил. Я был уверен: Эрик был уже в моих руках, его разум был здесь, под моей ладонью, и я был его частью, видел мир его глазами, ощущал движение крови по сосудам в его голове, чувствовал землю под его ногами, его тело и его последний ужин. Но это было чересчур. Хаос в его голове слишком силен для любого нормального человека. В нем была лунатическая сила полной сосредоточенности, на которую способны только сумасшедшие, а самые неистовые солдаты и самые агрессивные спортсмены могут имитировать короткое время. Каждая частица мозга Эрика была сконцентрирована на его задаче – вернуться и поджигать – и ни один нормальный мозг, даже мой, который так далек от нормального и сильнее, чем большинство, не мог сравниться с организованной силой Эрика. Брат вел Тотальную Войну, Джихад, он оседлал Божественный Ветер и несся как минимум к собственному уничтожению, а я ничего не мог сделать.

Я замкнул Бункер и пошел домой вдоль пляжа, опять уставившись в песок, наполненный еще большим количеством мыслей и тревоги, чем на пути сюда.

Остаток дня я провел дома: читал книги и журналы, смотрел телевизор, Я ничего не мог сделать с Эриком изнутри, оставалось изменить направление моих атак. Моя личная мифология, подкрепленная Фабрикой, была достаточно гибкой, чтобы признать полученное поражение и использовать его как отправной пункт для достижения верного решения. У моего авангарда были обожжены пальцы, но у

меня были и другие ресурсы. Я одержу победу, хотя и не путем применения силы. То есть не применением ничего иного, кроме разума и воображения – фундамента всего остального. Если я не смогу ответить на вызов Эрика, я не заслуживаю ничего, кроме гибели.

Отец продолжал красить, поднимаясь по приставным лестницам с банкой краски и кистью, зажатой в зубах. Я предложил ему свою помощь, но он настоял, что сделает все сам. Пытаясь проникнуть в кабинет, несколько раз я использовал лестницы, но он поставил на окна специальные замки и держал жалюзи опущенными, а шторы задернутыми. Я был рад увидеть, с каким трудом он карабкался по лестнице. Он никогда не сможет залезть на чердак. Я подумал, еще хорошо, что дом именно такой высоты, иначе отец смог бы залезть по лестнице на крышу и посмотреть в чердачное окно. Но в обозримом будущем наши цитадели в безопасности.

Отец разрешил мне приготовить ужин, и я поджарил овощное кэрри, мы оба сможем его есть, когда будем смотреть программу по геологии, подготовленную Открытым Университетом, на переносном телевизоре, который я специально принес на кухню. Я решил, когда я разберусь с Эриком, я должен опять начать компанию по убеждению отца купить видик. Слишком легко пропустить хорошую программу в погожий день.

6

После обеда отец направился в город. Это было необычно, но я не стал его спрашивать, почему он идет туда. Отец выглядел уставшим после целого дня карабканья и вытягивания рук, но он поднялся в свою комнату, переоделся в костюм для города и пришел, хромя, в холл, сказать до свидания.

– Я пошел, – сказал он. Он осмотрел холл, как будто искал доказательства некоего злобного действия, начатого мной еще до того, как он ушел. Я смотрел телевизор и кивнул, не глядя на него.

– Хорошо, – сказал я.

– Я ненадолго. Дверь можешь не закрывать.

– О'кей.

– Ты будешь дома?

– О, да, – я посмотрел на него, скрестил руки и глубже сел в старое удобное кресло.

Он отступил назад, так что обе его ноги были в коридоре, а туловище в холле, рука на дверной ручке удерживала его от падения. Он снова кивнул, шапка на его голове клынула:

– Хорошо. Пока. Веди себя прилично, – я улыбнулся и стал смотреть на экран:

– Да, папа. Пока.

– Хнхх, – сказал он и в последний раз обвел глазами комнату, словно разыскивая исчезнувшее столовое серебро, закрыл дверь, и я услышал, как он прошел по коридору и вышел через переднюю дверь.

Я увидел, как он прошел по тропинке, я немного посидел, поднялся наверх и дернул дверь кабинета, которая, как всегда, была не подвижна словно часть стены.

7

Я уснул. За окном становилось темнее, по телевизору шел какой-то ужасный американский детективный сериал, у меня болела голова. Я мигнул слипающимися глазами, зевнул, чтобы разлепить губы и проветрить рот, в котором был неприятный вкус. Я зевнул и потянулся, потом замер, я услышал звонок телефона

Я вскочил из кресла, споткнулся, почти упал, добежал до двери, коридора, лестницы и наконец до телефона. Я прижал трубку к уху.

– Алло, – сказал я.

– Привет, Франки, как дела? Спросил Джеми. Я почувствовал смесь облегчения и разочарования. Я вздохнул.

– А, Джеми. О'кей. А ты как?

– Я на больничном. Утром уронил доску на ногу, теперь она вспухла.

– Что-то серьезное?

- Не-а. Если повезет, буду на больничном до конца недели. Завтра пойду к врачу за справкой. Просто подумал сказать тебе, я буду дома днем. Можешь принести винограда, если захочешь.

- О'кей. Я приду, наверно, завтра. Я тебе позвоню.

- Отлично. Есть ли новости от сам-знаешь-кого?

- Нет. Я подумал, это он, когда ты позвонил.

- Ага, я подумал, ты можешь так подумать. Не волнуйся. Я не слышал в городе ни о чем странном, его, вероятно, здесь еще нет.

- Ага, но я хотел бы его увидеть. Я просто не хочу, чтобы он начал выкидывать штуки, которые он делала раньше. Я знаю, он должен вернуться туда, откуда сбежал, даже если он ничего не сделает, но мне хотелось бы его увидеть. Я хочу и то, и другое, понимаешь?

- Да, да. Все будет о'кей. Мне кажется, все закончится хорошо. Не волнуйся.

- Я не волнуюсь.

- Хорошо. Ну, я пошел купить пару пинт анестетика в "Гербе". Хочешь составить мне компанию?

- Нет, спасибо. Я устал. Я рано встал сегодня. Увидимся завтра.

- Отлично. Ну, будь здоров и все такое. Пока, Франк.

- Хорошо, Джеми, пока.

- Пока, - сказал Джеми.

Я повесил трубку и спустился вниз, переключить телевизор на что-нибудь более умное, но дошел только до нижней площадки, когда опять зазвонил телефон. Я поднялся вверх. Когда я шел, меня как током ударило: это может быть Эрик, но в трубке гудков не было. Я улыбнулся и сказал:

- Да? Ты что-то забыл?

- Забыл? Я ничего не забываю! Я все помню! Все! - закричал знакомый голос на другом конце линии. Я застыл, глотнул, сказал э... - Почему ты обвиняешь меня в забывчивости? Что я забыл? Что? Я не забыл ничего! - Эрик тяжело дышал и брызгал слюной.

- Эрик, извини. Я думал, ты - это кто-то другой.

- Я - это я, - закричал он. - Я - никто другой. Я - это я!

- Я думал, ты Джеми, - заорал я в ответ, закрывая глаза.

- Этот карлик? Ты ублюдок!

- Извини, я... - я остановился и подумал. Почему ты сказал "карлик" таким тоном? Он не виноват, что такого маленького роста, - сказал я.

- О, да? - пришел ответ. - Откуда ты знаешь?

- Как это? откуда я знаю? Он не виноват, он таким родился! - сказал я, начиная сердиться.

- Это же он тебе сказал.

- Он сказал мне что? - спросил я.

- Что он карлик! - сказал Эрик.

- Что?! - закричал я, с трудом веря собственным ушам. - Я же вижу, он - карлик, ты, идиот!

- Он хочет, чтобы ты так думал! Может, он на самом деле пришелец! Может, остальные пришельцы еще ниже ростом, чем он! Откуда ты знаешь, что он на самом деле не гигант из очень низкорослой расы инопланетян? А?

- Не будь идиотом! - крикнул я в ответ.

- Ладно, - вдруг сказал Эрик спокойным голосом, и секунду или две я думал, это кто-то другой говорит и не удивился, когда он продолжил в тоне нормальной беседы. - Как твои дела?

- А? - сказал я, запутавшись. - А... Хорошо. Хорошо. А твои?

- Неплохо. Почти здесь.

- Что? Тут?

- Нет. Здесь. Боже, на таком расстоянии не может быть плохой связи, правда?

- Каком расстоянии? А? Я не знаю, - я положил руку на лоб, чувствуя как теряю нить разговора.

- Я почти здесь, - устало объяснил Эрик, спокойно вздохнув. - Не тут. Я уже тут. Как еще я бы мог звонить отсюда?

- Но где "тут"? - сказал я.

- То есть ты опять не знаешь, где ты? - с сомнением в голосе сказал Эрик. Я опять закрыл глаза и застонал. Он продолжил. - И ты обвиняешь меня в

забывчивости. Ха!

- Слушай, ты, чертов сумасшедший! - заорал я в зеленый пластик трубки, вцепившись в нее, получил стрелы боли по руке и почувствовал, как искажается мое лицо. - Ты мне надоел, звонишь сюда и нарочно ничего не понимаешь. Прекрати играть! - я хватал воздух ртом. - Ты отлично знаешь, о чем я говорю, когда спрашиваю о "тут"! Я спрашиваю, где ты находишься, черт возьми! Я знаю, где я и ты знаешь, где я. Прекрати меня запутывать, о'кей.?

- Хм. Хорошо, Франк, я понял, - ровным голосом сказал Эрик. - Но я не могу тебе сказать, где я или кто-нибудь может услышать. Понимаешь?

- Хорошо, хорошо, - сказал я. - Но ты не в будке?

- Ну конечно же, я не в будке, - сказал он с обидой в голосе, а потом я услышал, как он снова взял свой голос под контроль. - Да, ты прав. Я в чьем-то доме. На самом деле, в коттедже.

- Что? - спросил я. - Кто? Чей?

- Я не знаю, ответил он, и я почти услышал, как он пожал плечами. - Я думаю, я мог бы узнать, если тебе и в самом деле интересно. Тебе интересно?

- Что? Нет. Да. То есть нет. Какая разница? Но где...то есть как...то есть кто..?

- Слушай, Франк, - устало сказал Эрик, - это просто чей-то маленький летний коттедж, или они отдыхают здесь по уик-эндам. Я не знаю, чей он, но как ты справедливо заметил. Это не важно, о'кей?

- То есть ты взломал чей-то дом? - сказал я.

- Да, а что? Мне даже не пришлось его взламывать. Я нашел ключ от задней двери за трубой. Что не так? Очень приятный домик.

- Ты не боишься быть там, тебя же могут поймать?

- Не очень. Я сижу в комнате, смотрю на дорогу. Нет проблем. Здесь есть еда, ванна, телефон, морозилка.. Иисусе, в нее можно впихнуть восточно-европейскую овчарку... и кровать, и все такое. Роскошно.

- Восточно-европейскую овчарку! - вскрикнул я.

- Ну да, если бы она у меня была. У меня ее нет, но если бы была, я б ее там держал. А так...

- Нет, - перебил я, закрывая глаза и поднимая руку, как будто он был здесь, в одном доме со мной. - Не говори мне.

- О'кей.. Ну, я подумал, я тебе позвоню и скажу, что я в порядке и спрошу, как ты.

- Я в порядке. Ты уверен, что ты о'кей.?

- Ага, никогда не чувствовал себя лучше. Отлично. Думаю, диета, все...

- Слушай, - в отчаянии прервал его я, чувствуя как расширяются мои глаза при мысли о том, о чем хотел его спросить. - Ты ничего не почувствовал сегодня утром? На рассвете? Ничего? То есть совсем ничего? Ничего внутри - ах - ты ничего не почувствовал?

- О чем ты там бормочешь? - слегка сердито сказал Эрик.

- Ты что-нибудь почувствовал сегодня утром, рано утром?

- О чем это ты?

- То есть ты испытал что-нибудь? Хоть что-то на рассвете?

- Ну, - сказал Эрик медленно и размеренно. - Смешно, что сказал...

- Да? Да? Возбужденно сказал я, так близко прижимая к себе трубку, что зубы стукнули об нее.

- Ни черта. Сегодняшнее утро было одним из немногих, когда я честно могу сказать, я ничего не испытал, - вежливо сообщил Эрик. - Я спал.

- Но ты же сказал, ты никогда не спишь, - разъяренно сказал я.

- Иисусе, Франк, никто не совершенен, - я услышал как он засмеялся.

- Но..., - начал я, я закрыл рот и заскрипел зубами. И снова закрыл глаза. Он сказал:

- Ну ладно, Франк, если честно, мне стало скучно. Может, я тебе еще позвоню, но в любом случае, мы скоро увидимся. Пока-пока.

Телефон отключился до того, как я успел что-нибудь сказать, я был агрессивен и весь кипел, держал трубку и смотрел на нее так, как будто она была во всем виновата. Я хотел ударить ею обо что-нибудь, но решил, что это было бы плохой шуткой, поэтому я просто бросил трубку на аппарат. Она звякнула раз, я взглянул на нее, повернулся спиной и пошел вниз, там бросился в кресло и давил на кнопки пульта управления телевизором, переключая с канала на канал раз за разом в течение десяти минут. В конце

концов я понял, что узнал столько же из одновременного просмотра трех программ (новостей, еще одного ужасного американского детективного телесериала и программы об археологии), сколько я бы узнал, если бы смотрел чертовы программы по отдельности. С отвращением я бросил пульт, выбежал из дома в меркнувший свет и бросил в море несколько камней.

9: Что случилось с Эриком

1

Я спал гораздо дольше, чем обычно. Отец вернулся в дом, когда я пришел с пляжа, я сразу пошел спать, поэтому мой сон был долгим и крепким. Утром я позвонил Джеми, поговорил с его матерью и узнал, что он ушел к доктору, но скоро вернется. Я собрал рюкзак и обещал моему отцу вернуться вечером, а потом отправился в город.

Джеми был дома, когда я пришел туда. Мы выпили пару банок старого "Ред Дэс" и поговорили, после чего перекусили испеченным его мамой печеньем и выпили чаю, а потом я ушел из его дома и двинулся из города по направлению к холмам

2

Высоко, под покрытой вереском вершиной, на пологом каменном склоне, покрытым землей, над опушкой леса, я сидел на большом камне и ел ленч. Я смотрел на нагретый воздух над Портнейлом, на пастбища, усеянные пятнышками овец, на дюны, свалку, остров (не то чтобы его можно было различить как остров, он выглядел частью большой земли), пески и море. На небе, цвет которого постепенно бледнел в направлении горизонта, было несколько маленьких облаков, небо бросало голубой отблеск на пейзаж, на спокойную поверхность залива и моря. Пели жаворонки, я видел зависшего ястреба, который искал движение в траве, вереске, хвое и дроке внизу. Насекомые жужжали и танцевали, я обмахивал лицо веером из папоротника, чтобы держать их на расстоянии, пока я ел сэндвичи и пил апельсиновый сок.

Слева от меня вершины цепи холмов, идущей в северном направлении, постепенно становились выше и переходили в серо-голубое, сжизываясь с расстоянием. Я смотрел в бинокль на город внизу и видел грузовики, едущие по главной дороге, я следил за поездом, идущим на юг, он остановился в городе и отправился опять, извиваясь перед морем.

Мне нравится время от времени покидать остров. Отойти не слишком далеко, мне нравится по возможности видеть его издалека, иногда полезно отойти и посмотреть на все со стороны. Конечно, я знаю, насколько мал мой кусочек земли, я же не дурак. Я знаю размер нашей планеты и насколько мала известная мне часть. Я видел слишком много телевизионных программ о природе и путешествиях, чтобы не понимать, насколько ограничены мои знания с точки зрения опыта посещения разных мест, но я не хочу уезжать далеко, мне не нужно видеть зарубежные страны или знакомиться с другими людьми. Я знаю, кто я, и я знаю предел своих возможностей. Я ограничиваю свой кругозор по известным мне причинам: страха - о, да, признаю, необходимости в уверенности в безопасности в мире, который, так случилось, поступил со мной очень жестоко в возрасте, когда у меня не было реального шанса повлиять на мир.

Еще я получил урок Эрика.

Эрик уехал. Эрик, весь сообразительность, интеллект и чувствительность, и обещание, оставил остров для того, чтобы найти свой путь, нашел и следовал ему. Путь привел к разрушению большей части того, кем он был, превратил его в совершенно другую личность, в которой черты прежнего нормального мужчины казались оскорбительными.

Но он - мой брат, и я по-своему люблю его. Я люблю его вопреки переменам, думаю, так он любит меня вопреки моей инвалидности. Эта любовь похожа на желание защитить, которое женщины должны испытывать к детям, а мужчины - к женщинам.

Эрик уехал с острова еще до того, как я родился, приезжая только во время каникул, но мне кажется, духовно он всегда оставался здесь, он вернулся по-настоящему, через год после моего маленького происшествия, когда

отец решил: мы с Эриком достаточно взрослые, чтобы он смог смотреть за нами, и я совсем не презирал Эрика за то, что он появился на острове. Наоборот, мы с самого начала хорошо с ним ладили, и я уверен, что ему было стыдно, когда я по-рабски ходил за ним и подражал ему, хотя Эрик был слишком деликатен по отношению к чувствам других людей и ничего мне не сказал, чтобы не обидеть.

Когда его отсылали в частные школы, я горевал, когда он приезжал на каникулы, я бурно радовался, я прыгал и захлебывался словами. Лето за летом мы проводили на острове, запуская змеев, делая модели из дерева и пластмассы, Лего и Меккано, да чего угодно, что мы находили лежащим без дела, строя дамбы, конструируя хижины и каналы. Мы запускали и модели аэропланов, спускали на воду модели яхт, строили из песка яхты с парусами, изобретали секретные общества, коды и языки. Он рассказывал мне истории, выдумывая их на ходу. Мы играли, представляя некоторые из них, в храбрых солдат, сражающихся в дюнах, побеждающих и сражающихся, и сражающихся, и сражающихся и иногда умирающих. Только тогда когда его собственные истории требовали его героической смерти, он сознательно обижал меня, я воспринимал все слишком серьезно: он лежал, умирая на траве или песке, взорвав плотину или мост, или конвой врага, спасая меня от смерти, я платил слезы и слегка бил его, пытаюсь изменить историю, а он не хотел подняться, ускользал от меня и умирал, умирал слишком часто.

Когда у него болела голова – иногда целыми днями – я крутился рядом, приносил ему холодные напитки и еду в затемненную комнату на втором этаже, прокрадывался внутрь, стоял и иногда дрожал, если он стонал и метался на кровати. Я был вне себя, пока страдал, ничто не имело смысла, игры и истории казались дурацкими и ненужными, и только бросать камнями по бутылкам и чайкам казалось интересным. Я искал чаек, убежденный, что другие живые существа тоже должны страдать, а когда он выздоравливал, это было как будто он снова вернулся, я становился неугомонным.

Но в конце концов его поглотило и разлучило с нами стремление выйти во внешний мир, в широкий мир со всеми его фантастическими возможностями и ужасными опасностями, как случается со всеми настоящими мужчинами. Эрик решил последовать по стопам отца и стать врачом. Он сказал мне, будто никаких особенных перемен не произойдет, у него будет летний отпуск, даже если ему и придется жить в Глазго и работать в больнице или вместе с врачами посещать пациентов, он сказал, это будет то же самое, как когда мы были вместе, но я знал – это не правда и я видел, он тоже чувствовал это сердцем. Он покидал остров, покидал меня.

Я не мог обижаться на него, даже тогда, когда мне было труднее всего, он был Эрик, он был моим братом, он делал то, что должен был, как храбрый солдат, погибавший за родину, за меня. Как я мог сомневаться в нем или обижаться на него, если он никогда даже не намекнул об обиде или сомнении во мне? Боже мой, убийства, трое детей убиты, один из них мой брат. И он даже представить себе не мог, будто я приложил руки к хотя бы одному из них. Я бы знал. Он не смог бы посмотреть мне в лицо, если бы он подозревал, он был неспособен на обман.

Он уехал на юг, раньше, чем многие, из-за прекрасных результатов экзаменов. Летом он вернулся, но измененный. Он пытался дружить со мной по-прежнему, но я чувствовал, он принуждал себя. Он был далек от меня, его сердце не было на острове. Оно было с людьми, которых он знал в Университете, в его учебе, которую он любил, возможно, оно было со всем миром, но не с островом. Не со мной.

Мы продолжали играть, мы запускали воздушных змеев, строили плотины и тому подобное, но все было не как раньше, он был взрослый, который помогал мне играть, а не другой мальчишка, радующийся вместе со мной. Это было неплохое время, я был счастлив, ведь он был со мной, но он с облегчением уехал через месяц, чтобы встретится со своими друзьями и поехать с ними на юг Франции. Я оплакивал уход друга и брата, я знал и чувствовал с особой силой свою инвалидность, которая навсегда задержит меня в подростковом возрасте, никогда не позволит мне вырасти и стать настоящим мужчиной, способным идти по свету своим путем.

Я быстро избавился от подобных эмоций. У меня был Череп, Фабрика и победное чувство мужской удовлетворенности в замечательных успехах Эрика, а я становился безраздельным хозяином острова и земель вокруг него. Эрик писал

мне письма о своей жизни, он звонил и разговаривал со мной и моим отцом, он заставлял меня смеяться, так мог бы заставить смеяться, хотя ты и не хочешь позволить себя рассмешить, умный взрослый. Он никогда не давал мне почувствовать, что бросил меня или остров навсегда.

Потом с ним произошел несчастный случай, который, хотя мы с отцом ничего не знали, был последней соломинкой и смог убить даже изменившуюся личность Эрика. Случай этот столкнул Эрика вниз и сделал из него нечто новое: амальгаму из его прежнего "я" (по-сатанински вывернутого наизнанку) и более мудрого человека, раненого и опасного взрослого, потерявшего ориентацию в жизни и жалкого - все вместе. Он напоминал мне разбитую голограмму: целая картина в одном остром осколке, одновременно кусочек и целое.

Случилось это на втором году его учебы, когда он стажировался в большом учебном госпитале. В тот день Эрик не должен был быть там, во внутренних госпиталях, рядом с отбросами человечества. Позже мы с отцом узнали, что у Эрика были и другие проблемы. Он влюбился в какую-то девушку, и влюбленность закончилось плохо, девушка сказала, что не любит его и стала встречаться с другим. У Эрика была особенно сильная мигрень, которая мешала его работе. Он неофициально работал в госпитале, помогая медсестрам во время ночной смены, Эрик сидел в темноте на посту, читал свои книги, а старые и молодые больные стонали и кашляли.

Так было и в ночь несчастного случая. Он был в отделении, где держат младенцев и маленьких детей, настолько деформированных, что они немедленно умрут вне госпиталя и живут ненадолго дольше в нем. Мы получили письмо от медсестры, дежурившей с моим братом, с рассказом о случившемся, и судя по тону письма, она считала не правильным оставлять некоторых из детей в живых, они были немногим больше, чем экспонатами для показа студентам докторами и консультантами.

В одну жаркую, душную июльскую ночь Эрик был в кошмарном месте, около котельной и складов. Весь день у него болела голова, и пока он сидел на посту, боль перешла в жестокую мигрень. Вентиляция плохо работала уже две недели, ремонтники ее чинили, ночью было жарко, а мигрень Эрика всегда усиливалась в подобных условиях. Кто-то должен был сменить Эрика через час или, думаю, даже Эрик признал бы поражение, пошел бы в общежитие отлежаться. Он делал обход отделения, менял подгузники и успокаивал плачущих младенцев, менял повязки и флаконы в капельницах или что там еще, его голова раскалывалась, перед глазами плавали огоньки и линии.

Ребенок, за которым он убирал, когда это случилось, был немногим лучше растения. Плюс ко всем своим другим дефектам, ребенок еще и не контролировал мочеиспускание и дефекацию, и единственный звук, который он издавал, был хрип, он не мог контролировать мускулы - даже голова поддерживалась специальным приспособлением - и у него была металлическая пластинка на голове, потому что кости, из которых должен был состоять его череп, никогда не срослись, даже кожа над мозгом была тонкая, как бумага.

Его нужно было кормить особой смесью каждые несколько часов, и Эрик как раз делал это. Он заметил, что ребенок был спокойнее, чем обычно расслабленно сидел в своем кресле, уставившись в пространство впереди себя, неглубоко дышал, глаза его были остекленевшие и на его обычно неподвижном лице было почти умиротворенное выражение. Но казалось, он не может есть - а это было одно из немногих действий, которое ему не только нравилось, но в котором он даже участвовал. Эрик спокойно держал ложку перед нефокусированными глазами ребенка, поднес ложку к губам пациента, обычно ребенок высовывал язык или пытался наклониться вперед и взять ложку в рот, но той ночью он сидел не хрипя, не качая головой, не двигал или хлопал руками, не водил глазами по сторонам, а смотрел и смотрел с выражением, которое можно было ошибочно принять за счастливое.

Эрик настойчиво пытался заставить его есть, сел ближе, пытаюсь не обращать внимание на давящую боль в собственной голове: мигрень постепенно усиливалась. Он ласково говорил с ребенком - обычно тот водил глазами и сдвигал голову в направлении звука, но в ту ночь голос не имел никакого эффекта. Эрик приблизился, продолжая говорить, двигал ложку, сражался с волнами боли внутри собственного черепа.

Потом он увидел нечто, похожее на движение, едва заметное на бритой

голове слабо улыбавшегося ребенка. Что бы это ни было, оно было небольшим и медленным. Эрик моргнул, потряс головой, пытаясь отвязаться от дрожащих огней мигрени, накапливающихся внутри. Он встал, все еще держа ложку с кашцеобразной пищей. Нагнулся и внимательно посмотрел на череп ребенка. Эрик ничего не увидел, но осмотрел край металлической шапочки на черепе, и ему показалось, что он увидел что-то под ней, он легко снял шапочку с головы ребенка и увидел, что было под ней.

3

Рабочий котельной услышал крики Эрика и побежал на пост, размахивая гаечным ключом; он нашел на полу забившегося в угол, воющего изо всех сил Эрика, который наполовину сидел, наполовину лежал в позе зародыша с головой зажатой между коленями. Кресло, в котором сидел ребенок, было перевернуто и привязанный к нему ребенок, улыбаясь, лежал на полу в нескольких ярдах от Эрика.

Рабочий тряс Эрика, но ответа не получил. Потом он посмотрел на ребенка в кресле и подошел к нему, вероятно, чтобы перевернуть кресло, он приближался, пока не оказался в паре футов, потом бросился к двери, его вырвало. Когда медсестра из отделения этажом выше спустилась посмотреть из-за чего весь этот шум, она нашла рабочего в коридоре, подавляющего позывы рвоты. К тому времени Эрик прекратил кричать и затих. Ребенок продолжал улыбаться.

Сестра перевернула кресло. Подавила ли она собственный приступ рвоты или головокружение, видела ли она подобное или худшее раньше и расценила увиденное как что-то, с чем нужно справиться, я не знаю, но она позвала помощь и достала из угла окаменевшего Эрика. Она посадила его на стул, прикрыла голову ребенка полотенцем и успокоила рабочего. Медсестра вынула ложку из открытого черепа улыбающегося ребенка. Ложку туда воткнул в первую секунду своего сумасшествия Эрик, вероятно, пытаясь выгрести то, что увидел.

В отделение залетели мухи, наверное, когда не работала вентиляция. Они заползли под нержавеющую сталь шапочки ребенка и отложили там яйца. Когда Эрик поднял пластинку, он, бывший под грузом человеческого страдания, окруженный огромным, измученным жарой, темным городом, с раскалывающимся черепом, он увидел медленно шевелящееся гнездо жирных личинок мух, - опарышей, плавающих в объединенном пищеварительном соке, пожирающих мозг ребенка.

4

Казалось, Эрик выздоровел после случившегося. Его накачали успокоительным, он полежал пару суток в госпитале, потом несколько дней в своей комнате в общежитии. Через неделю он опять начал учиться и, как обычно, ходил на занятия. Некоторые знали, что-то случилось с ним, и Эрик был очень тихий, но этим все и ограничилось. Мы с отцом ничего не знали, кроме того, что он пропустил из-за мигрени немного занятий.

Позже мы узнали - Эрик начал пить, пропускать лекции, приходиться на не правильные семинары, он кричал во сне и будил студентов, живших на его этаже, принимал наркотики, не приходил на экзамены и практические занятия... Наконец Университет предложил ему взять академический отпуск до конца года, потому что он слишком много пропустил. Эрик отреагировал на предложение отвратительно: он собрал все свои книги, сложил их в коридоре около комнаты своего куратора и поджег их. Ему повезло, его не наказали, администрация Университета снисходительно отнеслась к дыму и небольшим повреждениям старинных деревянных панелей, и Эрик вернулся на остров.

Но не ко мне. Он отказался от любого контакта со мной, заперся в своей комнате, включал очень громкую музыку и почти никогда не выходил в город, где ему быстро запретили появляться во всех четырех пабах из-за драк, криков и ругани, которые он там устаивал. Когда он замечал меня, он пристально смотрел на меня своими огромными глазами или постукивал пальцами по носу и медленно подмигивал. Его глаза запали, под ними появились мешки, а его нос часто дергался. Однажды он поднял меня и поцеловал в губы, чем очень меня напугал.

Отец стал почти таким же необщительным, как Эрик. Отец постоянно был в плохом настроении, много гулял и молчал, думая о своем. Он стал курить сигареты и сначала он курил их одну за другой. На месяц или около того наш дом превратился в ад, я долго гулял в дюнах или сидел в моей комнате и смотрел телевизор.

Потом Эрик начал пугать городских мальчишек, сначала он швырял в них червями, потом заталкивал червей за шиворот возвращающимся из школы мальчишкам. Родители, учитель и Диггс пришли на остров, чтобы поговорить с моим отцом, когда Эрик начал заставлять детей есть червей и опарышей. Потее, я сидел в своей комнате, а они встретились в холле, родители кричали на моего отца. С Эриком говорил доктор, Диггс и даже социальный работник из Инвернесса, но Эрик почти ничего им не ответил, просто сидел, улыбаясь и иногда вставляя ремарку о том, как много белка в червях. Однажды он пришел домой избитый, в крови и мы с моим отцом решили, что парни или родители поймали и избили его.

Собаки исчезали в городе уже пару недель, когда дети увидели, как мой брат вылил банку бензина на маленького йоркширского терьера и поджег его. Родители поверили детям и пошли искать Эрика, которого поймали проделывающим то же самое со старой собакой, приманенной сладостями с анисом. Родители преследовали Эрика в лесу за городом, но потеряли.

Диггс пришел на остров вечером и сказал, что он пришел арестовать Эрика за нарушение общественного порядка. Он ждал до ночи вместе с моим отцом, выпил предложенные ему пару рюмок виски, но Эрик не вернулся. Диггс ушел, отец остался ждать, но Эрик так и не появился. Он пришел домой спустя три дня и пять собак, изнуренный, немый, пахнущий бензином и дымом, одежда порвана, лицо худое и грязное. Отец услышал, как Эрик пришел ранним утром, сделал набег на холодильник, проглотил сразу несколько обедов, протопал по лестнице и лег спать.

Отец прокрался к телефону, позвонил Диггсу, который приехал еще до завтрака. Должно быть, Эрик что-то видел или слышал, потому что он вылез через окно своей комнаты, спустился по водосточной трубе на землю и сбежал на велосипеде Диггса. Моего брата наконец поймали через две недели и еще две собаки – он сливал бензин из чьей-то машины. В процессе гражданского ареста ему сломали челюсть, и в тот раз он не убежал.

Через несколько месяцев Эрика признали сумасшедшим. Он пошел тесты, много раз пытался бежать, нападал на санитаров, социальных работников и докторов, угрожал подать в суд и убить их. По мере продолжения тестов, угроз и неповиновения его переводили во все более охраняемые больницы. Мы с отцом, будто он стал значительно тише, когда его перевели в госпиталь, который находился к югу от Глазго, и больше не пытался бежать, но теперь я понимаю, вероятно, он пытался – успешно, как оказалось – приучить своих стражей к ложному чувству безопасности.

А теперь он возвращался увидеть нас.

5

Смотря на землю впереди и внизу, я медленно водил биноклем, с севера на юг, наблюдая за городом и дорогами, колея железной дороги, и полями и дюнами, и я спрашивал себя, видел ли я место, где сейчас был Эрик, добрался ли он сюда. Я чувствовал: он был близко. У меня не было никакого рационального объяснения этому чувству, но времени у него было достаточно, голос во время звонка прошлой ночью звучал отчетливой и...я просто чувствовал.

Может быть, он уже здесь, лежит и ждет ночи или пробирается через лес, или кусты дрока, или горбами дюн, направляясь к дому, или в поисках собак.

Оставив город в нескольких милях к югу, я шел вдоль цепи холмов через ряды сосен, где было слышно, как вдалеке работали пилы, а темные массы деревьев были тенистыми и спокойными. Я пересек линию железной дороги, несколько полей кольшущегося ячменя, дороги, овечьё пастбище и дюны.

Я натер пятки, ноги слегка болели, я шел вдоль линии твердого песка пляжа. С моря дул слабый ветер, мне это нравилось, потому что исчезли облака, и солнце, хотя и постепенно садилось, но еще светило. Я дошел до реки, которую однажды уже пересек в холмах, перешел ее во второй раз около

моря, поднявшись в дюны, где был канатный мост. Передо мной разбегались овцы, некоторые из них были стриженные, некоторые еще лохматые, они прыгали, их мее-е звучали отрывисто; когда овцы решали, что они уже в безопасности, останавливались и нагибали шеи или становились на колени и продолжали жевать траву и цветы.

Я помню, как я презирал овец, они же абсолютно тупые. Я видел, как они ели, ели и ели, я видел, как собаки управляли целыми стадами, я гонял овец и смеялся над стилем их бега, видел, как они попадали во всякие глупые, запутанные ситуации. Мне казалось, они вполне заслуживали окончания жизни в виде баранины, использование их в качестве машин для производства шерсти слишком ответственное для них дело. Понадобились годы и долгие размышления, пока я смог осознать, что на самом деле овцы проявляли не собственную тупость, а нашу силу и эгоизм.

После того, как я узнал об эволюции и немного об истории животноводства, я понял – глупые белые животные, над которыми я смеялся, потому что они ходили следом друг за другом и застревали в кустах, были настолько же результатом работы поколений фермеров, насколько и результатом размножения поколений овец; мы сотворили их, мы вылепили их из диких и умных животных, которые были их предками, чтобы они стали покорными, глупыми, вкусными производителями шерсти. Мы не хотели, чтобы они были сообразительными, а до некоторой степени интеллект и агрессивность взаимосвязаны. Естественно, бараны умнее, но даже они деградированы идиотками, с которыми они вынуждены общаться и которых они вынуждены осеменять.

Тот же принцип применим и к курам, и к коровам, и почти ко всему, к чему смогли надолго дотянуться наши жадные, голодные руки. Иногда я думаю: подобное могло случиться и с женщинами, но хотя эта теория и привлекательна, я подозреваю – она не правильна.

6

Я пришел домой к ужину, проглотил яичницу, мясо, жареную картошку с бобами и остаток вечера смотрел телевизор, доставая изо рта с помощью спички кусочки мертвой коровы.

10: Бегущая собака

1

Меня всегда раздражало, что Эрик вдруг сошел с ума. Хотя тут и нет переключателя – нормальный в одну минуту и душевнобольной в другую – нет сомнений, именно случай с улыбающимся младенцем запустил нечто в Эрике, неизбежно закончившееся его разрушением. Часть его не могла принять случившееся, не могла совместить увиденное с тем, как ему думалось, должны были обстоять дела. Может какая-то глубоко спрятанная часть Эрика, потрепанная под слоями времени и роста как римские развалины под современным городом, верила в Бога и не выдержала осознание того, что если подобное маловероятное существо есть, оно страдает из-за происходящего с любой из тварей, которых предположительно оно сотворило по своему образу и подобию.

Что бы ни сломалось в Эрике, это была слабость, дефект, которого не должно было быть в настоящем мужчине. Женщины, как я знаю из сотен, наверное, тысяч фильмов и телепередач, не могут перенести по-настоящему важных перемен, которые происходят с ними, например, если их изнасилуют или их возлюбленный умирает, женщины сходят с ума и убивают себя, или просто болеют, пока не умрут. Конечно, я понимаю, не все они так реагируют, но это очевидное правило, и не следующие ему женщины в меньшинстве.

Должны быть и сильные женщины, женщины с большей частью мужского в характере, чем у большинства, и я подозреваю – Эрик был личностью со слишком большой частью женщины в ней. Чувствительность, желание не обидеть, тонкий, живой ум были в нем оттого, что он был слишком похож на женщину. До того отвратительного случая его женская часть никогда его не тревожила, но в момент чрезвычайных обстоятельств она оказалась достаточно выраженной и сломала Эрика. Это вина моего отца, не говоря уже о глупой сучке, которая

бросила моего брата ради другого мужчины. Отец хотя бы немного виноват из-за первых нескольких лет жизни Эрика, когда он разрешал своему сыну одеваться, как тому хотелось и выбирать между платьями и штанами, Хамсворс и Морат Стоувы правильно волновались по поводу методов воспитания племянника и предложили его забрать. Все могло бы быть по-другому, если бы не странные идеи моего отца, если бы моя мать не презирала Эрика, если бы Стоувы забрали его раньше, но все случилось как случилось, и я надеюсь: отец винит себя в той же степени, как виню его я. Я хочу, чтобы он постоянно ощущал груз своей вины, ночей бы не спал из-за нее, а когда все же уснет, видел бы кошмары, от которых бы просыпался покрытый потом в прохладные ночи. Он это заслужил.

2

Вечером после моего похода по холмам Эрик не звонил, Я пошел спать довольно рано, но я бы услышал звонок телефона, а я спал после своего долгого путешествия без помех. На следующее утро я встал как обычно, прогулялся по песку в прохладе утра и вернулся вовремя к хорошему, большому завтраку.

В доме стало очень жарко, душно даже с открытыми окнами, я не находил себе места, а отец был спокойней, чем обычно. Я бродил по комнатам, выглядывая в окна, ложась на подоконники, осматривая прищуренными глазами землю. Наконец отец задремал в шезлонге, я пошел в мою комнату, переоделся в майку и тонкий жилет с карманами, заполнил их полезными вещами, перебросил через плечо рюкзак и пошел осмотреть подступы к острову и, может быть, свалку, если там не будет слишком много мух.

Я надел темные очки и коричневые "Поляроиды" сделали цвета ярче. Я начал потеть как только вышел из дверей. Теплый, почти не охлаждающий ветерок нерешительно пытался дуть со всех сторон и приносил запах травы и цветов. Я размеренно шел тропинке, по мосту, по берегу залива и вдоль течению ручья, перепрыгивая через небольшие его ответвления и притоки, направляясь к участку, где можно строить дамбы. Потом я повернул на север, поднялся на цепочку смотрящих на море дюн и шел по их песчаным верхушкам, не обращая внимание на жару и усилие, которое потребовалось для карабканья по их южным склонам, я хотел смотреть на юг.

Воздух дрожал на жаре, все стало неопределенным и колеблющимся. Когда я дотронулся до песка, он оказался раскаленным, насекомые всех форм и размеров жужжали и толклись вокруг меня. Я отмахивался от них.

Вытирая пот, время от времени я смотрел в бинокль, поднимал его к лицу и смотрел на округу сквозь колеблющийся от тепла воздух. Кожа головы чесалась от пота, промежность тоже чесалась. Я чаще, чем обычно, проверял вещи, которые принес с собой, рассеянно взвешивая на руке мешочек с железками, трогая нож Боуи и катапульту на брючном ремне, проверяя, не потерял ли я зажигалку, бумажник, зеркальце, ручку и бумагу. Я выпил воды из фляжки, хотя вода была уже теплая и затхлая.

Когда я посмотрел на песок и лениво плещущее море, я увидел интересные штуки, выброшенные прибоем, но я остался в дюнах; когда было нужно, я поднимался на высокие дюны, двигаясь на север через ручьи и болотца, за Воронку и место, которое я никак не назвал, откуда улетела Эсмерельда.

Я думал об обоих только после того как прошел мимо.

Примерно через час я повернул от моря, потом на юг, шел вдоль последних дюн, смотрел на неровные пастбища, где овцы медленно, как опарыши, двигались и ели. Один раз я остановился и наблюдал за огромной птицей, которая кружилась высоко в чисто голубом небе, поднимаясь по спирали на восходящих воздушных потоках, она поворачивала туда и обратно. Ниже ее летали несколько чаек, их крылья были расправлены, белые шеи указывали в разные стороны, чайки что-то искали. Высоко на склоне дюны я нашел мертвую лягушку, высохшую, на спине ее запеклась кровь, лягушка была вся в песке, и я удивился, как она туда попала. Вероятно, ее уронила птица.

Наконец я одел зеленую кепку, защитив глаза от блеска солнца. Я прошел по дорожке, которая была на одном уровне с островом и домом. Я шел, останавливаясь посмотреть в бинокль. Легковушки и грузовики блестели сквозь деревья, дорога была примерно в миле от меня. Пролетел вертолет, скорее всего он направлялся к буровым или нефтепроводу.

Сквозь ряды молодых деревьев я дошел до свалки вскоре после полудня. Я сел в тени дерева и внимательно проинспектировал свалку, используя бинокль. Зарегистрировал несколько чаек, но людей не было. Небольшой дымок поднимался от костра в центре свалки, вокруг него был разбросан мусор из города и его окрестностей: картон и черные пластиковые мешки, блестящая, местами побитая, белая поверхность старых стиральных машин, газовых плит и холодильников. Бумажки поднимались и с минуту кружились в начинающихся смерчках, но падали обратно. Я прошел по свалке, смакуя ее гнилой, сладковатый запах. Я ударил по нескольким обломкам, перевернул пару интересных кусков ботинком, но не смог рассмотреть ничего стоящего. Одна из причин, по которой в прошлые годы мне начала нравиться свалка, была та, что она никогда не остается прежней, она движется как нечто огромное и живое, расползаясь как громадная амеба, поглощая землю и мусор. Но сегодня она выглядела усталой и скучной. Из-за этого я был нетерпелив, почти сердит. Я бросил пару флаконов из-под аэрозолей в слабый костер, горящий в центре свалки, но даже это мало меня развлекло, они тихо хлопнули в бледных языках пламени. Я ушел со свалки и снова двинулся на юг.

В километре от свалки, около ручейка, было большое бунгало с окнами на море. Оно было заперто, на неровной дороге, ведущей к дому и в дюнах за ним не было свежих следов. По этой дороге Вилли, один из друзей Джеми, однажды прокатил нас на микроавтобусе, мы ездили по песку и скользили вниз со склонов.

Сквозь окна я заглянул в пустые комнаты, там была старая разнокалиберная мебель, выглядевшая пыльной и заброшенной. Старый журнал лежал на столе, один угол его пожелтел от солнца. Я сел и допил воду в тени дома, снял кепку и вытер лоб носовым платком. Я услышал приглушенные взрывы вдали, где-то на берегу моря, самолет прогремел над спокойной водой и улетел на запад.

Недалеко от дома начинались низкие холмы, покрытые дроком и согнутыми ветром деревьями. Я навел на них бинокль, отмахиваясь от мух, и моя голова начала побаливать, а язык высох, хотя я только что выпил теплой воды. Когда я опустил бинокль и одел очки, я услышал это.

Кто-то завыл. Какое-то животное – Боже мой, надеюсь, подобные звуки издавал не человек – кричало, его пытали. Это был тонкий, агонизирующий вопль, нота, которую животное могло издавать только *in extremis*, звук, который не должно издавать ни одно живое существо.

Я сидел, и с меня капал пот, высыхал, я был болен от испепеляющей жары, но я задрожал. Я затрясся от холода с головы до ног как пес, отряхивающий воду. Волоски на тыльной стороне шеи отлепились от пленки пота и встали дыбом. Я быстро встал, зацепившись руками за теплую деревянную стену дома, бинокль колотился о грудь. Крик прилетел с холмов. Я поднял очки на лоб, взялся за бинокль, задевая им кости глазниц, когда боролся с колесиком, которое наводит резкость. Мои руки дрожали.

Черный силуэт, за которым тянулся дым, выстрелил из кустов. Он сбежал по склону, по желтеющей траве, под изгородью. Мои руки скачками двигали бинокль, я пытался следовать за силуэтом. В воздухе висел вой, тонкий и ужасный. Я потерял беглеца за кустом, затем снова увидел его, горящего, бегущего и прыгающего через траву и осоку. Рот у меня совсем пересох, я не мог глотать, я кашлял, но бежал за животным, оно соскальзывало и поворачивало, взвизгивало и подпрыгивало в воздух, падая и вскакивая. В нескольких сотнях метров от меня и на таком же расстоянии от подножия холма оно исчезло из вида.

Я быстро перевел бинокль обратно, посмотреть на вершину холма, тщательно проверил всю цепочку холмов, вдоль, вниз, обратно, вверх, опять вдоль, остановился пристально осмотреть куст, помотал головой, опять осмотрел все холмы. Какая-то безответственная часть меня подумала, что в фильмах, когда кто-то смотрит в бинокль, и зрители видят картинку, которую предположительно видит герой, это всегда восьмерка, лежащая на боку, но когда я смотрю в бинокль, я вижу более-менее правильный круг. Я опустил бинокль, быстро оглянулся вокруг, никого не увидел, тогда я выбежал из тени дома, перескочил через невысокий проволочный забор, обозначавший сад и побежал к холмам.

3

Около холма я постоял несколько секунд нагнувшись, так, что голова была на уровне колен, я тяжело дышал, пот капал с волос на траву у ног. Майка приклеилась к телу. Я уперся руками в колени и поднял голову, напрягая глаза, я рассматривал дрок и деревья на вершине. Я глянул вниз, на поля, на следующую линию кустов дрока, отмечающую просеку железной дороги. Я побежал трусцой вдоль холмов, поворачивая голову туда-сюда, пока не нашел пятно горячей травы. Я его затоптал, искал следы и нашел их. Я побежал быстрее, не обращая внимания на протестующие горло и легкие, снова нашел горящую траву и занимающийся куст дрока. Я их потушил и двинулся дальше.

В небольшой долине на другой стороне холмов деревья росли почти нормально, только их вершины, которые поднимались над гребнем, были искривлены ветром и наклонены от моря. Я сбежал в травянистую долину, в движущийся узор теней от медленно колышущихся листьев и веток. Там был камни, окружавшие почерневший центр. Я посмотрел вокруг и увидел пятно примятой травы. Остановился, успокоился и опять посмотрел вокруг, но больше ничего не заметил. Я подошел к камням, потрогал их и пепел в центре. Все было горячее, слишком горячее, я мгновенно отдергивал пальцы, хотя все было в тени. Пахло бензином.

Я выбрался из долинки, залез на дерево, успокоил себя и медленно осмотрел местность вокруг, применяя, когда было нужно, бинокль. Ничего.

Я спустился с дерева, секунду постоял, глубоко вдохнул и сбежал по смотрящему на море склону холма, направляясь по диагонали к месту, где было животное. Один раз я изменил направление движения, чтобы затоптать небольшой огонь. Я испугал пасущуюся овцу, перепрыгнул через нее, овца остолбенела и поскакала прочь, мекая.

Пес лежал в ручье, вытекающем из болота. Он был еще жив, но большая часть его черного меха сторела и кожа под ним была красной и сочилась жидкостью. Собака дрожала в воде и я дрожал вместе с ней. Подняв голову из воды, она увидела меня единственным целым глазом. В луже вокруг собаки плавали кусочки свалывшейся, полусторевшей шерсти. Я почувствовал запах сожженного мяса и в горле, чуть пониже кадыка, появился комок.

Я достал мешочек с железками, положил одну из них в катапульту, отцепив ее от ремня, вытянул руки, ладонь оказалась около лица, где она намокла от пота, потом отпустил катапульту.

Голова пса дернулась, упала вниз, животное отнесло от меня течением и перевернуло. Тело проплыло немного, натолкнулось на берег. Из дырки, где раньше был единственный целый глаз, просочилось немного крови. "Придет Франк", - прошептал я.

4

Я вытащил пса из ручья, вырыл яму в торфянистой земле, давась время от времени рвотой из-за запаха трупа. Похоронив животное, я опять посмотрел вокруг, учел слегка усилившийся ветер, отошел в сторону и зажег траву. Огонь побежал по последним следам огненного пути собаки и по ее могиле. Я остановился у ручья, куда, как мне казалось, должна была прибежать собака, и затоптал несколько костерков на дальнем берегу, куда ветром перенесло угольки.

Когда все было сделано, я повернул в сторону дома и побежал.

5

Домой я добрался без происшествий, выхлебал две пинты воды, попробовал расслабиться лежа в прохладной ванне, около которой стоял пакет апельсинового сока. Я еще долго дрожал и смывал запах гари с волос. Запах жарящихся овощей приплыл с кухни, где отец готовил обед.

Я был уверен: я почти встретился с братом. Это было не место его ночевки, решил я, но он был там, и я чуть-чуть разминулсся с ним. С одной стороны, я был рад, что не увидел его, в этом было трудно признаться, но это так. Я опустилсся в ванне, вода сомкнулась надо мной.

Я спустился на кухню в халате, отец сидел за столом в шортах и

тенниске, локти на столе, уставившись в "Инвернесский Курьер". Я поставил пакет с апельсиновым соком в холодильник и поднял крышку кастрюли, в которой охлаждалось кэрри. Миска с салатом стояла на столе. Отец переворачивал страницы газеты, игнорируя меня.

- Горячее? - спросил я за неимением лучшего вопроса.

- Х-н-н-х.

Я сел на противоположном конце стола. Отец перевернул еще страницу. Я кашлянул.

- Около нового дома был огонь. Я его увидел. Я пошел и погасил его, - сказал я, оправдываясь.

- Погода такая, - сказал отец, не посмотрев вверх. Я кивнул, почесал лобок сквозь халат.

- Я слышал прогноз погоды, все должно измениться завтра вечером, - я пожал плечами. - Так передали.

- Ну, проживем - увидим, - сказал отец, возвращаясь к первой странице, потом поднялся и проверил кэрри. Я еще раз кивнул, играя с концами завязки халата и небрежно посмотрел на газету. Отец нагнулся над плитой и понюхал смесь в кастрюле. Я не отрывал глаз от газеты.

Я посмотрел на отца, поднялся, подошел к стулу, на котором он сидел раньше, стал как будто я смотрел в дверной проем, но на самом деле мои глаза были скошены в газету. Внизу страницы, слева, был заголовок "ЗАГАДОЧНЫЙ ПОЖАР В КОТТЕДЖЕ". Незадолго до выхода номера в печать дом к югу от Инвернесса внезапно сторел. Полиция проводит расследование.

Я вернулся на свое место за столом и сел на стул.

Мы съели кэрри и салат, я снова начал потеть. Я думал, что я ненормальный, когда однажды заметил, что после кэрри на следующее утро мои подмышки пахли специями, но с Джемми случилась такая же история, и теперь я чувствую себя лучше. Кэрри я заедал бананом и йогуртом, но оно все равно было слишком острое, а отец, у которого к кэрри мазохистский подход, не доел почти половину своей порции.

6

Я продолжал сидеть в халате и смотрел в холле телевизор, когда зазвонил телефон. Я пошел было к двери, но услышал, как отец вышел из кабинета ответить на звонок, поэтому я остался у двери - слушать. Я мало что услышал, но затем застучали шаги по лестнице, и я бросился обратно к креслу, плюхнулся в него, положил голову на спинку, закрыл глаза и открыл рот. Отец открыл дверь.

- Франк, тебя.

- Хм? - медленно сказал я, приоткрывая глаза, посмотрел на телевизор, затем поднялся, слегка пошатываясь. Отец оставил дверь открытой и ушел в кабинет. Я подошел к телефону.

- Мм? Алло?

- Аллоу, это Френк? - сказал очень английский голос.

- Да, алло? - Озадаченно сказал я.

- Хе-хе, Франки, - закричал Эрик. - Я тут, в гуще лесов и по-прежнему ем горячих собак! Хо-хо! Как ты там, мой юный друг? Звезды пророчат удачу? Ты под каким знаком родился? Я забыл.

- Пса.

- Ого! Точно?

- Да. А ты? - спросил я, покорно следуя одному из старых ритуалов Эрика.

- Я - Рак! - крикнул он в ответ.

- Доброкачественный или злокачественный? - устало спросил я.

- Злокачественный! - крикнул Эрик. - У меня вши! - я отодвинул трубку от уха, а Эрик бушевал.

- Слушай, Эрик... - начал я.

- Как ты? Как дела? Какдела? Ты в порядке? Чтоподельваешь? Аты? Где сейчас твоя голова? Откуда ты родом? Боже, Франк, знаешь ли ты, почему "Вольво" свистят? Ну, я тоже не знаю, но какая разница? Что сказал Троцкий? "Мне нужен Сталин так же, как мне нужна дырка в голове" Ха-ха-ха-ха! Вообще-то мне не нравятся немецкие машины, у них фары расположены слишком

близко друг к другу. Ты в порядке, Франки?

- Эрик...

- В постель, спать, возможно, мастурбировать. А, не гладь меня против шерсти! Хо-хо-хо!

- Эрик, - сказал я, посмотрев вокруг и вверх по лестнице, убедившись, что отца не было видно. - Ты заткнешься?

- Что? - обиженно спросил Эрик.

- Собака, - зашипел я. - Видел сегодня ту собаку. Около нового дома. Я был там. Я ее видел.

- Какую собаку? - сказал Эрик удивленно. Я услышал, как он глубоко вздохнул и что-то стукнуло на заднем плане.

- Не пытайся меня запутать, Эрик, я ее видел. Я хочу, чтобы ты прекратил, понял? Не трогай собак. Ты меня слышишь? Ты понял? Ну?

- Что? Какие собаки?

- Ты слышал. Ты слишком близко. Не трогай собак. Оставь их в покое. И детей тоже. И червей. Забудь. Приходи, увидимся. Если хочешь - это было бы здорово - но горящих собак и червей не нужно. Я серьезно, Эрик. Поверь мне.

- Поверить чему? О чем ты? - он спросил грустным голосом.

- Ты слышал, - сказал я и положил трубку. Я стоял около телефона и смотрел на лестницу. Через несколько секунд опять зазвонил телефон. Я поднял трубку, услышал гудки и положил ее на аппарат. Постоял там несколько минут, но больше ничего не произошло.

Когда я возвращался в холл, из кабинета пришел отец, вытирая руки о тряпку, сопровождаемый странными запахами, глаза его были расширены.

- Кто это был?

- Джем, - сказал я "смешным голосом".

- Хххх - с явным облегчением сказал он и ушел.

7

Если не считать отрыжку, вызванную кэрри, отец вел себя тихо. Вечером стало прохладней, я вышел погулять и обошел вокруг острова. С моря набежали облака, закрывая небо как дверь, которая заперла жару над островом. Гром без молнии ворчал на другой стороне холмов. Я спал беспокойно, лежал, потя и дергаясь, поворачиваясь на кровати, пока кровавый не рассвет поднялся над песками острова.

11: Транжира

1

Я проснулся после беспокойного сна, одеяло лежало на полу около кровати. Но я все равно вспотел. Я встал, принял душ, тщательно побрился и забрался на чердак, пока там не стало слишком жарко. На чердаке было очень душно. Я открыл окно и высунул голову наружу, вглядываясь через бинокль в землю позади и море впереди. Небо было закрыто облаками, свет казался уставшим, и ветер был затхлый. Я немного повозился с Фабрикой, накормил муравьев и паука, и венерину мухоловку, проверил провода и батарейки, стер пыль со стекла над циферблатом, смазал дверцы и другие механизмы, большей частью для того, чтобы успокоиться. Я стряхнул пыль с алтаря и аккуратно все на нем расставил, проверил линейкой, что баночки и все остальное было расположено строго симметрично.

Я начал потеть еще до того, как спустился, но мне было лень опять принимать душ. Отец уже встал и приготовил завтрак, пока я смотрел утреннюю субботнюю передачу, Мы ели молча. Я обошел остров, заглянув в Бункер и забрав оттуда мешок с Головами для возможной починки Столбов во время их обхода.

Обойти их заняло больше времени, чем обычно, потому что я много раз останавливался, поднимался на вершину ближайшей дюны, чтобы осмотреть округу. Я ничего не заметил. Головы на Жертвенных столбах были в хорошем состоянии. Мне пришлось заменить пару мышинных голов, но и только. Остальные головы и вымпелы были нетронуты. На обращенном к центру к большой земле склоне дюны, которая была напротив центра острова, я нашел мертвую чайку.

Я забрал голову и бросил все остальное около Столба. Я положил голову, которая уже начинала вонять, в полиэтиленовый пакет, а его положил к уже засушенным в Мешок с Головами.

Я услышал, а потом и увидел как поднялись птицы, кто-то прошел по тропинке, но я знал, что это просто миссис Клэмп. Я взобрался на дюну посмотреть и увидел, как она ехала по мосту на своем старом велосипеде. Когда она исчезла за дюной около дома, я бросил взгляд на пастбище, но там не было ничего нового, лишь овцы и чайки. Со свалки поднимался дым, и я слышал размеренное ворчание старого дизеля на железной дороге. Небо было в облаках, но яркое, ветер липкий и неуверенный. На море около горизонта я видел золотые полосы – вода блестела под разрывами в облаках – но они были очень, очень далеко.

Я обошел все Жертвенные Столбы, потом в течение получаса радовал себя стрельбой по мишени около старой лебедки. Я поставил несколько пустых консервных банок на старое железо барабана, отошел на тридцать метров и сбил их все из катапульты, мне понадобилось только три дополнительные железки для шести банок. Когда я нашел все снаряды, кроме большого подшипника, я поставил банки на место, вернулся на прежнюю позицию, и стал бросать по бакам камни, теперь мне понадобилось четырнадцать камней, чтобы сбить их все. Закончил я метанием ножа в дерево около старого загона для овец и был рад убедиться, что правильно определяю нужное число поворотов ножа, лезвие каждый раз входило прямо в изрезанную кору.

Дома я помылся, сменил тенниску, пришел на кухню и вовремя: миссис Клэмп

подавала первое, которое почему-то было обжигющим бульоном. Я помахал над ним ломтиком мягкого, пахучего белого хлеба, а миссис Клэмп нагнулась над своей тарелкой и шумно прихлебывала, отец крошил хлеб из отрубей, в котором, похоже, были стружки, над своей тарелкой.

- Как поживаете, миссис Клэмп? – вежливо спросил я.

- О, у меня все в порядке, – сказала миссис Клэмп, сдвигая вместе брови, похожие на лохматый конец шерстяной нити, выбившийся из носка. Она закончила гримасу и посмотрела на ложку, с которой капало, она держала ложку около рта, говоря. – О, да, у меня все в порядке.

- Горячее, правда? – сказал я и замычал, продолжая обмахивать хлебом бульон, а отец посмотрел на меня, нахмурившись.

- Лето, – объяснила миссис Клэмп.

- О, да, – сказал я, – а я и забыл.

- Франк, – неотчетливо сказал отец, его рот был полон овощей и стружки.

- Я не уверен, что ты помнишь вместимость наших ложек.

- Одна шестнадцатая пинты? – невинно спросил я.

Он сердито уставился на меня и отпил немного супа. Я продолжать махать, остановившись только, чтобы отодвинуть коричневую пленку, которая собиралась на поверхности моего бульона. Миссис Клэмп опять отхлебнула бульона.

- И как там в городе, миссис Клэмп? – спросил я.

- Отлично, насколько я знаю, – миссис Клэмп сказала супу. Я кивнул. Отец дул в свою ложку.

- У Макисов пропала собака, так мне сказали, – добавила миссис Клэмп. Я слегка поднял брови и озабоченно улыбнулся. Отец перестал дуть и поднял глаза, суп стекал с ложки, конец которой стал медленно опускаться после заявления миссис Клэмп, звук отдавался в комнате как звук мочи, льющийся в унитаз.

- Неужели? – сказал я, продолжая махать. – Какая жалость. Хорошо, что моего брата здесь нет, а то бы его тут же обвинили, – я улыбнулся, посмотрел на моего отца, потом вернулся к миссис Клэмп, она смотрела на меня сузившимися глазами сквозь пар от ее супа. В куске хлеба, которым я охлаждал бульон, образовалась трещина и он разломился. Я ловко поймал отвалившийся край свободной рукой и положил его на мою тарелку для второго, взял ложку и нерешительно попробовал бульон.

- Хм, – сказала миссис Клэмп.

- Сегодня миссис Клэмп не смогла привезти твои котлеты, – сказал отец, кашлянув на "не", – вместо них она привезла тебе фарш.

- Профсоюзы, – хмуро пробормотала миссис Клэмп, плюнув в свою тарелку.

Я поставил локоть на стол, оперся щекой о кулак и озадаченно посмотрел

на миссис Клэмп. Безрезультатно. Она не смотрела вверх, наконец я мысленно пожал плечами и продолжал пить. Отец опустил ложку, вытер лоб рукавом и попытался вынуть ногтем что-то застрявшее между двух верхних зубов, я полагаю, это был кусочек стружки.

- Вчера около нового дома я увидел небольшой костер, миссис Клэмп. Я его погасил. Я был там, увидел и погасил, - сказал я.

- Не хвастайся, парень, - сказал отец. Миссис Клэмп поджала губы.

- Ну, я же сделал это, - я улыбнулся.

- Миссис Клэмп это не интересно.

- Нет, я бы так не сказала, - заметила миссис Клэмп, кивнув головой с непонятным ударением.

- Видишь? - спросил я, мурлыкая, посмотрел на моего отца и указал головой на миссис Клэмп, которая громко прихлебывала.

Во время второго - тушеного мяса - я сидел тихо, отметив только во время десерта, что заварной крем с ревенем имел необычный вкус, хотя на самом деле просто молоко, из которого был приготовлен крем, явно скисло. Я улыбался, отец рычал и миссис Клэмп прихлебывала десерт, сплевывая кусочки ревеня на салфетку. Сказать по правде, крем был немного не доварен.

2

Ужин сильно меня развеселил, и хотя вторая половина дня была жарче, чем утро, я был энергичней. Над морем не было щелей в облаках, свет просачивался сквозь облачное покрывало, объединяясь с наэлектризованностью воздуха и слабым ветром. Я вышел из дома, энергичной трусцой обежал остров, видел как уехала миссис Клэмп, потом я пошел в том же направлении, я хотел посидеть на верхушке высокой дюны, которая была в нескольких сотнях метров от острова и осмотреть млеющую землю в бинокль.

Как только я остановился, с меня закапал пот, и я почувствовал как начала побаливать голова. Я выпил воду, которую взял с собой, затем наполнил фляжку в ближайшем ручье. Безусловно, отец правильно говорил, что овцы испражнялись в ручьи, но я был уверен - у меня был иммунитет на все, чем я мог бы заразиться от воды из ручьев, я его приобрел за годы строительства плотин. Я выпил больше, чем хотел и вернулся на свой наблюдательный пункт. Вдали на траве лежали неподвижные овцы. Даже чаек не было видно, только мухи летали. Со свалки по-прежнему поднимался дымок, еще одна струйка темно-голубого дыма поднималась в лесопосадках на холмах, дым был на краю вырубки, где рубили деревья для изготовления бумаги на фабрике, которая была на берегу залива. Я попробовал услышать жужжание пил, но не смог.

Я водил биноклем, наблюдая за югом, когда увидел моего отца. Я перевел бинокль, потом рванул его обратно. Отец исчез, появился опять. Он был на тропинке, он направлялся в город. Я посмотрел на место, где был Прыжок и увидел, как отец взбирался по склону дюны, на котором я гонял на велосипеде, я увидел отца, когда он был на гребне Прыжка. Я видел, как он споткнулся незадолго до вершины дюны, но не упал и пошел дальше. Его шляпа исчезла за дальним склоном дюны. Я подумал, что отец шатался как пьяный.

Я опустил бинокль и потер подбородок, который слегка чесался. Очень необычно. Отец не сказал о намерении пойти в город. Мне было интересно, почему он туда идет.

Я сбежал с дюны, перепрыгнул через ручей и быстро пошел к дому. Когда я вошел в заднюю дверь, я почувствовал запах виски. Я подсчитал, как давно мы ужинали и когда уехала миссис Клэмп. Это было около часа, полтора часа назад. Я прошел на кухню, где запах виски был сильнее, на столе лежала пустая бутылка 0,25 литра, а стакан стоял сбоку от нее. Я заглянул в раковину, ожидая найти там второй стакан, но там были только грязные тарелки. Я нахмурился.

Это было непохоже на моего отца: оставить невымытую посуду. Я поднял бутылку из-под виски и попытался найти на этикетке отметку, сделанную шариковой ручкой с черным стержнем, но отметки не было. Это могло означать: бутылка была открыта только что. Я покачал головой, вытер лоб полотенцем для посуды. Я снял жилетку и повесил ее на спинку стула.

Я вышел в холл. Как только я посмотрел на лестницу, я увидел телефонную трубку, лежавшую не на, а около аппарата. Я быстро подошел к ней. Поднял.

Звук был странный. Я положил трубку на аппарат, подождал несколько секунд, опять поднял и услышал обычные гудки. Я бросил трубку и взбежал по лестнице к кабинету, повернул ручку и налег на нее всем телом. Ручка не шелохнулась.

"Черт", - сказал я. Я мог предположить, что случилось, и надеялся, отец оставил дверь кабинета незапертой. Должно быть, звонил Эрик. Отец поднял трубку, был шокирован, напился. Вероятно, он пошел в город за добавкой: в магазин за бутылкой или - я посмотрел на свои часы - в этот ли уик-энд открывалась забегаловка "Роб Рой"? Я покачал головой - неважно. Звонил Эрик. Мой отец был пьян. Он ушел в город за выпивкой или встретиться с Диггсом. Или Эрик назначил ему встречу. Нет, вряд ли, Эрик сначала нашел бы меня.

Я взбежал по лестнице, поднялся на горячий чердак, открыл окно, смотревшее на большую землю и изучил в бинокль подходы к острову. Спустился, замкнул дом, пробежал к мосту и по тропинке к высоким дюнам. Все было как обычно. Я остановился на месте, где в последний раз видел моего отца, он был на гребне дюны, идущей к Прыжку. Я почесал лобок в недоумении, раздумывая над наилучшим планом действий. Я чувствовал, что поступаю не правильно, уходя с острова, но у меня было подозрение: главные события произойдут в городе или около него. Я подумал, не позвонить ли Джеми, но он был не в состоянии долго шататься вокруг Портнейла, разыскивая моего отца или нюхая воздух в поисках запаха горелых собак.

Я сел на тропинке и попытался думать. Какой будет следующий ход Эрика? Он может подождать до ночи и подойти к дому (я был уверен, он подойдет к нему, он бы не прошел весь путь, а потом повернул обратно в последний момент, не так ли?) или он достаточно рискнул, когда позвонил и решил, что ничего не потеряет, если прямо сейчас направится к дому. Но с тем же успехом он мог бы придти вчера, что его задержало? У него был план. Или я слишком резко с ним говорил. Почему я положил трубку? Идиот! Может, он собирался сдаться или повернуть обратно! Ведь я оттолкнул его, я, его родной брат!

Я сердито потряс головой и встал. Все эти размышления не привели меня ни к каким выводам. Мне пришлось предположить: Эрик собирался со мной связаться. Значит, я должен вернуться домой, куда он либо позвонит, либо придет раньше или позже. К тому же дом был центром моей силы, а также место, которое я должен защищать. Решив так, с легким сердцем и конкретным планом - если это и был план бездействия - я повернул в сторону дома и побежал обратно.

3

Пока меня не было, в доме стало еще более душно. Я плюхнулся на стул на кухне, потом встал вымыть стакан и убрать бутылку из-под виски. Я долго пил апельсиновый сок, наполнил кувшин соком со льдом, взял пару яблок, половину булки хлеба, сыр и перенес все на чердак. Я взял стул, который обычно стоял около Фабрики и поставил его на платформу, сложенную из древних энциклопедий; открыл окно с видом на большую землю и сделал подушку из старых, выцветших штор. Сел на мой маленький трон и стал смотреть в бинокль. Через несколько минут я достал старое - бакелит-и-катодные-лампы - радио из ящика с игрушками и включил его во вторую розетку через переходник. Я нашел третий канал, там передавали оперу Вагнера, прямо под настроение, подумал я. Я вернулся к окну.

В нескольких местах в облачном покрывале появились дырки, облака медленно двигались, участки ландшафта вдруг оказывались залиты ярким, ослепительным светом солнца. Иногда свет затапливал дом, я наблюдал, как тень от моего сарая медленно двигалась по кругу, день перешел в вечер, и солнце двигалось за рваными облаками. Немного выше старой части города солнце отражалось от окон новых домов, которые стояли среди деревьев. Постепенно один ряд окон прекращал отражать свет, другие ряды начинали, кое-где сплошной ряд прерывался случайными дырами открытых или закрытых окон, или машинами, движущимися по улице. Я выпил сока, подержал кубики льда во рту, а горячее дыхание дома мягко колыхалось вокруг меня. Я продолжал равномерно водить биноклем, забираясь как можно дальше на север и на юг, стараясь не выпасть при этом из окна. Опера закончилась, за ней передавали ужасную современную музыку, звучащую как еретик-на-дыбе и горящая-собака, я не выключил радио, чтобы не дать себе уснуть.

Сразу после половины седьмого зазвонил телефон. Я вскочил со стула, нырнул в проем двери с чердака и скатился по лестнице, сорвал трубку и поднял ее ко рту одним плавным движением. Я был счастлив из-за своей сегодняшней прекрасной координации и спокойно сказал:

- Да?

- Франц? - сказал голос моего отца, медленный и нечеткий. - Франц, эта ты?

Я почувствовал, как презрение просачивается в мой голос:

- Да, папа, это я. Что тебе нужно?

- ...в городе, сынок, - тихо сказал он, как будто собирался заплакать. Я услышал, как он глубоко вздохнул. - Франц, знаешь, я все-гда любил тебя...звоню...я...звоню...приходи... приходи сюда, сынок. Они поймали Эрика, сынок.

Я замер. Я уставился на обои над столиком в углу площадки, на котором стоял телефон. На обоях был узор из листьев, зеленый на белом с чем-то вроде сетки для вьюнков, просвечивающей кое-где сквозь зеленое. Обои были приклеены слегка косо. Я никогда не намечал эти обои, ни разу за все годы, в течение которых я разговаривал по телефону. Ужасно. Отец сплупил, когда их купил.

- Франц, - он откашлялся. - Франц, сынок? - сказал он почти отчетливо, потом опять. - Франц, ты там? Скаж-жи что-то, сынок. Я...Скажи...Я ск-казал, они поймали Эрика.

- Я слышал. Уже иду. Где мы с тобой встретимся, в полиции?

- Нет, нет, сынок. Нет, встр...встретимся около...около библиотеки. Ага, библиотеки.

- Библиотеки? - спросил я. Почему?

- Ну, я пошел, сын. Потор-ропись, э? - было слышно, как он пытался повесить трубку, потом телефон отключился.

Я медленно положил трубку, чувствуя нечто острое в легких, это было ощущение стального осколка, который двигался с грохотом сердца и головокружением.

Постояв немного, я поднялся на чердак выключить радио и закрыть окно. Я вдруг понял: мои ноги устали и побаливали, я перегрузил их в последние дни.

4

Когда я шел в город, просветы в облаках медленно двигались в сторону большой земли. Для половины седьмого было довольно темно, над сухой землей был летний полумрак. Несколько птиц сонно заворочались, когда я проходил мимо. Их много сидело на проводах телефонной линии, идущей на остров по тонким столбам. Овцы издавали свое безобразное, отрывистое блеяние, ягнята им отвечали. Птицы сидели на столбах ограды из колючей проволоки, где клочки грязной шерсти обозначали овечьи следы. Не смотря на всю воду, которую я выпил за день, моя голова снова начала тупо болеть. Я вздохнул и продолжал идти сквозь медленно уменьшающиеся дюны, мимо неровных полей и не правильной формы пастбищ.

До того, как я совсем прошел дюны, я сел на землю, прислонился спиной к дюне и вытер лоб. Я стяхнул каплю пота с пальцев, посмотрел на неподвижных овец и торчащих на столбах птиц. Услышал звон колоколов, доносящийся из города, вероятно, из католического собора. Или прошел слух, что их проклятые собаки в безопасности. Я хмыкнул, издал звук вроде смешка, посмотрел над травой, высохшими кустами и сорняками на колокольню Шотландской Церкви. Я почти видел библиотеку. Я чувствовал, как жаловались на усталость мои ноги, зря я сел. Когда я встану и пойду, ноги будут болеть. Черт возьми, я знал, я просто откладываю визит в город, так же как я откладывал момент выхода из дома после звонка моего отца. Я оглянулся на птиц, похожих на ноты, нарисованные вдоль тех же проводов, которые принесли новость. Я заметил: птицы избегали садиться на одну из секций между двумя столбами.

Я нахмурился, огляделся, нахмурился опять. Я поискал бинокль, но только ощупал собственную грудь - я оставил его в доме. Я встал и пошел по неровной земле, в сторону от дорожки, побежал трусцой, потом побежал, наконец припустил изо всех сил через сорняки и тростник, перепрыгнув загородку на пастбище, где вскочили и разбежались, грустно бляя, овцы.

Пока я добежал до проводов, я запыхался.

Линия была порвана. Перерезанный недавно провод выделялся на фоне дерева столба на большой земле. Я посмотрел вверх, убедившись, что это не глюк. Ближние птицы взлетели и, крича темными голосами в почти неподвижном воздухе, кружились над высохшей травой. Я сбежал к столбу, который стоял на другой стороне залива, на острове. Ухо, покрытое короткой черно-белой шерстью, еще сочащееся кровью, было прибито к столбу. Я дотронулся до уха и улыбнулся. Стал дико оглядываться, но быстро успокоился. Посмотрел в направлении города, где торчала как обвиняющий палец колокольня.

"Ты, лживый ублюдок", – выдохнул я и пошел на остров, набирая скорость, выключив тормоза, стуча по утоптанной тропке, взбежал на Прыжок и перелетел через него. Я кричал, потом заткнулся и стал расходовать дыхание только на бег.

5

Я добрался до дома покрытый потом, взбежал на чердак к окну, остановившись проверить телефон. Он был мертв. На чердаке я быстро осмотрел округу в бинокль, собрался, приготовился, проверил. Сел на стул, включил радио и продолжал наблюдать.

Он был где-то там. Слава Богу за птиц. Мой желудок радовался, посылая по телу волну нутряной радости, я задрожал, не смотря на жару. Лживое старое дерьмо, он пытался выманить меня из дома, поскольку он боялся встречи с Эриком. Боже мой, я был глуп, когда не услышал откровенную фальшь в его пьяном голосе. И у него хватило совести кричать на меня из-за выпивки. По крайней мере, я пил, когда знал, что могу себе позволить, а не когда мне нужны все мои способности на пике форме для борьбы с кризисом. Дерьмо. И он еще называет себя мужчиной!

6

Я сделал несколько глотков из еще прохладного кувшина с соком, съел яблоко, немного хлеба с сыром и продолжил осматривать местность. Солнце садилось, облака смыкались, быстро темнело. Теплые потоки воздуха от земли, которые открыли щели в облаках, умирали, и серое бесформенное одеяло, висевшее над холмами и равниной, становилось плотнее. Я опять услышал гром, и в воздухе появилось что-то острое и угрожающее. Я был взвинчен, я продолжал ждать телефонного звонка, хотя и понимал его невозможность. Сколько времени понадобится моему отцу, чтобы понять мое опоздание? Упал ли он где-нибудь в канаву или уже шел, шатаясь, во главе городского ополчения, которое несло факелы и собиралось линчевать Убийцу Собак?

Неважно. Даже при таком свете я бы увидел любого и вышел бы, чтобы приветствовать брата или убежать из дома и спрятаться на острове, если бы появились линчеватели. Я выключил радио, надеясь услышать крики на большой земле и напряг глаза, пытаюсь рассмотреть землю в затухающем свете. Потом я сбежал вниз, на кухню и упаковал небольшой ужин и положил его в полотняный мешочек на чердаке, это на случай, если мне придется уйти из дома и я встречу Эрика. Он может быть голодным. Я дома и я его встречу. Я сел на стул, стал рассматривать тени на темнеющей земле. Далеко, у подножия холмов, по дороге двигались огоньки, переливаясь в полумраке, они сверкали сквозь деревья, как нерегулярные маяки, они огибали холмы или поднимались на них. Я потер глаза и потянулся, пытаюсь выгнать усталость из всего тела.

Подумав, я положил обезболивающее в мешок, который я возьму в случае необходимости с собой. При такой погоде у Эрика может начаться мигрень, и ему понадобится лекарство. Надеюсь, у него ничего подобного с собой не было.

Я зевнул, раскрыл глаза пошире, съел второе яблоко. Неясные тени под облаками стали темнее.

7

Я проснулся.

Было темно, я сидел на стуле, скрещенные руки лежали под головой на металлической раме окна. Какой-то шум в доме разбудил меня. Секунду я

посидел, чувствуя как колотится мое сердце, а спина протестует против позы, в которой ей пришлось быть так долго. Мне стало больно: кровь пробиралась в клетки рук, куда ей был затруднен доступ весом головы. Я тихо и быстро обернулся на стуле кругом. На чердаке было темно, я ничего не видел, Я нажал кнопку на моих часах и обнаружил, что было пять минут двенадцатого. Я проспал несколько часов. Идиот! Я услышал, как кто-то ходил вниз, нечеткие шаги, закрылась дверь, другие звуки. Разбилось стекло. Я почувствовал, как волосы на шее встали дыбом второй раз за неделю. Я сжал челюсти и приказал себе прекратить бояться и сделать что-нибудь. Это или Эрик или отец. Я спущусь и выясню. Для безопасности я возьму с собой нож.

Я слез со стула, осторожно пошел в направлении двери, нащупывая дорогу по неровностям кирпичей трубы от камина. Я остановился, достал из штанов подол майки и опустил ее висеть, так она скрывала прикрепленный к ремню нож. Я тихо опустился в темный проем. Внизу лестницы, в холле был свет, он отбрасывал странные тени, желтые и неясные, на стены вокруг лестницы. Я подошел к перилам и посмотрел вниз. И ничего не увидел. Шум прекратился. Я понюхал воздух.

Я почувствовал запах дыма и паба, запах выпивки. Должно быть, отец. Я ощутил облегчение. Тут же я услышал, как он вышел из столовой. За ним, подобно реву океана, выплыл шум. Я отошел от перил и стоял, прислушиваясь. Отец шатался, наткнулся на стены и спотыкался на лестнице. Я слышал, как он тяжело дышал и что-то бормотал. Я слушал, ждал, пока поднимется вверх запах и звук. Я стоял и постепенно смог успокоиться. Отец дошел до первой площадки, где стоял телефон. Потом неуверенные шаги.

"Франц!", - закричал он. Я стоял тихо и не ответил. Полагаю, чисто инстинктивно или по привычке, я часто делала вид, будто меня нет там, где я есть и слушал, когда люди думали, что никого рядом нет. Я медленно дышал.

"Франц!", - орал он. Я приготовился отступить на чердак, отошел на цыпочках, избегая мест, где как я знал, пол скрипел. Отец колотил по двери туалета на втором этаже, потом выругался, обнаружив ее незапертой. Я услышал, как он поднимался по лестнице. Его шаги были быстрые, но неровные, он хрюкнул, когда споткнулся и ударился о стену. Я беззвучно поднялся по приставной лестнице, подтянулся и сел на деревянный пол чердака, затем лег в метре от проема, держась руками за кирпичи, я был готов нырнуть за трубу, если отец попытается заглянуть на чердак. Я моргнул. Отец колотил по двери моей комнаты. Он ее открыл.

"Франц!", - опять закричал он. Потом: "Ах...твою мать!".

Мое сердце подпрыгнуло. Раньше я никогда не слышал, как он ругается. Ругань звучала непривычно, совсем не буднично, как у Эрика или Джеми. Я слышал, как отец дышал под проемом, его запах поднимался ко мне: виски плюс табак.

Опять неровные шаги вниз по лестнице, потом звук открывающейся двери его комнаты, она с грохотом захлопнулась. Я вдохнул и понял, что до сих пор держал дыхание. Мое сердце стучало будто собиралось взорваться, и я почти удивился, почему отец не услышал грохота сквозь доски пола. Я немного подождал, но звуков больше не было, только прежний шум в столовой. Он звучал как будто отец оставил телевизор включенный между каналами.

Я лежал, дав ему пять минут, потом медленно встал, отряхнулся, затолкал майку в штаны, в темноте поднял мешок, пристегнул катапульту к ремню, пощупал вокруг, пытаясь найти жилетку и нашел ее, захватив все снаряжение, я прокрался по приставной лестнице и вниз по ступенькам.

8

В столовой телевизор рассыпал шипение в пустой комнате. Я подошел к нему и выключил. Повернулся, чтобы уйти и увидел лежащий комком на кресле твидовый жакет моего отца. Я сморщил нос от вони табака и выпивки, который шел от жакета, и прощупал карманы. Рука сомкнулась на связке ключей.

Я достал ключи и уставился на них. Там был ключ от парадной двери, от задней двери, от погреба, от сарая, пара маленьких ключей, которые я не узнал, и еще ключ к одной из комнат дома, похожий на ключ от моей комнаты, но с другими бороздками. Я почувствовал, как начало высыхать у меня во рту, а рука стала дрожать. На ней выступил пот, капли появились на линиях ладони.

Это или ключ от его спальни или...

Я взбежал вверх, прыгая через три ступеньки, меняя ритм только из-за скрипучих досок. Я прошел мимо кабинета к спальне моего отца. Дверь была распахнута, ключ в замке. Отец храпел. Я мягко закрыл дверь и побежал к кабинету. Вставил ключ в замок, повернул. Замок был хорошо смазан. Я постоял секунду или две, повернул ручку и закрыл дверь.

9

Я включил свет. Кабинет.

Он был заставленный и переполненный, теплый и душный. Лампочка в центре потолка была очень яркая и не давала теней. Там было два лабораторных стола, письменный стол с ящиками для хранения бумаг и раскладушка, на которой лежал клубок спутанных простыней. Там был книжный шкаф, две большие химические установки, пробирки и бутылки, змеевик, присоединенный к раковине в углу. Комната пахла чем-то вроде аммиака. Я повернулся, высунул голову из двери, прислушался и до меня донесся очень отдаленный храп, я достал ключ и запер дверь изнутри, оставив ключ в замке.

Я увидел это, когда отвернулся от двери. Цилиндрическая, закупоренная банка с препаратом стояла на столе, который был сбоку от двери и поэтому он был закрыт дверью, когда она была распахнута. В банке была прозрачная жидкость, предположительно спирт. В спирте были маленькие, разорванные мужские гениталии.

Я смотрел на них, рука на ключе, который я поворачивал, и тут мои глаза наполнились. Я почувствовал комок в горле, он поднялся из глубины моего существа, глаза и нос быстро наполнились и лопнули. Я стоял и плакал, слезы стекали по щекам в рот, я почувствовал их соленый вкус. Из носа текло, я шмыгал, тяжело дышал, один из мускулов челюсти дрожал. Я забыл об Эрике, о моем отце, обо всем на свете, кроме себя самого и своей потери.

Прежде чем я смог успокоиться, прошло много времени, и я взял себя в руки не из-за того, что рассердился на себя или приказал всем частям не вести себя как глупая девчонка, но я успокоился постепенно и естественно, тяжесть покинула голову и осела в желудке. Я вытер лицо рубашкой и тихо высморкался, потом стал методично обыскивать комнату, игнорируя банку на столе. Может быть, она была единственным секретом, спрятанным в кабинете, но в этом нужно было еще убедиться.

Большой частью везде был мусор. Мусор и реактивы. Ящики столов были набиты старыми фотографиями и бумагами. Старыми письмами, старыми счетами и записками, договорами и бланками, и страховыми полисами (ни одного на мое имя, но в любом случае они были давно просрочены), страницами рассказа или повести, которую кто-то печатал на дешевой печатной машинке, текст был покрыт исправлениями, но все равно повесть была ужасная (бред о коммуне живущих в пустыне хиппи, которые вступили в контакт с инопланетянами), стеклянные пресс-папье, перчатки, психоделические значки, старые синглы "Битлз", несколько копий "Оз" и "IT", высохшие ручки и поломанные карандаши. Мусор, все мусор.

Потом я наткнулся на ящик, который был заперт: секция за откидной крышкой с замочной скважиной сверху. Я достал ключи из двери и один из маленьких подошел. Крышка повисла, я вынул четыре ящичка, которые были за ней, и поставил их на стол.

Я смотрел на их содержимое, пока у меня не начали дрожать ноги и я вынужден был сесть на шатающийся стульчик, наполовину задвинутый под стол. Я обхватил лицо ладонями и продолжал дрожать. Что еще мне придется пережить сегодняшней ночью?

Я запустил руку в один из ящичков и выудил оттуда голубую коробочку с тампонами. Трясущиеся пальцы достали и другую коробочку. На ней была этикетка "Гормоны мужские". Внутри коробки были меньшие коробочки, аккуратно пронумерованные черным стержнем - даты приблизительно на шесть месяцев вперед. Другая коробка в следующем ящике была подписана KBr, надпись напомнила мне о чем-то, но воспоминание было в самой глубине сознания. Оставшиеся два ящичка были плотно набиты пачками банкнот по пять и десять фунтов и целлофановыми пакетами с квадратными кусочками бумаги внутри. Но я уже утратил желание пытаться понять, что все это значило, мой мозг

лихорадочно обдумывал ужасную мысль, которая только что в нем появилась. Я сидел, уставившись на ящички с открытым ртом и я думал. Я не смотрел на банку.

Я думал о тонких чертах лица, о покрытых нежными волосками руках. Я пытался вспомнить о случаях, когда я видел моего отца голым до пояса, но не смог вспомнить ни одного. Секрет. Не может быть. Я потряс головой, но не сумел избавиться от мысли. Энгус. Агнесс. Он рассказал мне о том, что случилось. Не знаю, насколько можно доверять миссис Клэмп, не знаю, какой компромат у них был друг на друга, но не может быть! Как чудовищно, как отвратительно! Я вскочил, стул упал и ударил по полу. Я схватил коробки тампонов и гормонов, взял ключи, открыл дверь и выбежал из комнаты, побежал вверх по лестнице, запихнул ключи в карман и выхватил нож из ножен.

"Придет Франк", – зашипел я.

10

Я ворвался в комнату моего отца и включил свет. Он лежал одетый на кровати. Один тубель упал и валялся на полу под его ногой, которая свисала с кровати. Он лежал на спине и храпел. Он зашевелился и положил руку на лицо, отвернулся от света. Я подошел к нему, отодвинул руку и два раза дал ему пощечину. Его голова закачалась, он вскрикнул. Один глаз открылся, потом второй. Я поднес нож к его глазам, он сфокусировался на ноже с пьяной неточностью. От него остро пахло алкоголем.

– Франц? – слабо сказал он. Я замахнулся на него ножом, остановив лезвие в паре миллиметров от его переносицы.

– Ты, ублюдок, – крикнул я. – Что это такое? – я показал ему коробочки с тампонами и гормонами, которые держал другой рукой. Он застонал и закрыл глаза. – Говори! – закричал я и опять ударил его по щеке, теперь тыльной стороной руки, в которой держал нож.

Он попытался откатиться по кровати под открытым окном, но я дернул его на место, подальше от душной неподвижной ночи.

– Нет, Франц, нет, – сказал он, перекачивая голову и пытаясь оттолкнуть мои руки. Я отпустил коробки и крепко схватил его. Притянул его к себе и приставил нож к его горлу.

– Ты мне скажешь, или я... – я не закончил фразу.

Я отпустил его руку и перенес свою руку на его штаны. Я достал ремень из его штанов. Он попытался остановить меня, но я ударил его по рукам и потрогал его горло ножом. Я расстегнул замок, все время наблюдая за ним, пытаясь не представлять, что я найду или не найду. Я расстегнул кнопку над замком. Дернул штаны вниз, рубашку вверх из штанов. Он посмотрел на меня с кровати красными, блестящими глазами и покачал головой:

– Что ты с-сабираешься дел-лать, Франц? Изв-вини меня, изв-вини. Это был эксперимент. Ксперимент...Н-не делай ничего, прошу, Франц...пож-жалуйста.

– Ты, сука, ты сука! – сказал я, чувствуя как все начинает расплываться перед глазами, а голос дрожать. Я сдернул вниз его/ее трусы одним злобным движением.

Нечто заорало вне дома, в ночи за окном. Я стоял, уставившись на черные волосы моего отца и его большой, лоснящийся член и яйца, а какое-то животное заорало на острове. Ноги моего отца тряслись. Потом появился свет, дрожащий и колеблющийся, там, где не должно было быть света, снаружи, над дюнами и еще крики, бляние и мекание, и крики, всюду крики.

– Господи Иисусе, что там такое? – выдохнул отец, поворачивая трясущуюся голову к окну.

Я сделал шаг назад, обогнул кровать, смотря в окно. Ужасные звуки и свет на дальней стороне джунгли приблизились. Свет окружал большую дюну за домом как гало, дюна эта была в направлении Земли Черепа, свет был дрожаще-желтый и дымный. Звук был похож на издаваемый горящим псом, но увеличенный, повторяющийся и повторяющийся, у него был другой тон. Свет становился ярче, нечто побежало через верхушку большой дюны, нечто горящее и кричащее, оно скатилось по склону, смотрящему на море. Это была овца, за ней следовали другие овцы. Сначала еще две, затем полдюжины животных понеслось по траве и песку. Через несколько секунд склон был покрыт горящими овцами, их шерсть в

огне, они мчались вниз дико бляя, зажигали траву и сорняки и оставляли их пылающими в своем огненном следе.

Тут я увидел Эрика. Отец, шатаясь, стал рядом со мной, но я не обратил на него внимания и смотрел на худую, танцующую, прыгающую фигуру на вершине дюны. Эрик размахивал обеими руками, в одной был огромный горящий факел, в другой – топор. Эрик кричал.

- О, Боже, нет, - сказал отец. Я повернулся к нему. Он натягивал штаны. Я пробежал мимо него и к двери.

- За мной! - закричал я ему. Я выбежал из комнаты, вниз по лестнице, не посмотрев, следует ли он за мной. Я видел огонь во всех окнах, слышал крики истязаемых овец вокруг дома. На кухне я подумал, не взять ли с собой воды, но решил – бесполезно. Я выбежал на крыльцо и в сад. Овца, горящая только над задними ногами, почти столкнулась со мной, когда бежала по уже пылающему саду и свернула с испуганным меканьем в последнюю секунду перед столкновением с дверью, потом перепрыгнула через низкую ограду в переднюю часть сада. Я обежал заднюю часть дома в поисках Эрика.

Овцы были везде, огонь тоже. Горела трава на Земле Черепа, пламя прыгало по сараю и кустам, и растениям, и цветам в саду; мертвые, горящие овцы лежали в озерцах живого огня, а другие бегали и прыгали вокруг, стонали и вопили своими низкими, надорванными голосами. Эрик стоял на лестнице в погреб. Я увидел факел, который он держал – мигающее пламя на фоне стены дома под окошком туалета. Эрик атаковал дверь погреба топором.

- Эрик! Нет! - крикнул я. Я двинулся вперед, передумал, повернулся, ухватился за угол дома, сунул туда голову, чтобы посмотреть на открытую дверь. - Папа! Выходи! Папа!

Позади меня послышался звук раскалывающегося дерева. Я повернулся обратно и побежал к Эрику. Я перепрыгнул через дымящийся труп овцы, лежавший перед ступеньками лестницы в погреб. Эрик оглянулся и замахнулся на меня топором. Я прыгнул в сторону. Приземлился и тут же встал, готовый отпрыгнуть, но он стал бить по двери топором, вскрикивая при каждом ударе как будто он и был этой дверью. Острие топора исчезло в дереве двери, застряло в нем, Эрик сильно дернул топор и вытащил его, глянул на меня через плечо и опять ударил по двери, его тень от факела упала на меня, факел был прислонен к двери, и я видел, что новая краска уже начинала гореть. Я достал катапульту. Эрик почти взломал дверь. Отец до сих пор не появился. Когда Эрик ударил по двери, он оглянулся на меня. Пока я искал железку, позади нас закричала овца. Со всех сторон я слышал треск огня и чувствовал запах жареного мяса. Металлический шар лег на ладонь и я его вытащил.

"Эрик!", - крикнул я, когда дверь уступила его натиску. Он взял топор в одну руку, факел в другую. Ударил по двери ногой и она упала. Я закрутил катапульту на последний сантиметр и посмотрел на него через У катапульты. Он взглянул на меня. У него была борода, а лицо было грязное и похожее на маску животного. Это был мальчик, мужчина, которого я знал, но это была и совершенно другая личность. Лицо его улыбалось, глаза косили, он истекал потом, его грудь тяжело вдыхала и выдыхала в ритме пульсации пламени. Эрик держал топор и факел, за ним лежала разломанная дверь погреба. Мне показалось, что я смутно вижу горы кордита, темно-оранжевые в тяжелом свете огня вокруг и факела в руке моего брата. Он потряс головой, он выглядел неуверенным и потерявшим ориентацию.

Я медленно покачал головой.

Он засмеялся и кивнул, полууронил, полубросил факел в погреб и бросился ко мне.

Когда увидел сквозь готовую к бою катапульту как он приближается, я чуть не выстрелил, но в последнюю секунду перед тем, как мои пальцы разжались, я увидел, как он уронил топор, который застучал по ступенькам. Эрик пробежал мимо меня, я отпустил катапульту и отклонился в сторону. Я обернулся и увидел, как Эрик мчался по саду на юг. Я сбежал по ступенькам и поднял факел. Он лежал в метре от входа, далеко от кордита. Я быстро выбросил факел наружу. В пылающем сарае продолжали рваться бомбы.

Взрывы были оглушительными, осколки свистели над головой, окна дома разбились, сарай был разрушен до основания, а затем пара бомб была выброшена взрывом из сарая, и они рванули в сад, к счастью, далеко от меня. Когда я смог поднять голову, сарая больше не было, все овцы были мертвы или

разбежались, а Эрик исчез.

Отец был на кухне, он держал в руках ведро с водой и нож. Когда я вошел, он положил нож на стол. Отец выглядел как будто ему уже сто лет. На столе стояла банка из кабинета. Я сел во главе стола, упав на стул. Я посмотрел на него:

- Около двери погреба был Эрик, - сказал я и засмеялся. В моих ушах звенело после взрывов в сарае.

Отец, выглядевший старым и глупым, стоял и смотрел на меня, его глаза были влажные и выцветшие, его руки дрожали. Я постепенно успокаивался.

- Что... - начал он, потом кашлянул. - Что... что случилось? - он сказал это почти трезвым голосом.

- Он пытался залезть в погреб. Думаю, он собирался нас взорвать. Он уже убежал. Я, как мог, поставил дверь на место. Большая часть костров погасла, тебе это не понадобится. - Я кивнул в сторону ведра с водой, которое он держал. - Вместо этого я хочу, чтобы ты сел и ответил на интересующие меня вопросы.

Он посмотрел на меня, поднял банку с препаратом, но она выскользнула из его пальцев, упала на пол и разбилась. Он нервно рассмеялся, нагнулся и выпрямился, держа то, что раньше было внутри банки. Он показал это мне, но я смотрел ему в лицо. Отец сжал ладонь, потом опять раскрыл ее как фокусник. Он держал розовый шарик. Не яичко, а розовый шар, похожий на кусок пластилина или воска. Я уставился прямо в его глаза.

- Рассказывай, - сказал я.

И он рассказал.

12: Что случилось со мной

1

Однажды, когда я был далеко на юге, дальше даже новых домов, я решил построить дамбу среди песка и озер в камнях той части побережья. Это был совершенный, спокойный, прозрачный день. Между небом и морем не было границы, любой дымок поднимался вверх прямо. На море был штиль.

Невдалеке, на склоне холма были поля. На одном поле было несколько коров и две большие коричневые лошади. Пока я строил, по дороге около поля проехал грузовик. Он остановился у ворот, развернулся так, что его задняя часть стала видна мне. Я видел в бинокль, как история разворачивалась в полумиле от меня. Двое мужчин вышли из кабины. Они открыли заднюю часть грузовика и сделали наклонный помост от земли в кузов, поставили деревянные стойки, из которых получилась ограда на обеих сторонах настила. Обе лошади пришли посмотреть.

Я стоял в луже, вокруг моих резиновых сапог была вода, я отбрасывал на нее тень. Мужчины пошли на поле, и один из них вел лошадь за веревку на ее шее. Лошадь шла покорно, но когда мужчины попытались завести ее в грузовик по помосту между решеток, она заволновалась и отказалась идти, попятилась назад. Ее друг прислонился к ограде изнутри. Я слышал их ржание, оно медленно растекалось в неподвижном воздухе. Лошадь не хотела идти внутрь. Коровы на поле взглянули и продолжали жевать.

Маленькие волны, прозрачные складки света, тихо накатывались на песок, камень, траву и раковины около меня. В тишине прокричала птица. Мужчины отвели по дороге на боковую дорожку грузовик, а за ним и лошадь. Лошадь на поле ржала и бессмысленно бегала кругами. Мои руки и глаза устали, я отвел взгляд в сторону, на холмы и скалы, идущие в сияющий свет севера. Когда я посмотрел на прежнее место, они уже завели лошадь в грузовик.

Немного побуксовав, грузовик поехал. Одинокая растерянная лошадь, поскакала от ворот к ограде и обратно, сначала за грузовиком, потом от него. Один из мужчин остался на поле вместе с лошадью, и когда грузовик исчез за холмом, он успокоил животное.

Позже по пути домой я прошел мимо поля, где осталась лошадь, она спокойно щипала траву.

2

Сейчас, в свежее, ветреное, воскресное утро я сижу на дюне за Бункером и вспоминаю свой сон об этой лошади, который я видел прошлой ночью.

После того, как отец сказал мне то, что должен был, и я прошел через недоверие и ярость к ошеломленному пониманию, и после того, как мы походили по саду, выкрикивая имя Эрика, убирая мусор, гася небольшие костры, мы забаррикадировали дверь погреба и пошли в дом, и он сказал мне, почему он сделал то, что сделал, мы пошли спать. Я закрыл на ключ дверь моей комнаты и уверен – он запер свою. Я спал, я видел сон, в котором я вспомнил о лошадях, проснулся рано и пошел искать Эрика. Когда я выходил из дома, я увидел Диггса, едущего по дорожке. Моему отцу придется многое ему рассказать. Я оставил их наедине.

Распогодилось. Ни ветра, ни грома с молнией, только западный ветер, который смел облака к морю, а вместе с ними и жару. Похоже на чудо, хотя более вероятен антициклон из Норвегии. Итак, было ясно и прохладно.

Я нашел спящего Эрика на дюне над Бункером, он лежал головой в качающейся траве, свернувшись как маленький ребенок. Я подошел и сел около него, посидел и произнес его имя, потрогал его плечо. Он проснулся, посмотрел на меня и улыбнулся.

"Привет, Эрик", – сказал я. Он протянул мне руку и я пожал ее. Он кивнул, улыбаясь. Потом он подвинулся, положил свою курчавую голову мне на колени, закрыл глаза и уснул.

3

Я – не мистер Франциск Лесли Колдхейм. Я – мисс Фрэнсис Лесли Колдхейм. Вот и разгадка. Тампоны и гормоны предназначались мне.

Когда отец одевал Эрика в платьица, это была, как оказалось, только репетиция. Когда Старый Сол порвал меня, отец увидел идеальную возможность для постановки маленького эксперимента и способ уменьшить – а возможно и полностью исключить – женское влияние на него. Поэтому он начал накачивать меня мужскими гормонами, чем и занимался до сих пор. Вот почему он всегда готовил еду, вот почему то, что я считал обрывком пениса было увеличенным клитором. Отсюда моя борода, отсутствие менструаций и все остальное.

А тампоны он держал у себя в течение последних нескольких лет на случай, если мои собственные гормоны возьмут верх над теми, которыми он меня кормил. Бромид был для предотвращения полового влечения, возникшего от избыточных андрогенов. Он сделал фальшивые мужские гениталии из воска набора, который я нашел под лестницей и из которого я делал свечи. Он собирался предъявить мне банку с препаратом, если я начну спрашивать, действительно ли я был кастрирован. Еще одно доказательство. Еще одна ложь. Даже его идеи о пуке были надувательством, он уже много лет дружит с Дунканом-барменом и покупает ему выпивку в обмен на звонок с информацией о составе моей выпивки в "Гербе". Даже сейчас я не уверен, что отец сказал мне абсолютно все, хотя он казался весь во власти порыва, откровенности, и прошлой ночью в его глазах были слезы.

Думая о нем, я чувствую как ярость опять начинает клубиться в моем желудке, но я борюсь с ней. Я хотел его убить, тогда же и там же, на кухне, после того как он рассказал и убедил меня. Часть меня хочет верить, словно это – его очередная ложь, но на самом деле я знаю – это правда. Я – женщина. Бедро в шрамах, большие половые губы немного пожеваны, и я никогда не буду привлекательной, но по мнению отца я – нормальный представитель женского пола, способный к половому акту и родам (содрогаюсь при мысли о любом из них).

Я смотрю на сверкающее море, а голова Эрика лежит у меня на коленях, я опять думаю о бедной лошади.

Я не знаю, что я теперь буду делать. Я не могу здесь оставаться и боюсь уехать. Что за невезуха. Может, я рассмотрю суицид, но некоторые мои родственники подали плохой пример для подражания.

Я смотрю сверху вниз на Эрика: тихого, грязного, спящего. Спокойного. Он не чувствует боли.

Некоторое время я смотрю на небольшие волны, накатывающиеся на пляж. На море, на водяную линзу, двояковыпуклую и кольшущуюся, движущуюся вокруг земного шара, я смотрю на волнистую пустыню, которая бывает плоской как

соляное озеро. Топография поверхности моря разнообразна: оно колыхается, качается, поднимается и опускается, складывается свежим бризом в катящиеся дюны, вздымаются холмами под порывистыми пассатами и, наконец, встает на дыбы белопенными, исполосованными смерчами, горными уступами, поднятыми штормовым ветром.

Там, где я сейчас сижу, где мы сидим, и лежим, и спим, и смотрим на теплый летний день, через полгода будет падать снег. Лед и мороз, наледь и иней, завывающий ветер, рожденный в Сибири, пролетевший над Скандинавией и Северным морем, серые воды мира и седой воздух небес положат на это место свои руки, овладеют им на время.

Мне хочется смеяться или плакать, или и то, и другое разом, а я сижу и думаю о моей единственной жизни и моих трех смертях. В некотором смысле четырех, после того, как рассказанная моим отцом правда убила мое прежнее я.

Но я и есть я, я – та же личность с теми же воспоминаниями, и теми же поступками, теми же (небольшими) достижениями, и теми же (отвратительными) преступлениями.

Почему? Как я мог сделать это?

Возможно, мне казалось, что у меня было отнято все по-настоящему важное, возможность – и способность – к продолжению нашего вида, она была украдена у меня еще до того, как я узнал ее важность. Возможно, каждый раз я убивал из чувства мести, ревниво наказывая единственным доступным мне способом тех, кто приблизился ко мне, тех, кто иначе стал бы тем, чем мне никогда не быть – взрослым.

Я потерял одно стремление и выковал себе другое, чтобы залечить свою рану, я отсекал их, отвечая в моей невинности на кастрацию, хотя тогда я ничего не понимал, но как-то – вероятно через отношение других – чувствовал как несправедливую, непоправимую потерю. У меня не было цели в жизни или в продолжение рода, я вложил все свои силы в их угрюмую антитезу, противоположность и отрицание плодовитости, на которую могли претендовать другие. Мне казалось, что если я лишен возможности стать мужчиной, я стану большим мачо, чем все меня окружающие и поэтому стал убийцей, маленьким подобием жестокого героя-солдата, которому преклоняются практически во всех фильмах и книгах, которые я видел и читал. Я находил или изготавливал орудия убийства, мои жертвы были недавно произведены на свет в результате акта, на который я не был способен, в этом мы пока были равны, но потенциально они могли размножаться, хотя были еще неспособны проделывать требуемое действие, как и я. Вот вам и зависть к пенису.

А теперь оказалось – все напрасно. Не было необходимости для мести, была только ложь, трюк, который нужно было разгадать, камуфляж, сквозь который я должен был проникнуть, но в финале не захотел. Я гордился собой, евнух – но уникал, яростный, благородный защитник своей земли, искалеченный воин, падший принц...

И вот оказалось – я был круглым дураком.

Веря в мою большую боль, в мою в полном смысле ампутацию от общества, я смотрел на жизнь слишком серьезно, а на жизни других, по каким-то причинам, слишком легко. Убийства были моим зачатием, моим сексом. Фабрика была попыткой сконструировать жизнь, я пытался заменить ею причастность к миру, который я избегал.

Ну, всегда легче преуспеть в смерти.

Внутри большей машины все не так нарезано и засушено (или нарезано и засолено), как в моем опыте. Каждый из нас может верить, будто в его личной Фабрике он попал в коридор и судьба его решена и обозначена (сон или кошмар, обычная или странная, хорошая или плохая), но слово, взгляд или ошибка – что угодно – может полностью ее изменить и наш мраморный зал превратится в сточную канаву, наш крысиный лабиринт в золотой путь. Пункт назначения у всех один и тот же, но путешествие – наполовину выбранное, наполовину предопределенное – у каждого разное и изменяется пока мы живем и растем. Мне казалось, дверь захлопнулась за мной много лет назад, но я все еще ползаю по циферблату. Дверь закрывается сейчас, и мое путешествие начинается.

Я снова смотрю на Эрика и улыбаюсь, киваю ветру, а волны разбиваются и ветер движет брызги и траву, и кричат птицы. Думаю, мне придется рассказать моему брату о том, что случилось со мной.

Бедный Эрик пришел увидаться с братом, но нашел (Трам! Бух! Плотины

прорываются! Бомбы взрываются! Осы жужжат: тсссс!) сестру.